А.С. МАКАРЕНКО

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Антон Семёнович Макаренко
(фотография 1907 года)

ЛЬВОВСКИЙ ИНСТИТУТ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ
ЛЬВОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им Ив ФРАНКО

А.С. МАКАРЕНКО

L'vov. Universytet

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ = kn. 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЬВОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1959

Редакционная коллегия:
П. А. Котко, Г. С. Макаренко,
профессор Е. Н. Медынский,
доцент Ф. И. Науменко (ответственный редактор), доцент Г. А. Паперная.

923.747
М235L
Кн. 4

Посвящается 20-летию
со дня смерти
выдающегося советского педагога
Антона Семеновича Макаренко

СТАТЬИ

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ

В апреле 1959 года советская общественность отметила двадцатую годовщину со дня смерти Антона Семеновича Макаренко, выдающегося педагога-мыслителя, талантливого советского писателя.

«Никогда не увядают живые цветы у памятника А. С. Макаренко на Новодевичьем кладбище, — писала «Учительская газета» в марте 1958 года. — Их приносят учителя и студенты, дети и их родители как дань огромного уважения неутомимому борцу за воспитание нового человека коммунистического общества».

Имя А. С. Макаренко известно далеко за пределами нашей Родины, а его произведения «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях» переведены на многие языки мира.

А. С. Макаренко вернул сотням детей, обездоленных жизнью, счастливое радостное детство, воспитав из них активных участников социалистического переустройства нашей отчизны.

Мы глубоко чтим в нем человека, который всю свою деятельность в послеоктябрьские годы посвятил борьбе за новую передовую систему воспитания, своим блестящим педагогическим опытом обогатил методику коммунистического воспитания, советскую педагогическую науку.

Он для нас является примером страстности и творческого горения в работе, блестящим примером в решении вопросов теории в органическом единстве с практикой воспитания.

Мы чтим его за то, что он был верным сыном народа, прославил нашу Родину, коммунистическую систему воспитания.

И самое главное, мы чтим выдающегося советского педагога Антона Семеновича Макаренко за то, что он талантливо воплотил революционные педагогические идеи классиков марксизма-ленинизма в области воспитания, в творческих исканиях решения вопросов коммунистического воспитания шел по ленинскому пути.

Великая Октябрьская социалистическая революция раскрепостила от векового рабства народы России. Только после Октября в полной мере проявился педагогический та-

лант А. С. Макаренко — сына великого украинского народа.

Задача новой педагогики, учил В. И. Ленин, состоит в том, чтобы связать учительскую деятельность с задачами социалистической организации общества.

Новое общество, говорил Владимир Ильич, могут построить только люди, воспитанные в духе коммунистической морали, а поэтому главное в педагогике — подчинить все дело обучения молодежи воспитанию ее в духе этой морали.

Вся педагогическая деятельность А. С. Макаренко после Октября — пример служения этим великим целям ленинского воспитания, воспитания человека новых социальных качеств. Он глубоко проникся ленинской мыслью, что борьба за воспитание молодежи в духе новой коммунистической морали является составной частью борьбы народа под руководством партии за социализм, за коммунизм.

Новое общество, в том числе и новую школу, приходилось строить исходя из средств и людских сил, которые нам оставило старое общество, одновременно ведя борьбу против сил реакции.

В первые годы после Октября А. С. Макаренко, активно вторгаясь в строительство новой системы воспитания, ведет энергичную борьбу с консервативно настроенной частью учительства, которое стремилось тянуть школу по старому пути. Он решительно отбрасывает как педагог, осуждает как писатель, педагогические догмы авторитарной педагогики, иронически высмеивает педагогическую романтику «свободного воспитания», остро критикует педологическое знахарство и «педагогический Олимп». Он сразу и решительно объявляет себя сторонником учения Ленина о решающей роли воспитания в формировании личности, о связи школы с политикой. Не из данных биологии или психологии, а из целей нашей революции, из стремлений нашего народа следует выводить цели советского воспитания, — утверждает выдающийся педагог.

«Наша Советская педагогика должна отправляться от политических целей, а в нашем представлении это значит от того, каким должен быть новый человек, человек коммунистического общества»[1].

Школа, по утверждению А. С. Макаренко, должна бороться за коммунизм с таким же напряжением и силы и воли, как все наше общество.

С полным основанием мы можем утверждать, что ленинская мысль — «школа вне политики — это ложь и лицемерие» — красной нитью проходит сквозь его творческую педагогическую деятельность.

---

[1] А. С. Макаренко. Педагогические сочинения, 1948, стр. 223.

Именно потому, что А. С. Макаренко в своей творческой педагогической работе опирался на ленинские идеи, ему удалось блестяще разработать основы методики, «как нового человека по новому делать», в частности разработать основы педагогики параллельного педагогического влияния.

Особенно плодотворно Антон Семенович работает в этом направлении после того, как он в 1920 году становится организатором и руководителем Колонии им. Горького, а впоследствии руководителем Коммуны имени Ф. Э Дзержинского. Его воспитанники вступали в жизнь людьми высокообразованными, трудолюбивыми. В колонии и в коммуне в решении вопросов воспитания он опирался на среднюю школу с параллельным участием детей в производительном труде. Ленинская мысль о соединении обучения с производительным трудом в воспитании подрастающих поколений для А. С. Макаренко была руководящей. Вопросам общего образования, трудовой подготовки, вопросам воспитания трудовой дисциплины выдающийся педагог придавал первостепенное значение, так как справедливо полагал, что уровень моральности советского человека измеряется прежде всего его отношением к труду, умением жить и трудиться в коллективе на благо коллектива.

«Труд — это жизненная потребность для каждого советского человека»[1] — пишет Н. С. Хрущев в своих «Предложениях», одобренных ЦК КПСС. Отсюда вытекает, что «следует, обучая и воспитывая детей в школах, уже с первого класса психологически готовить их к тому, что они должны будут в дальнейшем принимать участие в общественно-полезной деятельности, в труде, в создании ценностей, необходимых для развития социалистического государства»[2].

А. С. Макаренко не мог себе представить советское воспитание как воспитание нетрудовое.

А. С. Макаренко рассматривал труд не только как категорию экономическую, но и как категорию моральную.

«Человек, который старается на каждом шагу от работы увильнуть, который спокойно смотрит, как другие работают, пользуясь плодами их трудов, такой человек — самый безнравственный человек в советском обществе»[3].

В. И. Ленин развил и углубил учение Маркса о политехническом обучении, как единственном методе подготовки всесторонне развитых людей в социалистическом обществе.

---

[1] Н. С. Хрущев. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране. «Правда», 21 сентября 1958 г.

[2] Там же.

[3] А. С. Макаренко. Книга для родителей. Лекции о воспитании детей. Учпедгиз, 1952, стр. 53.

Все средства воспитательного влияния в самом широком понимании этого слова, которые А. С. Макаренко так блестяще разработал, он подчинил общей задаче коммунистического воспитания, задаче всестороннего развития личности, задаче политехнического обучения и морально-психологической подготовки молодежи к производительному труду во всех его общественно-необходимых формах.

Педагогический опыт выдающегося воспитателя тесно связан со всем опытом социалистического строительства; с опытом коммунистического воспитания молодого поколения, а не является чем-то индивидуально талантливым и потому неповторимым. Именно тем, что опыт А. С. Макаренко органически связан с практикой коммунистического воспитания в нашей стране, можно объяснить тот очевидный факт, что он находит все более широкое применение в работе школ и других воспитательных учреждений, особенно теперь, когда мы осуществляем коренную перестройку нашей школы.

Педагогический опыт Макаренко будет всегда неиссякаемым источником вдохновения и творческих дерзаний для нынешних и грядущих поколений воспитателей на весьма сложном и славном пути воспитания «человека грядущего человечества» (М. Горький). Он вооружает каждого из них оптимизмом, верой в высокое призвание педагога.

Новаторскими средствами педагогического влияния Макаренко сумел перед беспризорниками и правонарушителями еще в двадцатые годы раскрыть наш мир как мир социалистический, в жизни детского коллектива и в мечтах показать красоту человеческих отношений. Без мечты нет революционера, писал В. И. Ленин. Человек наших дней — это новатор, человек блестящих порывов в будущее. Такими людьми стремился А. С. Макаренко воспитать бывших беспризорников и правонарушителей. Этим А. С. Макаренко привлекает и увлекает каждого педагога. Даже самые безнадежные в педагогическом отношении подростки из его рук выходили преданными сыновьями нашей Родины.

Каждый воспитанник А. С. Макаренко не называет его иначе, как своим настоящим отцом.

Есть люди, мысли, дела, идеи которых вечно живы. К числу таких мы относим выдающегося педагога, талантливого писателя А. С. Макаренко.

Книги Антона Семеновича станут настольными книгами по воспитанию нового поколения людей, которые создадут новый мир, и в этом новом мире достижения науки и техники станут достоянием всех.

«Жить без войны, без страха за завтрашний день, без рабства и нищеты, без эксплуатации одних стран другими, без социальной несправедливости — вот о чем веками мечтали лучшие умы человечества, трудящиеся всего мира. Но

только теперь эти благородные мечты могут воплотиться в жизнь»[1]. В решении этой самой гуманной задачи воспитанию принадлежит решающая роль.

В последние годы своей жизни А. С. Макаренко мечтал написать книгу на тему, которую он считал самой важной и шутливо формулировал так: «Как нужно воспитывать человека, чтобы он, хочешь не хочешь, был счастливым человеком».

Этой любовью к человеку, верой в его творческие силы А. С. Макаренко приковывает к себе внимание нашей молодежи и взрослых. И в этом нет ничего удивительного. Каждый, прочитав его «Педагогическую поэму», «Флаги на башнях», становится морально чище, как бы обновляется.

Ленинизм всесилен потому, что он верен. Творческий успех А. С. Макаренко и том, что он основой всей своей педагогической деятельности избрал ленинский принцип партийности, принцип преданности коммунистическим идеалам. Этим он вошел в плеяду выдающихся представителей самой передовой социалистической культуры на таком ее важнейшем участке, как коммунистическое воспитание.

В наши дни, в связи с перестройкой всей системы народного образования, в связи с перестройкой школы, педагогический опыт А. С. Макаренко приобретает особое значение. Решения последнего пленума ЦК партии выдвигают задачи коренного улучшения всей воспитательной работы школы, задачи подготовки учащейся молодежи к жизни, к полезному труду, к активному участию в строительстве коммунистического общества. Творческое использование педагогического наследства А. С. Макаренко безусловно поможет решению этих важнейших задач, поставленных Коммунистической партией перед нашей школой.

---

[1] Из выступления Н. С. Хрущева перед избирателями Калининского избирательного округа г. Москвы 14. III 1958 г.

Г. А. Паперная, Ф. И. Науменко

ЗА ТВОРЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПЫТА А. С. МАКАРЕНКО В РАБОТЕ ШКОЛ-ИНТЕРНАТОВ

Широкая советская общественность с большим удовлетворением встретила решение XX съезда КПСС о создании первых школ-интернатов — учебно-воспитательных учреждений нового типа. Эти школы призваны решать задачи коммунистического воспитания и обучения детей на более высоком уровне, успешно воспитывать молодых строителей коммунизма, «людей большой души и возвышенных идеалов, беззаветного служения своему народу, который идет в авангарде всего прогрессивного человечества»[1].

Несомненное преимущество школ-интернатов по сравнению с массовыми школами заключается в том, что в них создаются самые благоприятные возможности для того, чтобы, как указывал в свое время Антон Семенович Макаренко, «очень легко, красиво и радостно воспитывать замечательные коллективы, а следовательно, и замечательных людей».

В связи с перестройкой среднего образования перед школами-интернатами стоит ответственная задача — готовить своих питомцев к жизни, к полезному труду, к активному участию в общественном производстве. Педагогические коллективы школ-интернатов должны, не снижая уровня общеобразовательной подготовки учащихся, вооружать их одновременно прочными трудовыми навыками, давать им производственную специальность.

В пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг. намечены широкие перспективы развития школ-интернатов, увеличение количества воспитанников в них до 1 миллиона человек. Партия и правительство планируют в ближайшие годы строить эти учебные заведения более быстрыми темпами, т. к. их дальнейшее развитие диктуется самой жизнью. Дело это большой государственной

---

[1] Н. С. Хрущев. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, стр. 77.

важности. Поэтому неустанное совершенствование системы воспитания и обучения детей в школах-интернатах является ответственной задачей всех работников педагогического фронта.

Успешному решению этой задачи в огромной степени может и должно содействовать творческое использование в практике работы школ-интернатов богатейшего педагогического опыта Антона Семеновича Макаренко, опыта, который, по словам А. М. Горького, «имеет мировое значение».

«Окном в коммунизм» назвал Горький коммуну имени Дзержинского, созданную Макаренко. И колония имени Горького и коммуна имени Дзержинского могут служить образцами замечательных коллективов, с исключительной любовью и мастерством взращенных талантливым педагогом.

В классовом обществе господствующие классы всегда идут по пути создания школы, отвечающей полностью их политическим задачам. Макаренко, отражая в своей педагогической деятельности интересы рабочих и крестьян, интересы новой советской демократии, с первых дней революции отдал все свои силы, весь свой большой талант делу создания такого типа воспитательных учреждений, такой методики воспитания подрастающих поколений, которая полностью соответствовала бы политическим задачам трудящихся нашей страны. Педагогический опыт Макаренко явился блестящим воплощением в жизнь марксистско-ленинских идей о воспитании подрастающих поколений.

В школах-интернатах условия работы с детьми приближаются в значительной степени к тем, которые имели место в колонии имени Горького и особенно в коммуне имени Дзержинского. Коммуна фактически уже не была учреждением для правонарушителей. Как указывал сам Антон Семенович, вначале ему присылали обыкновенных беспризорных детей, а за последние четыре года он принимал почти исключительно детей из семьи, где неблагополучие проявлялось не в материальной обстановке, а преимущественно в обстановке педагогической, бытовой[1].

Коммуна представляла собой учебно-воспитательное учреждение — интернат, из стен которого выходили культурные, образованные люди, хорошо подготовленные к сознательной трудовой жизни. Тысячи бывших воспитанников Антона Семеновича успешно трудятся на самых различных участках нашего народного хозяйства, многие из них, не жалея своей жизни, сражались на фронтах Великой Отечественной войны; всем им в высокой степени свойственны те замечательные моральные черты и качества, которые во-

---

[1] Доклад А. С. Макаренко в Научно-практическом институте спецшкол и детских домов НКП РСФСР 20 октября 1938 г.

спитывал у них Антон Семенович и которые характерны именно для советского человека. Таких людей и должны готовить наши школы-интернаты.

Наиболее опытные и сведущие руководители-директора и педагоги уже созданных школ-интернатов с первых же шагов своей деятельности на новом поприще систематически опираются на основные положения, проверенные в опыте Макаренко. И следует признать, что там, где эти положения применяются творчески, последовательно, с учетом конкретных условий, за короткие сроки достигнуты значительные педагогические успехи. Можно указать, в частности, на Московскую школу-интернат № 12, на Ленинградскую школу-интернат № 2, на Николаевскую школу-интернат № 1, на Киевскую школу-интернат № 3, педагогические коллективы которых широко применяют идеи и методы Макаренко, заботливо выращивают первые ростки детских жизнедеятельных коллективов, воспитывают и укрепляют положительные традиции, разумно и четко организуют учебно-трудовую жизнь детей, создавая определенный стиль коллектива, как это делал Антон Семенович. Эти успехи тем более значительны, что школам-интернатам пришлось начинать работу с детьми, пришедшими из разных школ. До поступления в школу-интернат некоторые из этих детей были фактически лишены всякого надзора в семье, не получили нужных культурных навыков, слабо успевали в школе. Так, например, во Львовскую школу-интернат № 2 были приняты дети из 99 школ г. Львова и Львовской области; среди них 12% имели неудовлетворительные оценки по 2—3 и больше предметам.

Естественно, что все это усложняло воспитательную работу с детьми, и потому особенно ощутительны ее первые успехи в ряде школ-интернатов.

Однако есть, к сожалению, и такие школы-интернаты, где учебно-воспитательная работа поставлена совершенно неудовлетворительно, и педагоги чувствуют себя беспомощными в решении сложных и простых вопросов учебы и воспитания, хотя и склонны в ряде случаев декларировать свою приверженность педагогическим идеям Макаренко и других выдающихся советских педагогов. Так, в планах воспитательной работы Львовской школы-интерната № 1 мы можем неоднократно встретить имя Макаренко, ссылки на его опыт, подчеркивание необходимости использования данного опыта. Однако все это лишь «благие намерения», существующие пока только на бумаге. А в многочисленных актах обследования данной школы в 1957 и 1958 гг. указывается на то, что тут «наследство А. С. Макаренко, в частности, по вопросам воспитания детского коллектива и с помощью коллектива... используется крайне неудовлетворительно».

Отдельные школы-интернаты пытаются применить в своей работе педагогическое наследство Макаренко, но делают это эпизодически, непоследовательно, используя только некоторые элементы педагогической системы выдающегося педагога в отрыве от целостной системы воспитательной работы в школе. Конечно, такое использование педагогического наследия Макаренко не может дать желаемого воспитательного эффекта.

Из всей суммы педагогических проблем, в свое время поставленных и блестяще решенных Макаренко, мы хотим в данной статье остановиться на тех, которые, по нашему мнению, являются ныне наиболее актуальными в работе школ-интернатов. Это прежде всего проблемы организации укрепления детского и общешкольного коллектива, соединения обучения с производительным трудом, создания центра влияния в школе.

Неоспоримо то, что для школ-интернатов, где вся жизнь детей проходит в коллективе, центральной проблемой является создание целеустремленного, дружного, работоспособного ученического коллектива.

Вопросы организации и сплочения такого коллектива, естественно, волнуют руководителей и педагогов школ-интернатов. И тут в первую очередь следует обратиться к педагогическому наследству Макаренко.

В целом ряде теоретических работ Макаренко дана детальная методика организации детского коллектива, на разработку которой он, по собственному признанию, потратил свои главные силы. Ибо, по мнению Антона Семеновича, решающим в деле воспитания является не метод отдельного педагога и даже не метод школы в целом, а организация общешкольного коллектива, всего воспитательного процесса. Для создания такого общешкольного коллектива, указывал Макаренко, нужны единые школьные интересы. Педагоги и все дети должны понимать что, зачем и почему надо делать, нужна единая школьная форма работы, единое школьное управление и, наконец, общение коллектива. Это известное макаренковское положение служит как бы исходным пунктом в работе школ по созданию коллектива.

В каждой школе-интернате должны найти широкое применение основные принципы руководства детским коллективом, разработанные Макаренко и проверенные в его педагогической практике. Важнейшими из этих принципов являются постоянное руководство коллективом и одновременное предоставление детям всех возможностей для проявления инициативы, самодеятельности и самостоятельности. Антон Семенович стремился так построить жизнь руководимых им воспитательных учреждений, чтобы дети принимали активное участие во всей многогранной жизни детского коллектива,

чтобы они чувствовали себя хозяевами своего учреждения, ответственными за его благосостояние.

Решительно отвергая мелочную опеку над детьми, Антон Семенович не останавливался перед тем, чтобы поручать своим воспитанникам наиболее ответственные дела. Его педагогика — это педагогика преодоления трудностей. Он считал, что именно серьезность задания воспитывает чувство ответственности. Бывшие сотрудники Антона Семеновича по работе в колонии вспоминают, что в ряде случаев, когда в колонию приезжала какая-либо комиссия, Антон Семенович не выходил, сообщал, что он занят и просит обратиться к дежурному: пусть колонисты чувствуют себя в полной мере хозяевами.

Особое внимание уделял Макаренко детскому самоуправлению, системе полномочий и системе ответственности, без которых не может быть настоящего коллектива. Он добился того, что Совет командиров в колонии и в коммуне пользовался огромным авторитетом, его приказы выполнялись безоговорочно. Антон Семенович сам постоянно следил за тем, чтобы каждое решение органов самоуправления выполнялось без задержек и отсрочек. Однако это не ограничивало свободу, инициативу отдельных воспитанников. Все они и каждый в отдельности могли вносить свои коррективы в жизнь колонии, принимать участие в совершенствовании организации этой жизни. И, если коллектив утверждал эти коррективы, они обязательно выполнялись.

Непоколебимость решений руководящих органов детского коллектива глубоко укоренялась в сознании воспитанников, превращалась постепенно в привычку. Это оберегало коллектив от расслабляющих столкновений и конфликтов, содействовало его укреплению.

Очень важно, чтобы воспитанники школ-интернатов почувствовали себя хозяевами школы, ответственными за нее. В частности, необходимо предоставить больше прав и самостоятельности органам детского самоуправления в школах-интернатах. Ряд серьезных недостатков в работе отдельных школ-интернатов, в том числе и Львовской школы-интерната № 1, во многом объясняется тем, что школьники тут фактически стоят в стороне от всех педагогических и хозяйственных дел, находятся в положении опекаемых, а Совет воспитанников существует чисто формально, так как он не организует и не контролирует весь распорядок жизни детского коллектива. Педагогические коллективы этих школ не сумели пробудить к жизни энергию, активность самих детей и направить ее по надлежащему руслу, не сумели вызвать у учащихся желание принести пользу своей школе, поддержать ее честь. В этом корень многих неудач.

В настоящее время школы-интернаты еще не имеют еди-

ной структуры детского коллектива, структуры ученических организаций. Установить такую структуру, дать единые названия органам коллектива — задача ближайшего будущего, и при решении ее необходимо учесть уже накопленный школами-интернатами опыт работы. Но и теперь, хоть и в различных формах, во всех школах-интернатах существует детское самоуправление, органы детского коллектива. И, безусловно, правильно поступают те школы-интернаты, которые ведут постоянную работу с детским активом, широко привлекают воспитанников к обсуждению всех текущих дел, в том числе и хозяйственных, предоставляют им простор для проявления инициативы. Мы считаем положительным явлением, когда Совет коллектива в школе-интернате, имеющей уже и старшие классы, не только следит за порядком дня, руководит работой дежурных, организует общественно-полезный труд учащихся, но и решает вопросы поощрений и наказаний воспитанников, вручает переходящее знамя, премии, а также обсуждает смету, определяет очередность затрат, является распорядителем тех средств, которые поступают в фонд школы-интерната за собранный металлолом, макулатуру, семена и т. д. Так у ребят воспитывается чувство ответственности перед коллективом, бережное отношение к коллективному достоянию. Именно такой постановке дела учит нас опыт Макаренко.

У некоторых работников школ-интернатов существует совершенно неправильное, с нашей точки зрения, мнение, что Совет коллектива, или, как его еще называют, Совет воспитанников, вообще не нужен, так как он будто бы дублирует функции школьных пионерских и комсомольских организаций. Функции Совета воспитанников, по утверждению этих работников, успешно может и должен выполнять Совет пионерской дружины или комитет комсомола. Против таких предложений в свое время решительно выступал Макаренко. Придавая огромное значение политическому руководству коллективом со стороны комсомола, Антон Семенович подчеркивал, что это нисколько не умаляет значения Совета командиров, как центрального органа самоуправления, который ведет всю текущую работу в коллективе детского учреждения. В том учреждении, писал Макаренко,[1] где есть сильная комсомольская ячейка, совет имеет большое значение, ибо комсомольская организация, работающая правильно, не может подменять самоуправление и проводить обычную, текущую его работу. За комсомолом, естественно, остается общее руководство всеми органами самоуправления и политическое руко-

---

[1] А. С. Макаренко. Методика организации воспитательного процесса. Соч., т. 5.

водство всем коллективом. Совет командиров в этом случае является проводником всех оперативных мероприятий в коллективе. Совет состоит преимущественно из комсомольцев и все важнейшие решения совета должны быть всегда согласованы с бюро комсомольской организации.

Мы считаем, что нельзя не согласиться с этими указаниями Макаренко.

По указаниям Макаренко, главным органом самоуправления в школах-интернатах следует считать общее собрание воспитанников, на котором присутствуют и выступают все члены коллектива. Одной из важных задач общего собрания является привлечение всех воспитанников к активной общественной жизни. Антон Семенович предупреждал, что ни в коем случае нельзя допускать неправильных, ошибочных постановлений общего собрания; поэтому, прежде чем ставить вопрос на рассмотрение общего собрания, руководству школы необходимо самому иметь по этому вопросу ясное мнение и твердо знать, какие силы на собрании будут поддерживать правильное решение.

Руководство, подчеркивал Макаренко, должно всячески поддерживать авторитет общего собрания и стремиться к тому, чтобы это собрание, рассматривая все текущие вопросы жизни и работы, не зарывалось в мелочи сегодняшнего дня. Необходимо, чтобы перед общим собранием всегда стояли широкие задачи всего детского учреждения, чтобы, решая сегодняшние дела, все воспитанники никогда не забывали о задачах завтрашнего дня, о перспективах учреждения, о планах строительства и улучшения жизни.

Основной темой всей работы собраний должно быть движение вперед, расцвет учреждения, улучшение воспитательной работы, успеваемости, производства.

В связи с этими принципиально важными указаниями следует отметить, что многие школы-интернаты совершенно недостаточно используют в своей работе учение Макаренко о перспективных линиях в воспитании.

Антон Семенович требовал от каждого руководителя воспитательного учреждения, от каждого педагога умения намечать систему перспективных линий, т. е. постоянно ставить перед коллективом жизненные, конкретные задачи, постепенно расширяя перспективы от маленьких задач сегодняшнего дня к большим творческим задачам будущего. Только вокруг конкретного дела можно организовать массы, учил В. И. Ленин. Следуя ленинским указаниям, глубоко понимая, что законом советской жизни является неустанное движение вперед, Макаренко ставил перед своими воспитанниками все более сложные задачи, обогащая их жизнь, расширяя их горизонты. В борьбе за осуществление этих задач создавался и креп коллектив колонии и коммуны, проявля-

лись его творческие силы. Преодоление возникающих трудностей и препятствий на пути к поставленной цели способствовало сплочению коллектива, его моральному совершенствованию, его росту.

Система перспективных линий, умело примененная в школе, поддерживает бодрое, жизнерадостное настроение детей, приучает их целым коллективом бороться за осуществление поставленных целей. Лучшие школы-интернаты с самого начала своей работы широко используют систему перспективных линий в воспитании, увлекая учащихся все новыми и новыми полезными делами, намечая четкую программу действий и развивая творческую инициативу самих учащихся. Воспитатели этих школ используют как «зацепку» и мелочи, чтобы от них перейти к более широким, более ценным в идейно-воспитательном отношении целям. Характерной в этом отношении является воспитательная работа Московской школы-интерната № 12, где путем постепенного перехода от наиболее примитивных перспектив, удовлетворяющих ближайшие материальные потребности, к более широким, стала возможной, в частности, постановка такой перспективы, как полная успеваемость всех учащихся. Только общими усилиями всех педагогов и учащихся можно сделать эту заманчивую перспективу реальностью. Если в первом полугодии 1956—1957 г. успеваемость по школе равнялась 64%, то в конце первого полугодия 1957—1958 г. она уже составляла 96%.

Все педагоги школ-интернатов должны овладеть искусством развертывания перспективных линий перед детским коллективом. Предстоящие революционные праздники, всякого рода вечера, соревнования, встречи со знатными людьми нашей страны, работа в колхозе, на предприятии, выполнение полученных заказов, пополнение мастерских оборудованием, благоустройство своего участка — все это воспитанники должны видеть в перспективе, стремиться к этому в общем радостном трудовом напряжении. Необходимо помнить указания Макаренко о том, что завтрашний день в детском коллективе должен казаться обязательно лучше сегодняшнего, так как дети еще неспособны надолго вперед располагать свои стремления и интересы; детский коллектив обязательно должен расти, видеть впереди лучший завтрашний день.

Поэтому стилем детского здорового коллектива должна быть бодрость, проявление уверенности в своих силах, в своем будущем — то, что Антон Семенович определял одним словом — мажор.

Макаренко считал, что ничто так не скрепляет детский коллектив, как традиции, т. е. такие правила и привычки, которые прочно входят в жизнь коллектива и горячо поддерживаются общественным мнением. Воспитательная сила

такого рода «внутренних законов» очень велика: они и укрепляют, и украшают, и облагораживают детский коллектив.

Антон Семенович подчеркивал ту мысль, что успешное воспитание в коллективе вообще невозможно без накопления и сохранения традиций, создающих стиль коллективной жизни. Следуя учению Макаренко, лучшие школы-интернаты уже стали на путь создания ряда положительных традиций. Постепенно укрепляются в школах-интернатах традиционные формы дежурства, традиционные формы проведения революционных праздников и юбилейных дат, в частности, ежегодный праздник «за честь родной школы», празднование дня рождения воспитанников, традиционные выставки лучших ученических работ, традиция точности во времени и т. д.

Московская школа-интернат № 8 вводит в практику воспитательной работы традиционные конкурсы на чистоту и порядок в школе, на лучшую тетрадь, на лучшее исполнение пионерской песни, причем победители конкурса заносятся в Книгу почета. Положительный опыт отдельных школ в этом направлении заслуживает массового распространения.

Нам кажется необходимым создание и максимальное культивирование в каждой школе-интернате такой чрезвычайно ценной традиции, как шефство старших воспитанников над младшими, старших классов над младшими: например, V класса над I классом; VI класса над II классом и т. д. В воспитательных учреждениях, руководимых Макаренко, этой традиции всегда придавалось особое значение. Старшие колонисты и коммунары трогательно заботились о малышах, помогали им в труде, в учебе, следили за их внешним видом, за их поведением и несли за все это серьезную ответственность. Антон Семенович указывал на большой воспитательный эффект такого шефства, являющегося естественным условием постоянного накопления опыта и передачи опыта старших поколений. Младшие усваивают навыки поведения, получают разнообразные сведения, приучаются уважать старших и их авторитет; у старших забота о младших и ответственность за них воспитывают необходимые для советского гражданина качества: внимание к человеку, великодушие и требовательность, наконец, качества будущего семьянина и много других.

Но такой стиль отношений старших и младших Макаренко считал высшей формой организации воспитательного процесса, требующей квалифицированного и вдумчивого педагогического руководства и влияния. При умелом руководстве учащиеся старших классов школ-интернатов могут стать активными помощниками воспитателей в их работе с малышами. Ведь старший товарищ всегда в какой-то мере импонирует младшему и своим бо́льшим жизненным опытом,

и своей бо́льшей осведомленностью. Его влияние на малыша может быть весьма велико и при соответствующем направлении очень благотворно.

Как иллюстрацию к этой мысли можно привести случай из воспитательной практики Львовской школы-интерната № 2. В ноябре 1957—1958 учебного года в первый класс этой школы был принят Володя Демиденко. В семье мальчик, очевидно, был лишен всякого надзора и предоставлен самому себе. Вид у Володи был весьма воинственный, он явно чувствовал себя «героем», которому «море по колено». На уроке он мог встать, лечь, выйти без разрешения из класса. На замечания учительницы и воспитательницы почти никак не реагировал, с ребятами ссорился и дрался. Жалобы на Володю сыпались со всех сторон. В первом классе в начале года, конечно, еще не было такого детского коллектива, который мог бы воздействовать на дезорганизатора. Учительнице и воспитательнице Володя, несмотря на свои большие способности, доставлял массу огорчений. Они всячески старались воздействовать на мальчика, но ни разъяснения, ни убеждения, ни требования, ни угрозы, ни наказания — ничто не помогало. Мальчик сильно мешал нормальной работе класса и в скором времени на педагогическом совете даже встал вопрос об его исключении.

Лучшим, наиболее сплоченным первичным коллективом данной школы заслуженно считался в первом полугодии 1957—1958 учебного года коллектив 5 «А» класса. И вот воспитатели этого класса решили активно вмешаться в судьбу Володи, воздействуя на него через коллектив. С ребятами 5 «А» класса была проведена откровенная, задушевная беседа. Воспитатели рассказали им о Володе все, высказали опасения, что его, вероятно, придется исключить из школы, хотя он мог бы прекрасно учиться, и прямо спросили — может ли 5-й класс помочь Володе стать дисциплинированным учеником и хорошим товарищем. В ответ на этот вопрос поднялось множество рук, каждый хотел поскорее высказаться, и никто не высказал сомнений в том, что класс «справится с Володей». Ребята были явно польщены оказанным им доверием. Высказывались и те, кто еще год назад мало отличался от Володи. Тут же был выработан «план действий», и план этот ребята осуществили блестяще. Надо было видеть, как по-своему тонко и умело подходили 11—12-летние ребята к 7-летнему Володе, каким вниманием и заботой они его окружили, какие решительные требования ему ставили. Конечно, все это направлялось воспитателями, но внешне воспитатели стояли как бы в стороне, следуя принципу педагогики параллельного педагогического действия.

Володя был вначале просто поражен дружным напором пятиклассников, ему льстило их внимание к его особе, и пу-

гала их требовательность, которой он в конце концов не мог не подчиниться. Кончилось тем, что Володя очень привязался к своим шефам, а они к нему. Когда пятиклассники готовили домашние задания, Володя тихонько сидел возле них, рассматривал их рисунки, книжки. На переменах они охотно играли с ним, не выпуская из своего поля зрения, не допуская никаких конфликтов между ним и младшими ребятами.

Большой радостью было для Володи и то, что мальчики 5-го класса взяли его к себе в спальню.

За сравнительно короткое время поведение у Володи неузнаваемо изменилось, в дневнике его появились четверки и пятерки, он стал охотно выполнять любые поручения учительницы и воспитателей. 5-го мая 1958 года Володя счастливый влетел на перемене в 5-й класс. Он спешил поделиться с друзьями своей радостью: сегодня на пионерской линейке 1—4 классов в рапорте было названо его имя, как хорошего ученика и лучшего организатора 1-го класса.

Можно было бы привести еще немало примеров, свидетельствующих о большом воспитательном эффекте шефства старших учащихся над младшими, особенно в условиях школ-интернатов. Укрепление традиции шефства старших воспитанников над младшими, постоянное общение между ними несомненно будет содействовать сплочению общешкольного коллектива, содействовать воспитанию у каждого школьника чувства ответственности не только за себя, но и за весь коллектив.

Педагогический опыт Макаренко убедительно свидетельствует о том, что коллектив создается и укрепляется прежде всего в процессе активной, трудовой деятельности его членов. В советской воспитательной работе труд является одним из самых основных элементов. Но Антон Семенович неоднократно подчеркивал ту мысль, что труд сам по себе как затрата физической энергии без тесной связи с обучением, с идейно-политическим воспитанием учащихся не дает нужных воспитательных результатов. Необходима тщательно продуманная организация труда учащихся, направленная на воспитание у них любви к труду и желания трудиться, желания как можно лучше подготовить себя к участию в общем труде советского народа.

Вопросы трудовой политехнической подготовки воспитанников школ-интернатов сейчас в свете задач перестройки среднего образования особенно актуальны. Школа-интернат — политехническая школа. Так же, как и масовые школы, она должна не только дать своим выпускникам общее образование, но и подготовить их к практической деятельности в сфере материального производства. В основе всей учебно-воспитательной работы школ-интернатов должен лежать ленинский принцип соединения обучения учащихся с

их участием в производительном труде, в тесной связи школы с жизнью. Творческая мысль педагогических коллективов школ-интернатов направлена теперь на искание лучших путей осуществления этого важнейшего принципа. И в этом вопросе много ценного можно почерпнуть из педагогического опыта Макаренко, в частности из опыта организации работы в учебных мастерских, а позже на заводах коммуны имени Дзержинского.

Общеизвестно, что именно Макаренко один из первых претворил в жизнь, осуществил на практике ленинскую идею соединения обучения с производительным трудом подрастающих поколений как средства воспитания всесторонне развитых людей. Коммунары четыре часа в день проводили в школе и четыре часа работали на производстве. Следует отметить то обстоятельство, что Антон Семенович считал возможным ограничить работу на производстве до двух часов в день, но оставить ее обязательно ежедневной, так как именно ежедневное чередование умственного и физического труда особенно благоприятно влияет на всестороннее развитие воспитанников. С 1933 г. обучение в коммуне стало одиннадцатилетним (6 лет в школе и 5 лет на рабфаке). Исключительно четкий, рационально построенный режим учебы и труда предусматривал время и для целого ряда внешкольных мероприятий, в частности для занятий коммунаров в различных технических кружках, в которых обычно изучался техминимум по определенной специальности.

В первые годы существования коммуны коммунары работали только в учебных мастерских, но с самого начала Макаренко поставил дело так, чтобы труд воспитанников носил производительный характер. Коммунары изготовляли различные вещи для коммуны, а также выполняли заказы от организаций. Получаемый доход имел не только хозяйственное, но и большое воспитательное значение — коммунары видели рост благосостояния своего коллектива, реально ощущали плоды своего труда. С 1930 года коммуна перешла на полную самоокупаемость. Однако Макаренко считал, что нельзя ограничиваться работой учащихся только в мастерских, даже если эти мастерские прекрасно оборудованы; необходимо участие детей в трудовом процессе большого производства, где они учатся правильным взаимоотношениям между членами производственного коллектива. Коммуна постепенно переходила от кустарного производства к более сложному—заводскому. Построенные к 1932 г. на средства коммунаров завод электроинструментов и завод фотоаппаратов были оборудованы по последнему слову техники. Коммунары получили настолько высокую квалификацию, что прекрасно ориентировались в сложнейших производственных процессах. Коммуна обеспечива-

ла каждому своему воспитаннику и среднее образование, дававшее возможность поступить в высшее учебное заведение, и высшую производственную квалификацию. Коммунары были, по выражению Антона Семеновича, настоящими «командирами станков». Нельзя не согласиться с утверждением Макаренко, что среднее образование и, например, квалификация фрезеровщика 3-го разряда — это действительно прекрасная комбинация. Антон Семенович прямо указывал, что в нашей советской школе должно быть производство, что труд детей на производстве открывает многие воспитательные пути. Именно производительный труд является лучшим средством борьбы с какими бы то ни было иждивенческими настроениями отдельных воспитанников.

В учебном плане школ-интернатов предусмотрен труд учащихся V—VII классов в школьных учебно-производственных мастерских и на учебно-опытных участках, а для учащихся старших классов — занятия по основам производства и производственная практика. Однако еще далеко не во всех школах-интернатах имеется удовлетворительная база для трудового обучения учащихся, как это видно из материалов совещания директоров школ-интернатов. В ряде школ мастерские оборудованы совершенно недостаточно, не обеспечены нужным количеством инструментов и материалов. Школы эти не сумели установить необходимых связей с соседними предприятиями, колхозами, которые могли бы помочь им в создании нужной базы политехнического обучения. Труд учащихся тут организуется вне всякой связи с современным промышленным производством. Такая постановка трудового обучения не приносит необходимой пользы. Труд учащихся в мастерских и на учебно-опытных участках должен быть производительным, т. е. входить в систему экономических связей, существующих в нашем обществе. Нужно учиться у Макаренко умелому сочетанию учебных и хозяйственных задач. Учащиеся могут и должны изготовлять в мастерских не только вещи, необходимые для школы-интерната (мебель, учебно-наглядные пособия, хозяйственный инвентарь), но и выполнять некоторые заказы предприятий. Нужно приветствовать и распространять опыт тех школ-интернатов, где труд учащихся организован по-макаренковски.

В Московской школе-интернате № 12 воспитанники в своих мастерских изготовляют по заказу Главучтехпрома наборы географических фигур для школ, по заказу одного из научно-исследовательских институтов—клетки для кроликов, и по заказу фабрики игрушек — упаковочные коробки. Учащиеся заработали уже свыше 150 000 рублей. И наряду с этим, школа всячески расширяет участие воспитанников в бытовом труде, в замене части сотрудников, как это имело место в учреждениях, руководимых Макаренко.

В Коркинской школе-интернате Челябинской области воспитанники в своих мастерских изготовляют лабораторные столы, шкафы для учебных кабинетов, стеллажи для библиотеки[1].

Совершенно прав директор Ленинградской школы № 2, утверждая, что все школы-интернаты должны стать производящими организациями, это и будет настоящей связью обучения с жизнью, на необходимость которой указывал XX съезд КПСС[2].

Каждый воспитанник школы-интерната должен получить, кроме среднего политехнического образования, и определенную квалификацию, как это фактически имело место в опыте коммуны им. Дзержинского.

При школах, расположенных в сельских местностях, необходимо организовать подсобные хозяйства так, чтобы воспитанники, работая на них, получали необходимые навыки по полеводству, животноводству, садоводству, овладевали основными сельскохозяйственными квалификациями. Но это возможно лишь в том случае, если подсобные хозяйства будут основаны на новейших достижениях агрономической науки, если на них будет проводиться и опытническая работа учащихся по заданиям колхозов и совхозов.

Надо смелее ввести и школы-интернаты систему оплаты производительного труда учащихся в мастерских и на подсобном хозяйстве, создать материальную заинтересованность ребят в труде. Педагогический опыт Макаренко показывает, что при правильной постановке этого вопроса заработная плата может быть серьезным воспитательным фактором и содействовать воспитанию коллективиста, а не разжигать частнособственнические чувства, как этого опасаются некоторые руководители и педагоги школ-интернатов.

В коммуне им. Дзержинского существовала такая система выдачи заработной платы воспитанникам: 1/4 заработной платы ежемесячно перечислялась на текущий счет воспитанника в сберкассе, другая четверть зарплаты отчислялась на содержание младших воспитанников; 1/8 часть заработной платы переходила в распоряжение Совета командиров и составляла фонд, предназначенный для различных видов товарищеской взаимопомощи, а также для культурных мероприятий; и, наконец, оставшиеся 3/8 месячного заработка воспитанник получал на руки, причем обычно деньги выдавал сам Антон Семенович, делая при этом иногда некоторые указания воспитаннику. Новички, которым еще не было присвоено почетное звание коммунара, могли получить

---

[1] Первые итоги. Материалы Всероссийского совещания директоров школ-интернатов. М., 1957, стр. 17.

[2] Там же, стр. 56.

свои деньги из сберкассы только по особому разрешению Макаренко и обязаны были давать ему отчет о том, как они израсходовали полученные суммы; однако это отнюдь не значит, что коммунары не могли расходовать полученные деньги по своему усмотрению. Таково было решение Совета командиров и общего собрания коммунаров. Эта система, несомненно, была результатом большой воспитательной работы и ее основные принципы могут быть заимствованы школами-интернатами.

В трудовом воспитании колонистов и коммунаров большую роль играл метод социалистического соревнования. Общеизвестно, что В. И. Ленин чрезвычайно высоко ценил социалистическое соревнование как метод строительства нового, коммунистического общества. Владимир Ильич указывал на то, что социализм не только не гасит соревнование, а, наоборот, впервые создает возможности применить его действительно широко в массовых размерах.

Следуя ленинским указаниям, Антон Семенович широко применял социалистическое соревнование между производственными бригадами и отдельными воспитанниками. Именно в процессе социалистического соревнования воспитывалось у колонистов и коммунаров коммунистическое отношение к труду, трудовая инициатива, товарищеская взаимопомощь. Сопоставление трудовых успехов отдельных бригад было большим стимулом активизации воспитанников, оно стимулировало их к борьбе за лучшие показатели в своем труде.

Необходимо решительно пересмотреть вопрос о социалистическом соревновании в школе. Если весьма сомнительным является целесообразность применения его в учебной работе, то не вызывает сомнений большое воспитательное значение социалистического соревнования учащихся в производительном труде, в общественно полезной работе. В школах-интернатах социалистическое соревнование воспитанников может и должно сыграть большую положительную роль. Воспитатели школ-интернатов должны суметь зажечь огонек соревнования среди своих воспитанников и направить это соревнование на разнообразную, творческую трудовую деятельность и на борьбу за овладение знаниями.

Макаренко неоднократно подчеркивал решающую роль воспитателя, педагога и в трудовом воспитании учащихся, и во всей системе учебно-воспитательной работы. Выдвигая на центральное место воспитание в коллективе, утверждая, что в педагогике параллельного действия «детский коллектив выступает воспитателем личности», Макаренко одновременно указывал на то, что «коллектив как воспитатель личности требует исключительного внимания педагогов». Работа по организации и сплочению общешкольного коллектива не только не

снижает роль воспитателя, а, наоборот, значительно повышает ее. Призвание педагога, по определению Макаренко, в том и заключается, чтобы руководить ростом детского коллектива, постоянно повышать его культуру. В детском коллективе, утверждал Антон Семенович, должны быть авторитетные, культурные, работоспособные, хорошие взрослые люди, только тогда может повыситься культура детского коллектива. Организатором детского коллектива, организатором всего воспитательного процесса в колонии и в коммуне выступал коллектив педагогов во главе с Макаренко.

В школах-интернатах, которые должны быть для детей и родным, домом, и школой, роль педагогов, воспитателей особенно велика. Ведь дети находятся в их руках все 24 часа в сутки. Организация учебы, труда, отдыха, развлечений, всего быта учащихся, успех этой организации всецело зависит от педагогов. Недаром для каждой школы-интерната предусмотрен, кроме учителей, специальный штат воспитателей, под постоянным вниманием которых должны находиться дети.

Макаренко придавал огромное значение личности воспитателя, его моральному облику, его педагогическому мастерству и отношению к своему делу. Отношение самого Антона Семеновича к своим воспитанникам всегда было проникнуто глубоким гуманизмом. В этом отношении высокая требовательность к каждому ребенку сочеталась с сердечной, теплой, поистине отцовской заботой о нем. Нам кажется, что прав В. Терский, много лет проработавший вместе с Макаренко, когда он утверждает, что непререкаемый авторитет Антона Семеновича основывался не только на его светлом разуме, на его таланте и исключительной трудоспособности. Все это, конечно, способствовало незыблемости авторитета Антона Семеновича. Но главное, на чем зиждился его исключительный авторитет, заключалось в том, что каждому своему воспитаннику и сотруднику он искренне желал добра. Он был для детей лучшим, настоящим, подлинным другом.[1] Именно такому отношению к детям мы все должны учиться у Антона Семеновича.

Для школ-интернатов исключительно важно укомплектование их высококвалифицированными воспитателями, мастерами своего дела, энтузиастами, горячо любящими детей и педагогическую работу. Тут особенно не могут быть терпимы люди, формально относящиеся к своему делу, не любящие детей, не доверяющие им, люди, лишенные того, что Макаренко назвал «оптимистической гипотезой» в подходе к воспитаникам.

В акте комиссии, обследовавшей постановку учебно-воспитательной работы во Львовской школе-интернате № 1, пра-

---

[1] Учительская газета от 13 марта 1958 г.

вильно осуждены глубоко ошибочные взгляды отдельных воспитателей, утверждающих, что многие дети до поступления в школу-интернат были «травмированы психически» и поэтому «с ними ничего нельзя сделать». В такого рода утверждениях ярко проявляется неверие в силу советского воспитания, влияние псевдонауки педологии, осужденной Центральным Комитетом ВКП(б) свыше двадцати лет тому назад. Все это остатки той реакционной философии обреченности части детей, которую решительно отбрасывает советская наука и против которой вел упорную борьбу Макаренко.

Антон Семенович своим блестящим шестнадцатилетним опытом воспитания беспризорников и правонарушителей наглядно опроверг глубоко реакционный педологический «закон» фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды. Всей своей деятельностью Макаренко доказал огромную, преобразующую силу воспитания, особенно в условиях социалистической действительности, способствующей всестороннему развитию каждого человека.

Антон Семенович прямо указывал, что нужно говорить не о морально-дефективных детях, а о дефективных методах воспитания. Воспитатель, заявляющий, что многие дети так безнадежно испорчены, что «с ними нельзя ничего сделать», конечно, не может работать воспитателем. Подобными фразами обычно прикрывается собственное неумение и нежелание работать по-настоящему.

Макаренко особенно высоко ценил в воспитателе чувство искренней любви к детям, оптимистическую веру в силу воспитания, умение находить пути к тому лучшему, что есть в каждом человеке. С глубокой убежденностью говорил Антон Семенович, что каждый его воспитанник в чем-то одарен. На такой педагогический оптимизм обязаны опираться педагоги, воспитатели школ-интернатов. Это залог успеха в работе. Вместе с тем каждому руководителю школы-интерната необходимо помнить очень важное указание Макаренко о том, что педагогика не может положиться на изолированного воспитателя, каким бы хорошим он ни был, что ни один воспитатель не имеет права действовать в одиночку, на свой собственный риск. Там, где воспитатели не объединены в коллектив, и коллектив не имеет единого плана работы, единого тона, единого подхода к ребенку, не может быть никакого воспитательного процесса. Единство педагогического коллектива имеет решающее значение. По мнению Макаренко, самый молодой, самый неопытный педагог в едином, сплоченном общешкольном коллективе, во главе которого стоит хороший мастер-педагог, сделает больше, чем самый опытный и талантливый педагог, идущий против коллектива, действующий изолированно.

В связи с этим Макаренко предупреждал, что для любого воспитательного учреждения (в том числе, конечно, и для школ-интернатов) нет ничего более неприятного и опасного, чем индивидуализм, погоня за личными успехами, склоки и разлад в педагогическом коллективе. В ряде своих публичных выступлений Антон Семенович подчеркивал, что одна из главных причин его успеха заключалась в том, что ему пришлось работать шестнадцать лет в одном коллективе, что у него в этом коллективе были чудесные товарищи, сотрудники, коллеги, с которыми он, советуясь, совместно творя, решал вопросы организации воспитательного процесса.

Лучшие руководители школ-интернатов, стремясь наиболее эффективно организовать учебно-воспитательный процесс, исходят из опыта Макаренко и в центре своего внимания ставят работу с коллективом педагогов: подбор и расстановку педагогических кадров, выработку единого плана работы, единого стиля и тона, единого подхода к решению важнейших педагогических вопросов. Перед педагогами школ-интернатов в процессе работы возникает теперь немало новых, сложных вопросов, на которые педагогическая теория еще не успела дать ответов, и которые в то же время требуют быстрого решения. Совместное оперативное обсуждение таких вопросов, совместно принимаемые решения оказывают огромную помощь каждому отдельному педагогу, а в педагогическом коллективе создают чрезвычайно ценную атмосферу коллективных творческих исканий.

Неудачи отдельных школ-интернатов прежде всего следует отнести за счет того, что их руководители почти всецело поглощены материально-хозяйственными вопросами и недостаточно внимания уделяют организации работы педагогического коллектива, контролю над этой работой. А между тем директор школы — это прежде всего центр педагогического коллектива и центр всего учреждения.

Опираясь на учение классиков марксизма-ленинизма о единоличной ответственности и коллегиальности в руководстве, Макаренко отводил особое место проблеме создания школьного «центра влияния». Таким «центром влияния» в школе должен быть, по мнению Антона Семеновича, авторитетный педагог, стоящий во главе школьного педагогического коллектива. Идеально, когда директор школы пользуется таким общепризнанным авторитетом, умеет повести за собой педагогический коллектив. Это обязательное условие создания единства требований и единства действий всего педагогического коллектива.

Макаренко не раз отмечал, что вопросу создания и функционирования школьного центра влияния у нас не уделяется надлежащего внимания, он не разработан ни теоретически, ни практически, и в этом корень многих недостатков в работе

школ. Антон Семенович был противником существования четырех самостоятельно действующих центров в школе: директор, завпед, комсорг, старший пионервожатый, плюс *x* центров неучтенных. И в каждой школе, фактически, вопрос о центре, о его влиянии решается по-разному. В одной школе директор ведает всем, вплоть до покраски полов и стен; в другой школе во главе коллектива стоит завпед; в третьей — комсорг решает все вопросы; в четвертой — задает всему тон парторг. Естественно, что такое решение вопроса о школьном центре нельзя признать удовлетворительным.

Мы можем добавить от себя, что бывают случаи, когда в школе не действует активно ни один из центров влияния, каждый работает, как ему вздумается. Конечно, в таком случае не может быть и речи о творческой работе по организации учебно-воспитательного процесса в школе.

Макаренко определяет центр влияния в школе как капитанский мостик, где сосредоточено все управление учащимися, руководство всей работой школы. От функционирования такого воспитательного центра во многом зависит дисциплина в школе. Остальные школьные сотрудники должны действовать под непосредственным руководством и по прямым указаниям авторитетного педагога, этого капитана школьного корабля. И в то же время, как указывает Антон Семенович, даже самый талантливый педагог-руководитель ничего не добьется, действуя в одиночку, на свой собственный страх и риск. Его задачей является максимальная активизация всех педагогов, организация общественных сил школы, чуткое реагирование на мнение коллектива и каждого отдельного педагога, создание атмосферы совместного искания лучших путей усовершенствования учебно-воспитательной работы. Педагогическое мастерство, например, директора школы, как центра влияния, не может сводиться к простому администрированию. Мастерство именно в том и заключается, чтобы, сохраняя строгую единоличную ответственность, дать широкий простор общественным силам школы, общественной мысли, педагогическому коллективу, школьной прессе, инициативе отдельных лиц и развернутой системе детских школьных организаций.

Все эти ценнейшие указания Макаренко, плод его творческих раздумий и исканий, имеют непосредственное отношение к руководителям школ-интернатов, к стилю их руководства учебно-воспитательным процессом.

Педагогическое наследство Макаренко значительно и многогранно. В данной статье мы смогли осветить только некоторые его положения, имеющие огромное значение для школ-интернатов, для организации их работы. Речь идет, конечно, не о том, чтобы в точности копировать все методы и приемы Макаренко, механически перенося их в работу школ-интер-

натов. От такого «подражания» предостерегал сам Антон Семенович, резко осуждая трафарет и шаблон в педагогической работе, призывая педагогов всегда быть смелыми, дерзать, не успокаиваться на достигнутом. Не слепо, а творчески, с учетом всех конкретных условий, с учетом всех особенностей современного этапа строительства коммунизма должны мы применять во всех наших школах, и, в первую очередь, в школах-интернатах педагогическое наследство Макаренко.

Нет сомнений в том, что, глубоко изучая это наследство, творчески применяя установленные в нем принципы, опираясь на достижения Антона Семеновича Макаренко, педагогические коллективы школ-интернатов будут непрерывно продвигаться вперед, разрабатывать и обогащать методику воспитательной работы, добиваться новых успехов в коммунистическом воспитании нашей смены.

Г. А. Алексеевич

А. С. МАКАРЕНКО И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАУКА

В среде педагогов до сих пор приходится встречаться с ошибочным мнением о якобы нигилистическом отношении выдающегося советского педагога А. С. Макаренко к педагогической науке. Повод к такому утверждению дал сам Макаренко в первой части «Педагогической поэмы»[1]. Впрочем, подобные мысли он высказывал и в устных своих выступлениях еще задолго до выхода в свет «Педагогической поэмы». Например, автор одной из педагогических заметок, опубликованных в журнале «Шлях освіти», излагая доклад А. С. Макаренко, с которым он выступил в конце 1925 г., пишет: «Докладчик начал свой доклад с того, что отбросил всякое значение для педагогической работы педагогической литературы»[2]. В 1930 г. А. С. Макаренко написал «Докладную записку» члену правления коммуны им. Дзержинского. В ней он просит считать его доклад попыткой изложить свои взгляды на современное состояние педагогики и заявляет, что он совершенно не склонен падать ниц перед многими утверждениями и положениями так называемой соцвосовской педагогики только потому, что они высказаны от имени советской доктрины»[3].

В 1937 г. в своем выступлении во ВКИПе Макаренко вновь выражает глубокое недовольство состоянием педагогической науки. Он говорит, что и на сегодняшний день самой педагогики, как таковой, не существует. «Из педагогической теории можно получить общее развитие, но педагогическая теория не вооружает для практической деятельности. Я и сейчас стою на том, что педагогической науки нет», — говорил в этом выступлении Макаренко[4].

Если рассматривать эти высказывания А. С. Макаренко в отрыве от конкретных условий того времени, то можно дей-

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 1, стр. 23 и 107—108.

[2] Конференция работников учреждений социального воспитания закрытого типа, г. Полтава. Журнал «Шлях освіти» № 2, 1926, стр. 138—141.

[3] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 438.

[4] Архив АПН, ф. 15, оп. 1, ед. хр. 458а, л. 83—84.

ствительно сделать заключение об отрицании им педагогической науки. Однако такое заключение не соответствует действительности, оно ошибочно. А. С. Макаренко ведет речь не об отрицании педагогической науки, а о состоянии ее, которое не удовлетворяло не только его, но и других. «Какие имена, какие блестящие мысли!.. А в то же время пустое место...» писал он. Это не шутка, не ирония или заблуждение, а выражение бессильного отчаяния. Перед Макаренко стояла трудная задача коммунистического воспитания беспризорных детей. Никакого опыта, тем более обобщенного, по вопросам коммунистического воспитания не было. Новая советская педагогика, методика воспитания еще только начала свое существование.

Педагогическая наука прошлого не могла быть целиком приемлемой для нашей советской действительности. Прежние формы и методы воспитания во многом устарели или вообще оказались непригодными, для советской школы, а новое нужно было создавать.

Естественно, при таком положении А. С. Макаренко и его современники не находили у педагогики прошлого ответа на волнующие их жизненные вопросы воспитания подрастающих поколений в новом, коммунистическом духе.

В октябре 1936 г. в Московском областном пединституте состоялся диспут по «Педагогической поэме». Присутствовавший на диспуте Макаренко, вспоминая первые месяцы работы в колонии, сказал во вступительном слове: « Я оказался в лесу с пятилинейной лампочкой и стаей бандитов. Я оказался педагогически беспомощным, и тогда, при тех условиях, я назвал педагогику шарлатанством»[1].

В другом выступлении Макаренко говорил: «Мое выражение «вековечное шарлатанство» объясняется моим тогдашним состоянием, моими переживаниями».[2].

В данный момент нет необходимости доказывать признание А. С. Макаренко педагогической науки. Сошлемся еще на одно его выступление, которое состоялось в 1938 г. в Научно-практическом институте школ и детских домов[3].

Председательствовавший т. Данюшевский напомнил Макаренко о том, что его упрекали в недооценке роли педагога. Макаренко поставил вопрос шире и в своем заключительном слове сказал: «Прежде всего о моем отношении к педагогике. Нападение на педагогику имеется у меня в первой части «Педагогической поэмы». Это было нападение на самого себя, это был результат несчастного случая. Но это происходило еще от того, что педагогика повернулась ко мне провинциальным бо-

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 462.

[2] Архив АПН, ф. 15, оп. 1, ед. хр. 458а, л. 83.

[3] Доклад опубликован в 5-м томе сочинений Макаренко сокращенно, поэтому в нем нет интересующего нас высказывания. Приводим его здесь.

ком педологии. Вы не представляете себе, что за ужас провинциальная педология, да еще украшенная комплексным методом, да еще украшенная никчемностью представителей педологии... У нас должна быть теория педагогики, конечно, не с неба взятая, а основанная на почве практической работы... Нам необходима такая теоретическая педагогика»[1].

Сказано достаточно определенно. Придавать высказываниям Макаренко об отсутствии разработанной педагогической науки иной смысл и толковать их как отрицание педагогической науки, значит незакономерно распространять на всю педагогическую науку то, что было сказано об одном моменте в истории педагогики. К сожалению, мнение Макаренко было ложно воспринято многими именно в «широком» смысле, а выступления этих людей «в защиту педагогики» еще более закрепили версию о непризнании Макаренко педагогической науки.

Впрочем, не один Макаренко говорил в свое время о бессилии педагогической науки. Об этом же в 1924 г. писала и Н. К. Крупская.

«Учителя говорили: дайте точные указания, как строить новую школу. Но точные указания нельзя было дать, ибо абрисы новой советской школы были слишком общи. Практика должна была вложить в них конкретное содержание»[2].

Передовые учителя того времени были также неудовлетворены состоянием педагогической науки.

В 1929 г. Н. К. Крупская получила от учительницы Т. Преображенской письмо, в котором она писала: «...Я осмеливаюсь утверждать, что школьное дело стоит ниже всякого средневекового ремесла, когда каждый ремесленник должен был пройти чрезвычайно сложную систему ученичества, испытаний (чтобы не портить мертвый материал), и лишь в результате длительной и сложной школы мог быть принят в члены цеха. А сейчас учительство, приступая к обработке своего живого материала, не владеет ремеслом и лишь в процессе работы более или менее (в зависимости от личной одаренности) приспосабливается и становится всего-навсего кустарем... Учительство даже в лучшей своей части калечит себя и материал, вывозит дело нутром и все-таки что-то делает... Выход единственно возможный — поставить обучение и подготовку наших специалистов на такую высоту, на какой это дело поставлено в индустрии...»[3].

Письмо было опубликовано на страницах журнала «На путях к новой школе». Очевидно, Н. К. Крупская сочла высказанные в письме мысли справедливыми и заслуживающи-

---

[1] Архив АПН, ф. 15, оп. 1, ед. хр. 458, стр. 158—159—160.
[2] Журнал «На путях к новой школе» № 1, 1924, стр. 3—7.
[3] Журнал «На путях к новой школе» № 10, 1929.

ми внимания и не усмотрела в них враждебного отношения к педагогике в целом.

Говорить о состоянии педагогической науки открыто и откровенно, как говорил А. С. Макаренко, не значит отрицать ее, а, наоборот, требовать дальнейшего творческого развития советской педагогики.

На самом деле, А. С. Макаренко не только признавал и уважал педагогическую науку, но и сам сознательно стремился принять участие в разработке педагогической теории. Свою деятельность он рассматривал не только как чисто практическую, но как опыт, направленный на разрешение важнейших проблем педагогической науки.

Многие факты из его биографии свидетельствуют об этом. Остановимся на некоторых из них.

Октябрьскую революцию А. С. Макаренко встретил уже имея солидный педагогический опыт. К этому времени он был хорошо знаком с педагогической литературой. В характеристике, выданной А. С. Макаренко при окончании Полтавского учительского института, говорится: «Макаренко А. — выдающийся воспитанник по своим способностям, развитию и трудолюбию: особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым много читал и представлял прекрасные сочинения». Макаренко получил золотую медаль главным образом за свою работу «Кризис современной педагогики». Для того чтобы написать работу на такую тему, требовались солидная подготовка и знание педагогической литературы.

В 1920 г. Макаренко усиленно занимается изучением педагогической литературы.

Так поступали многие учителя того времени. И, вероятно, у них возникало такое же чувство неудовлетворенности и разочарования, какое испытывал в те дни Антон Семенович. Да и могла ли дореволюционная педагогическая наука удовлетворить запросы коммунистического воспитания?

Прошло два года. Макаренко добился значительных успехов в колонии. Осуждение педагогической науки, во многом вызванное собственным бессилием педагога-воспитателя, сменяется стремлением Антона Семеновича принять участие в ее создании.

«Года через два после столкновения с Задоровым я понял и открыто сказал, что нужна педагогическая наука, но не оторванная от жизни, а связанная с ней и помогающая воспитателям в практической работе»[1].

У Макаренко убеждения всегда подкреплялись действиями. В августе 1922 г. он подает заявление о приеме его в Центральный институт организаторов народного просвеще-

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 462.

ния, в котором пишет: «Мне хотелось бы огромный опыт двух лет, вызвавший множество вопросов, обработать научным образом. Занятый ежедневно по 16 часов, вдали от научных центров, я не имею возможности сделать это».

Из заявления видно, что Макаренко имел серьезное намерение участвовать в научной педагогической работе. В том же заявлении мы читаем:

«Только педагогическая научная работа в Москве представляется мне заслуживающей того, чтобы оставить колонию»[1].

Мог ли так рассуждать человек, недооценивающий теорию? Безусловно, не мог!

В 1922 г. в докладной записке Ученому Совету Центрального института, озаглавленной «Вместо коллоквиума», Макаренко называет проблемы, которые, по его мнению, являются основными на современном этапе. Из докладной Антона Семеновича видно, что и в первые годы становления советской педагогики взгляды его на состояние педагогической науки в основном определились и что критическая оценка им отдельных явлений в развитии педагогической науки не может рассматриваться как отрицание самой педагогики. Наоборот, она служит показателем серьезного отношения к педагогической науке в целом и к разрешению отдельных педагогических проблем.

Уже в 1922 г. Макаренко намечает вопросы, которые требуют разработки и разрешения в первую очередь, пытается наметить путь, по которому должно пойти развитие педагогической науки. Ясно, что все это несовместимо с отрицательным или пренебрежительным отношением к этой науке. Макаренко стремился к активному участию в создании педагогической науки.

В письме к М. Горькому читаем: «Нужно создавать новую педагогику, совсем новую. Наш коллектив чувствует себя в силах принять участие в этом создании и мы уже сделали много за пять с половиной лет»[2].

Шли годы. Педагогические воззрения А. С. Макаренко оформились в стройную продуманную систему. По важнейшим проблемам педагогической науки у него сложилось научно обоснованное мнение. Ко времени дискуссии в педагогике ряд вопросов, составлявших предмет дискуссии, Макаренко уже разрешил для себя, разрешил по-марксистски, методологически правильно.

В октябре 1932 г. Макаренко, взволнованный появившимся в московских газетах сообщением о предполагаемом откры-

---

[1] ГАОРССЛО, ф. 4608, оп. 2, д. 266, л. 12, «Учительская газета» от 3 декабря 1955, № 96.

[2] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 372.

тии коммуны им. Горького, пишет Горькому весьма интересное письмо: «...считаем, что колония им. Горького должна быть образцовой» и выражает горячее желание принимать участие в ее организации.

Кроме того, намечалось еще одно мероприятие: открыть при колонии техникум для подготовки педагогов внешкольного типа. Макаренко выдвигает предложение создать при проектируемой колонии им. Горького техникум для подготовки работников трудовых коммун. «Я считаю, что при колонии им. Горького надо иметь техникум для подготовки работников таких коммун», — пишет Макаренко и продолжает: «Я не хвастун, но ручаюсь, что такой техникум могу создать только я и, может быть, еще человека три-четыре в Союзе; ведь для этого нужно иметь огромный опыт работы с беспризорниками... Для подготовки таких работников *нужна совершенно особая программа.*

В глубине души я думаю, что *эта программа пригодится вообще для создания советской школы воспитания,* но это пусть так и остается в глубине»[1].

В 1936 г. после исторического решения партии «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» и указания «восстановить в правах педагогику и педагогов» у Макаренко окончательно окрепло решение написать большой научный труд по педагогике. К этому времени были вскрыты и подвергнуты основательной критике ошибки и извращения в педагогике. В области педагогической теории произошли решительные сдвиги, благодаря которым намерение Макаренко было своевременным и вполне осуществимым. По своей теоретической и практической подготовке и по своему таланту Макаренко был именно тем человеком, который мог справиться с этой задачей.

Мысль о теоретическом труде по педагогике зародилась у Макаренко еще в 1935 г., когда он сообщал Алексею Максимовичу Горькому:

«Я хочу написать большую, очень большую работу, серьезную книгу о советском воспитании. Если у меня хватит здоровья, я уверен, это будет очень важный и капитальный труд. Я однажды приступил к нему, но увидел, что такую книгу нужно писать в полном отрешении от текущей работы и обязательно «с книгами в руках», просмотрев все высказывания старого опыта, истории, художественной литературы. Вы даже представить себе не можете, Алексей Максимович, сколько у меня скопилось за тридцать лет мыслей, наблюдений, предчувствий, анализов, синтезов. Жалко будет, если все это исчезнет вместе со мной. Я потому и буду просить, чтобы мне дали возможность жить поближе к Москве, поближе к

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 396.

книгам и к центрам мысли и работать. Мне понадобится два года»[1].

Таким образом, мы видим, что мысль о теоретической работе по педагогике не оставляла Макаренко на протяжении всей его жизни. Она нашла отражение и в работе «Кризис современной педагогики», написанной еще в студенческие годы в Учительском институте.

Борьба Макаренко за советскую педагогическую науку, против чуждых и враждебных ей влияний, мешающих ее развитию, пронизывает всю его деятельность.

Боевой, иногда даже нападающий тон Макаренко по адресу современной ему педагогики, ее утверждений и теорий не может быть поставлен ему в упрек и не должен быть квалифицирован как неуважение к педагогической теории.

Сейчас уже ясно, что в подобных его выступлениях содержалось справедливое требование — разработать теорию советской педагогики.

«В нашей прекрасной действительности есть все, чтобы создать новую науку педагогику... Да здравствует коммунистическая педагогика!» — писал А. С. Макаренко[2].

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 410—411.
[2] Там же, стр. 463.

Р. Горбик, Б. Тур

ИЗ ОПЫТА СОВМЕСТНОГО ВОСПИТАНИЯ У А. С. МАКАРЕНКО

Говоря о творческом использовании педагогического опыта А. С. Макаренко, хочется остановиться и на таком вопросе, как совместное воспитание учащихся до их совершеннолетия в школах-интернатах. Воспитательные учреждения А. С. Макаренко были учреждениями совместного воспитания. Поэтому его опыт совместного воспитания детей и подростков до их совершеннолетия, как бы слабо он ни был освещен, должен привлечь наше внимание.

Классики марксизма-ленинизма утверждали, что совместный труд мужчин и женщин является неисчерпаемым источником их духовного и морального совершенствования. Отсюда понятно, почему совместное обучение детей создает более благоприятные условия для их интеллектуального и морального развития. Дети в процессе совместного обучения начинают осознавать, что мужчина и женщина — друзья в труде и борьбе. Что это действительно так, подтверждают очень интересные наблюдения из жизни школьников. К нам совершенно случайно попала «анкета» интимного характера, подготовленная ученицей 7 класса Ставропольской-на-Кавказе средней школы № 3. Круг вопросов, поставленный в этой анкете, весьма широк и затрагивает самые разнообразные проблемы морали, начиная от вопросов, что такое жизнь, любовь, дружба и кончая вопросами, что такое мальчик для девочки, девочка для мальчика, какие вам нравятся глаза, что посоветуете почитать, как нужно вести себя среди мальчиков, среди девочек и т. д. В «анкете» около пятидесяти подобных вопросов. Не будем приводить ответов на многочисленные вопросы анкеты, останавливаться на их анализе и вытекающих из анализа выводах. Это особый вопрос. Однако в этой, повторяем, сугубо интимной «анкете», казалось бы, на скользкие вопросы, что такое мальчик для девочки, девочка для мальчика, — дан почти единодушный ответ: они друзья в труде и борьбе.

Таким образом, не из громких словесных заявлений, а из документа, написанного «по секрету», для самих себя, мы можем заключить, что действительно при совместном обучении, при правильном воспитательном влиянии создаются необходимые предпосылки для решения такого важного в жизни школ-интернатов вопроса, как совместное воспитание мальчиков и девочек. Успеха в этой работе мы можем ожидать при условии, если совместное воспитание детей проводится целенаправленно, сознательно и служит средством педагогического влияния. Если же дело пустить на самотек, то не исключены различные неприятности, недоразумения, в том числе и в школах-интернатах.

Факт появления «анкеты» объясняется стремлением ученицы 7 класса познать объективные критерии поведения взрослого. Ее желание знать, что такое жизнь, любовь, дружба вполне закономерно.

Беда лишь в том, что за ответами на волнующие вопросы дети или подростки обращаются не к родителям, не к педагогам, т. е. к людям политически и морально зрелым, жизненно опытным, а к своим сверстникам. Это объясняется многими причинами.

Подросток часто относится критически к старшим, к их поведению, словам и т. п. Наблюдения окружающей жизни, чтение художественной литературы и т. п. показывают детям, что взрослые при одних и тех же жизненных ситуациях говорят и действуют по-разному, даже у одного и того же человека дела и слова порой расходятся. Отсюда у подростков, естественно, возникает недоверие, критическое отношение к поведению и поступкам старших. С другой стороны, взрослые стараются влиять на детей только силой своего авторитета, используя власть родителей, педагогов. Известную роль в скрытности подростков играют и предрассудки: с родными или педагогами стыдно, мол, говорить на такие интимные темы, как любовь и т. п.

В школах-интернатах этими частными, но важными вопросами воспитания следует заниматься особо, так как дети здесь не только учатся, но и живут совместно.

Мы обязаны готовить нашу молодежь к здоровой семейной жизни. В семье раскрывается полнота жизни. В семье человек находит отдых и черпает духовную силу.

А. С. Макаренко вопрос о совместном воспитании детей пришлось решать в то время, когда коммунистическая мораль, коммунистические нормы поведения только зарождались. Решение этих вопросов осложнялось еще и не совсем обычным составом воспитанников, которые прежде чем попасть в чудесные руки Антона Семеновича испытали на себе отрицательное влияние окружавших их людей. Поэтому ему пришлось пережить горечь отдельных срывов, но такие сры-

вы не исключены даже в работе школ с определившимися традициями.

Тем не менее вопросы совместного воспитания А. С. Макаренко решал так же успешно, как и многие другие. Поэтому даже крупицы его опыта в этом отношении должны быть использованы при организации воспитательного процесса в школах-интернатах.

«Секретные поступки» всегда были в поле его зрения, это помогало Антону Семеновичу проникать во внутренний мир воспитанников и своевременно направлять их развитие в пределах принятых в нашем обществе норм морали.

Главным средством проникновения во внутренний мир воспитанников для А. С. Макаренко был активный, сознательный, творческий труд, в процессе которого он наблюдал за их деятельностью, поступками, действиями. Он не ожидал развития событий, а шел им навстречу, организуя деятельность своих воспитанников, в процессе которой и раскрывался внутренний мир человека. Этому следует учиться у Антона Семеновича.

Трудность решения поднятого вопроса в том (если идет речь о подростках), что у детей этого возраста, как уже было подчеркнуто, под влиянием среды развивается критическое отношение к взрослым, появляется недоверие к ним, скрытность, примешивается чувство стыда. Не следует забывать, что в школе приходится подчас не столько воспитывать, сколько перевоспитывать.

Вместе с тем подростки по своей природе активны, эмоциональны, чутки ко всякого рода начинаниям, общительны. И если педагоги и родители невнимательны к ним, то, стремясь осознать критерии поведения взрослого, не находя ответа на волнующие вопросы, подростки пытаются решить их самостоятельно, увлекаясь односторонней литературой и т. д. Особенно тревожно положение там, где в силу тех или иных обстоятельств сложилась коллизия — чувства взрослого, а сознание ребенка. А. С. Макаренко, понимая природу подростка, стремился к тому, чтобы его воспитанники ни на одну минуту не оставались без работы. От безделья не только подросток, но и взрослый человек может деградировать как интеллектуально, так и морально. Кто читал «Педагогическую поэму», «Флаги на башнях», тот обязательно придет к выводу, что А. С. Макаренко, заставляя коммунаров и колонистов жить полнокровной жизнью в труде, направлял их энергию по руслу здорового морального, интеллектуального и физического развития. Главным образом в труде, во всех его общественно необходимых формах, устанавливаются правильные отношения в коллективе между мужчиной и женщиной, нетерпимое отношение к лодырю и т. д.

Много внимания уделял Антон Семенович развитию у воспитанников интереса к науке, технике, спорту, искусству, к вопросам политической жизни нашей страны. Интересные данные по этому поводу содержатся в статье тов. Нежинского[1]. Приведенная в этой статье статистика говорит о том, что действительно в колонии и коммуне была хорошо поставлена культурно-политическая внеклассная работа.

В 1934 г., оценивая работу коммуны, А. С. Макаренко записывает: «Никогда в истории коммуны активное напряжение производственной, учебной, внешкольной, общественной и комсомольской работы не достигало таких степеней, как сейчас».

На такой идейной основе и следует работать школам-интернатам, решая задачи воспитания, в том числе вопросы совместного воспитания, воспитания дружбы между мальчиками и девочками. Только в условиях такой напряженной трудовой деятельности и могут установиться дружеские отношения между девушками и юношами.

А. С. Макаренко стремился создать для детей красивую в эстетическом и моральном отношении жизнь. Сама обстановка влияла на воспитанников облагораживающе, всякое нарушение принятых норм рассматривалось как нечто необычное, недопустимое и решительно всеми осуждалось. «Галантный» Игорь Чернявин, недавно поступивший в коммуну, поцеловал Оксану, воспитанницу этой же коммуны. Его встретил гнев оскорбленной Оксаны, на стороне которой были не только педагоги, но и воспитанники. Он этого не ожидал. Прежде никто не обращал внимания на подобные случаи в жизни беспризорника Чернявина, а тут его поступок расценивался как грубое нарушение установленной в коммуне красоты человеческих отношений. Проступок оказался настолько серьезным, что Чернявина вызвал к себе Антон Семенович, дав Игорю время хорошенько обдумать все, что произошло. И разговора-то потом между Антоном Семеновичем и воспитанником Чернявиным по поводу случившегося почти не было, но он пережил, перестрадал, осмыслил самостоятельно свой проступок.

В школах-интернатах имеются все предпосылки к тому, чтобы создать «активное напряжение производственной, учебной, внешкольной, общественной и комсомольской работы». «Активное напряжение», поддержание внешней и в моральном отношении красивой обстановки в коммуне им. Ф. Дзержинского стали делом самого детского коллектива. Часто в коммуне проводились беседы о советской морали. Коллектив, влияя на личность, добивался ломки ее характера. Бе-

---

[1] «А. С. Макаренко» Сборник изд. Львовского университета, стр. 57, 1956.

седы на моральные темы оказывались эффективным средством подготовки коллектива к принятию правильного решения. Во время бесед Антон Семенович рассказывал воспитанникам о лучших людях нашей страны, об основах советской морали.

Насколько А. С. Макаренко был внимателен к этим вопросам, свидетельствует его стремление влиять не только на сознание своих воспитанников, формируя у них советские представления, но и прививать им прочные практические навыки советского поведения. Возьмем тот же вопрос совместного обучения, воспитания дружбы и товарищества между мальчиками и девочками. Интересны в этом отношении воспоминания Е. Пихоцкой, бывшей воспитанницы Макаренко. «На первых порах жизни коммуны, — рассказывает она, — когда всюду чувствовалась еще относительная бедность, в столовой приходилось мальчикам и девочкам обедать отдельно, за большими казарменного типа столами. Когда коммуна стала богаче, для столовой были приобретены столы ресторанного типа. Это обычное явление, заслуживающее в повседневном быту внимания только завхозов, комендантов и руководителей столовых, у А. Макаренко превращено в одно из средств педагогического воздействия на воспитанников. За столами мальчиков после еды было много беспорядка, у девочек всегда чистота. Решили воспитанников рассадить так, чтобы за каждым отдельным столиком обедали и мальчики и девочки, справедливо полагая, что такой порядок будет оказывать благотворное влияние на мальчиков. Мера эта целиком себя оправдала. Выяснились большие педагогические возможности этого простого мероприятия. Установилось само собой, что девочки обычно разливали еду для мальчиков за своим столом, следили, чтобы у мальчиков их стола одежда была в порядке. К празднику девочки старались особенно хорошо отутюжить верхнюю парадную одежду мальчикам своего стола. Мальчики, в свою очередь, оказывали девочкам мелкие услуги, — оттачивали коньки и т. п. Это способствовало воспитанию настоящей дружбы между воспитанниками. Когда обсуждался вопрос, о том, кого с кем посадить, были учтены и другие наблюдения. А. С. Макаренко обратил внимание на меня и воспитанника коммуны Ваню Вовченко. Дело приближалось к выходу нас обоих из коммуны. Нас часто видели вместе и по совету Макаренко меня посадили за один стол с Ваней. Со стыда, зная теперь, что наше расположение друг к другу не секрет, и известно многим, а мы были уверены, что это наша тайна, я два дня не могла сесть за стол».[1]

А. Макаренко правильно полагал, что прятать красивое чувство, если это настоящее чувство, не нужно. Часто такая

---

[1] Записано со слов Е. Пихоцкой.

любовь между подростками — это дружба, напоминающая любовь, — писал в свое время Герцен. Это чувство может со временем, когда люди друг друга узнают ближе, перерасти в любовь, а если этого не случится, через много лет останутся следы овеянных романтикой юношеских воспоминаний. Известно, что впоследствии, выйдя из коммуны, Е. Пихоцкая и И. Вовченко, так же как Игорь Чернявин и Оксана, поженились.

Антон Семенсвич очень хорошо знал своих воспитанников. В своем отношении к ним он проявил много такта. Не случайно его называли — «Наш Антон». Жемчужины его педагогического таланта чувствуются во всем, в том числе и в решении такого большого педагогического вопроса, как совместное воспитание в учреждении, где дети (все-таки особые дети) обоего пола воспитывались до наступления совершеннолетия.

Его опыт в этом отношении, еще недостаточно изученный, недостаточно освещенный, несомненно, заслуживает внимания педколлективов школ-интернатов на начальном этапе их развития.

Школа-интернат средствами педагогического влияния должна раскрывать перед детьми наш мир, как мир социалистический, с его самыми прекрасными человеческими отношениями.

М. К. Годына

О МЕТОДЕ «ВЗРЫВА»

В произведениях А. С. Макаренко можно найти немало оригинальных терминов, за которыми часто скрывается большое содержание, глубокий психологический смысл тех или других педагогических явлений. Некоторых педагогов могут даже отпугнуть такие необычные в педагогической науке понятия, как «метод взрыва», «перековка характера», «ломка характера» и многие другие. Однако, вдумываясь в содержание этих образных терминов и понятий, мы приходим к выводу, что они вполне заслуживают «права гражданства» в педагогике и психологии. Нужно только правильно их понимать и применять.

В данной статье мы и поставили задачу разобраться в особенностях одного из воспитательных приемов в системе А. С. Макаренко, названного им «методом взрыва», показать его значение в педагогической практике самого А. С. Макаренко и в воспитательной работе наших детских учреждений.

Этот метод автор связывал главным образом с перевоспитанием детских характеров, поэтому следует несколько осветить теоретические взгляды Макаренко на природу характера и возможность его изменения.

В традиционной идеалистической психологии считалось, что характер человека является чем-то врожденным, что наследственность фаталистически предопределяет те или иные его черты и что жизненные условия не могут изменить характера.

А. С. Макаренко выступает с острой критикой лженауки педологии, которая главным законом развития психики ребенка считала закон наследственности. Своим опытом А. С. Макаренко доказал несостоятельность идеалистического учения о характере.

Огромный практический успех Макаренко в деле «перековки» характеров имеет большое значение и для теоретических выводов. Он подтверждает ту теорию характера, которую развивает наша советская научная психология, опирающаяся на философию диалектического материализма и учение академика И. П. Павлова о высшей нервной деятельности.

Воспитание характера ребенка, подростка, юноши — весьма сложный процесс, в котором играют роль разнообразные влияния окружающей среды, влияния семьи, школы, товарищей, внешкольных учреждений и т. д.

А. С. Макаренко создал свою оригинальную систему воздействий на подрастающую личность. В этой стройной, глубоко продуманной до мелочей и психологически обоснованной системе особое значение имеют прежде всего такие основные звенья: могучее влияние организованного, дисциплинированного коллектива; обучение и труд, традиции и стиль жизни коллектива, индивидуальные воздействия на личность воспитанника и прочее. Но наряду с этим могут использоваться и другие приемы, которые в отдельных случаях применял Макаренко и которые давали хороший воспитательный эффект. Это так называемые «обходные пути», «удар в лоб», «взрыв», использование юмора с воспитательной целью и многое другое.

Антон Семенович твердо верил, что характер можно воспитывать и перевоспитывать, а поэтому он советовал педагогам не ожидать, пока характер у ребенка станет проявляться «сам собой», а браться за формирование его, согласно целям воспитания. Макаренко отстаивал «деятельное, целеустремленное воспитание характера». «Я уверен, — говорит Макаренко, — что натуру можно воспитать... и характер и привычки».[1]

Воспитывая ребенка, подростка или юношу, мы должны всегда знать, кого мы хотим воспитать. Макаренко много говорит о характере нового советского человека, о таких его чертах, как коллективизм, дисциплинированность, трудолюбие, настойчивость, мужество, скромность, способность ориентировки, способность к торможению, честность, чувство долга, культура поведения и т. д. И если у воспитанника проявляются черты характера, не отвечающие нашему идеалу, мы должны «вмешиваться в движение характера», направлять его, а иногда, если нужно, производить «ломку» характера, своего рода «трепанацию». Вот в этих случаях и можно использовать «метод взрыва».

В чем же сущность этого метода и каковы его психологические основы? В каких формах он может проявляться и где его применял Макаренко? Можно ли использовать этот метод в наших школах и других детских учреждениях?

В своей статье «Эволюция и «взрыв», напечатанной в «Учительской газете» за 30. III 1949 г. (это фрагмент из черновой рукописи «Педагогической поэмы») А. С. Макаренко разъясняет, что такое «метод взрыва» и дает его психологическое обоснование.

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 428.

Формирование характера, конечно, протекает постепенно, эволюционным путем. Но там, где эта эволюция слишком затягивается, где воспитанию положительных черт мешают уже укоренившиеся отрицательные черты, проявляющиеся в ненормальных отношениях личности с коллективом, — там, по мнению Макаренко, «никогда нельзя полагаться только на спасительное значение одной эволюции, на постепенное становление человека».[1]

В случаях тяжелых характеров, когда у воспитанника имеются «самые убийственные комплексы привычек», добиться переделки характера эволюционным путем невозможно. Правда, как отмечает Макаренко, в процессе эволюции, благодаря ежедневным положительным влияниям, какие-то изменения совершаются в духовной структуре личности, но это лишь предпосылки, предрасположения, которые могут быть реализованы только каким-нибудь острым, сильным воздействием, взрывом, потрясением.

На основании своего педагогического опыта Макаренко утверждает, что так называемая перековка, выправление характера не должны происходить эволюционно, на протяжении длительного времени. Педагог должен вмешаться в «течение характера» и применить такое сильное и мгновенное воздействие, которое перевернуло бы все желания, все стремления личности. Это и есть тот прием, который Макаренко назвал методом «взрыва».

По-видимому, в разработке этого приема Антон Семенович использовал идею К. Д. Ушинского о «пересоздании» характера не только путем длительных воздействий, но и путем «мгновенных перерождений», о которых, кстати сказать, часто пишется и в художественной литературе.

Важное значение приобретает метод взрыва главным образом в тех случаях, когда приходится исправлять ненормальные отношения личности с коллективом. Тут крайне нежелательны отсрочки, которые могут только укреплять эти ненормальные отношения. Этот установившийся стереотип должен быть решительно сломан и на его месте создан другой динамический стереотип. Такая ломка динамического стереотипа, т. е. устойчивой системы нервных связей, как учит И. П. Павлов, является не легкой задачей. Это тяжелый труд для нервной системы. Но, очевидно, легче перенести хотя и сильное, но кратковременное напряжение нервной системы, чем «нервничать» без конца из-за постоянных ненормальных взаимоотношений личности с окружающими.

Запущенные «дефективные» отношения между личностью и коллективом создают и «дефективное» сознание у личности, вступившей в конфликт с коллективом. Нужно сделать крутой

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 425.

поворот в этом сознании, заставить человека глубоко задуматься, осознать свою ошибочную позицию по отношению к коллективу и сознательно принять твердое решение изменить свою позицию, мобилизовать усилия воли, чтобы подавить прежние привычки и сознательно вырабатывать новые.

Взрыв только тогда можно считать достигшим своей цели, если человек изменяет не только внешне свое поведение, подчиняясь требованиям коллектива, но и внутренне принимает искреннее решение искупить свою вину и руководствуется в дальнейшем более высокими мотивами — чувством долга, ответственности перед обществом, интересами коллектива и т. п. В этом мы также видим психологическую обоснованность данного метода.

Как же «технически» осуществить этот переворот в сознании человека? Как «одним взмахом» уничтожить дефективное отношение, взорвать его. Макаренко считает, что конфликт личности с коллективом нужно довести до «последнего предела, до такого состояния, когда уже нет возможности ни для какой эволюции, ни для какой тяжбы между личностью и обществом, когда ребром поставлен вопрос — или быть членом общества, или уйти из него».[1]

Этот последний предел, крайний конфликт, может выражаться, говорит Макаренко, в самых разнообразных формах: в форме определенного категорического требования, предъявленного личности коллективом, в форме коллективного гнева, осуждения, бойкота и т. п. Важно при этом, чтобы все эти формы были «выразительными, чтобы они создавали впечатление крайнего сопротивления общества». «Чрезвычайно важно, — говорит Макаренко, — чтобы эти выражения сопровождались проявлением общественных или личных эмоций, чтобы они не были просто бумажными формулами».[2]

Так Макаренко дает глубокое психологическое обоснование «взрывного» воздействия коллектива на личность. Не просто вынесли постановление о поступке такого-то воспитанника, не просто высказали свое мнение, порицание, а выразили это в яркой эмоциональной реакции, решительным протестом, искренним возмущением плохим поступком, категорическим требованием коллектива. Все это, конечно, произведет более сильное впечатление на виновного, вызовет более сильные переживания, чем формально принятое и запротоколированное постановление.

Как тонкий психолог Макаренко ясно представлял всю сложность взаимоотношений и взаимозависимостей в коллективе, поэтому он, мастерски применяя «взрывную волну» коллектива, всегда добивался положительных результатов.

---

[1] А. С. Макаренко. О «взрыве», Соч., т. 7, стр. 426.
[2] Там же.

Коллективный протест у него был «такой мощной, такой сметающей лавиной», что никто не мог оставаться в стороне, все активно включались в эту реакцию, каждый одновременно «в порядке детонации» и сам переживал свои собственные «местные взрывы». Лавина гнева, таким образом, захватывала каждого, каждый чувствовал силу коллектива, уже не создавалось возможности каждому копаться лишь в своих личных «скрупулезных соображениях о своих интересах, капризах, аппетитах, о «несправедливостях» других».

Таким образом, избирая для «взрыва» какой-нибудь особо важный в воспитательном отношении случай, Макаренко использовал его для укрепления коллектива в целом и для исправления недостатков каждого члена коллектива.

Но что должен переживать тот, против кого главным образом направлен «взрывной момент»? Непосредственный виновник этой взрывной лавины находится, говорит Макаренко, в более тяжелом и опасном положении. «Если большинство объектов взрывного влияния несутся в лавине, если они имеют возможность пережить катастрофу внутри себя, главный объект стоит против лавины, его позиция действительно находится на «краю бездны», в которую он необходимо полетит при малейшем неловком движении».[1] Вот в этом-то и заключается опасность метода «взрыва», «формально опасный момент всей взрывной операции», который может оттолкнуть от нее педагогов — сторонников эволюции. Но позиция этих сторонников, отмечает Макаренко, «не более удачна, чем позиция врача, отказывающегося от операции язвы желудка, в надежде на эволюцию болезни, ибо эволюция болезни есть смерть».

Конечно, метод «взрыва» — «вещь очень болезненная и педагогически трудная». Поэтому Макаренко считает, что часто и по каждому пустяковому конфликту в коллективе его применять не следует, в противном случае всю жизнь коллектива можно превратить в сплошную трескотню, нервную горячку, а толку от этого было бы очень мало. Коллектив как можно меньше нужно нервировать и утомлять «взрывами». Лучше, если такой «взрыв» организуется не по инициативе руководителя, а возникнет «в естественном порядке», в ходе жизни коллектива. Иногда в результате «взрыва» меняются привычки, отношение к окружающему и открываются действительно новые перспективы в жизни, в поведении и деятельности нашего воспитанника. Педагогу надо быть хорошим психологом, чтобы видеть эти сдвиги, а иногда и самому вызывать их. Нельзя сознательно управлять процессом воспитания, если не вникать в то, что при этом происходит психологически — в сознании ребенка, в его внутреннем мире. «Взрывной маневр — вещь очень болезненная», — писал А. С. Макаренко.

---

[1] А. С. Макаренко. О «взрыве». Соч., т. 7, стр. 427.

Однако эта оценка метода взрыва дана А. С. Макаренко только по отношению к одному частному случаю, — когда имеются резкие противоречия между требованиями коллектива и требованиями личности, когда, действительно, личность может «слететь в бездну», если не сумеет быстро перестроить свои взаимоотношения с коллективом. Если рассматривать метод взрыва принципиально, в его сущности и психологическом обосновании, то возможны разнообразные формы «взрывного» воздействия. И у самого Макаренко были случаи, когда метод взрыва строится не на эмоции гнева, возмущения, а на других эмоциях — радости, удивления, гордости, торжества и т. п. Вот некоторые примеры таких «взрывов».

Из повести «Флаги на башнях» нам известно, как снимали с крыш вагонов беспризорную «братву», и с какой церемонией колония принимала этих новичков, после которой каждый убеждался, что вся его прежняя «биография сгорела».

Новички быстро включались в жизнь коллектива, для них уже не требовалась никакая особенная перековка. В данном случае А. С. Макаренко, руководитель колонии, применил тоже метод «взрыва», как он сам об этом говорит. Но, как видим, взрыв этот представлял форму совершенно безопасную, он основывается на таких эмоциях, как удивление и радость, ощущение новых приятных отношений и перспектив.

Можно привести также пример с Карабановым из «Педагогической поэмы», когда глубокий переворот в сознании юноши был произведен оказанным ему доверием (случай с поручением получить деньги в банке). С Марусей Левченко («Педагогическая поэма») Макаренко поступил иначе, здесь он произвел «взрыв» противоположным приемом, высказав недоверие, сомнение в том, что колонистка может исправить свой испорченный характер. На другой же день Маруся своим поведением стала «доказывать» Макаренко, что он ошибается, считая ее неисправимой.

А какой грандиозный «взрыв» был применен при «завоевании» Куряжа и какой положительный воспитательный эффект он принес! Здесь взрыв тоже основывался на положительных эмоциях. Антона Семеновича остро мучил вопрос о путях перевоспитания большого коллектива распущенных ребят Куряжской колонии. Он мало надеялся на постепенное духовное перерождение этой неорганизованной массы. Ему представлялось, что здесь непременно нужен «неожиданный, страшный, убедительный взрыв, чтобы стрелой прыгнули в небеса и стены собора, и детские души, и «глоты». И такой взрыв действительно последовал. О нем Макаренко рассказывает в главах «Гопак» и «Преображение» («Педагогическая поэма»). Это была подлинная победа дисциплины и организованности горьковцев над расхлябанностью, безобразием и распущенностью куряжан.

Преображение куряжан началось немедленно, как пишет Макаренко, после общего собрания. А затем еще одно сильное переживание для куряжан последовало при чтении на общем собрании писем А. М. Горького к колонистам. На этом собрании один из куряжан, выражая настроение и своих товарищей, заявил в своей невзыскательной «речи», что у него «все на душе перевернулось...» Его призыв работать, был горячо поддержан коллективом.

«На другой день я их не узнал, — пишет Макаренко, — отдуваясь, кряхтя, вертя головами, они честно, хотя и с великим трудом пересиливали извечную человеческую лень. Они увидели перед собой самую радостную перспективу: ценность человеческой личности».[1]

Как видим, Макаренко применял разнообразные формы метода «взрыва». Причем не только по отношению к отдельным воспитанникам, но и по отношению к целым коллективам. Психологическая основа в той или другой форме приобретала некоторые своеобразные черты (разные по своему характеру эмоции), но конечный результат всюду одинаков: переворот в душе, в сознании, а отсюда и наступающие вслед за этим изменения поведения, отношения к требованиям коллектива и т. д.

Среди других форм взрыва у Макаренко мы встречаем и форму бойкота. Макаренко прибегал к ней очень редко. В «Педагогической поэме» описывается один случай применения этого метода по отношению к воспитаннику Ужикову.

Ужиков сначала ходил героем, как король, к которому никто не имеет права обратиться с вопросом или с беседой. Но вскоре он начал чувствовать «тернии позорного венца, надетого на его голову товарищеским судом». Он начал переживать тяжелые дни одиночества. Мера воздействия оказала свое влияние. Ужиков совершенно изменил свое отношение к работе, и поэтому собрание досрочно «амнистировало» Ужикова. Он так расчувствовался, что заплакал. «Я свободно вздохнул, — говорит Макаренко, — как врач после трепанации черепа».

Бойкот — опасное средство, отмечает Макаренко, но в данном случае он был полезен. Этот метод требует от педагога большого такта, предвидения гуманного отношения к личности — большого мастерства.

Что же касается других форм метода «взрыва», то, нам кажется, что многие из них с успехом можно применять не боясь риска.

В настоящее время в наших школах и детских домах уже встречаются случаи успешного использования метода «взрыва», наряду, конечно, с другими методами и приемами, при-

---

[1] А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Соч., т. 1, стр. 568.

меняемыми для исправления отрицательных детских характеров.

В «Учительской газете» за 12. III 1955 г. приведен такой случай. Ученик 7-го класса В. В. вел себя как дезорганизатор. Коллектив класса не мог больше его терпеть и постановил просить директора исключить В. В. из школы. Но на другой день двое уполномоченных класса, а затем и весь класс пришли к директору с новой просьбой: не исключать В. В., комсомольцы берутся его исправить. На В. В. это произвело сильное впечатление, в его душе произошел переворот, в результате чего дальнейшее поведение ученика совершенно изменилось.

Можно привести много примеров из жизни львовских школ и детских домов. Поразительных результатов в переделке характеров добивается львовская трудколония № 2, где также имеются случаи удачного применения метода «взрыва».

В заключение нужно сказать, что проблема характера, его воспитания и перевоспитания является одной из актуальнейших проблем психологии и педагогики. Она имеет большое практическое значение. В жизни мы наблюдаем немало случаев, когда наши выпускники школ не желают идти на производство или работать в колхозе, когда в характере молодого человека имеется много других отрицательных черт, мешающих ему быть активным участником социалистического строительства. А между тем страна ждет от каждого молодого человека настоящих трудовых подвигов.

Исторические решения XX съезда КПСС обязывают молодежь идти на грандиозные стройки нашей страны. В обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18. V 1956 г. ко всем комсомольским организациям, к комсомольцам и комсомолкам, ко всей советской молодежи говорится, что для осуществления величественных планов развития народного хозяйства нужны многие тысячи «смелых, сильных, не боящихся трудностей, мужественных молодых людей, горящих желанием отдать свою энергию на благо советского народа. На новостройки, — говорится в этом Обращении, — должны поехать люди волевые, стойкие, сильные духом, не боящиеся трудностей и готовые их преодолеть».

Партия и Правительство ждут, что эти молодые строители «воспримут это как серьезное поручение, как почетный долг перед Родиной» и поедут на новостройки в Сибирь и другие места не как «сезонники», а как подлинные хозяева, решившие в корне преобразовать богатейшие края и не только как строители, но и как «проводники передовой культуры в этих районах».

Наша молодежь горячо откликается на призывы Партии и Правительства. Но есть у нас и определенный процент «пе-

дагогического брака». Что делать с ним? Конечно, нужно в каждом индивидуальном случае решать, как можно исправить брак, переделать характер человека, всю его личность. В этом деле можно многое использовать из того богатого и ценного наследия, которое оставил нам талантливый советский педагог А. С. Макаренко, в том числе и его замечательный метод «взрыва», который он считал одним из важнейших приемов перевоспитания человека.

Т. Е. Ушеренко

РАССКАЗЫ А. С. МАКАРЕНКО О ДЕТЯХ

В литературно-художественном наследии А. С. Макаренко имеется довольно значительная группа произведений, которые почти не анализируются исследователями. К этой группе относятся рассказы и очерки о детях. Даже в обстоятельной монографии Е. Балабанович этим очеркам и рассказам уделено не более двух страниц беглого пересказа. В критическом очерке Ю. Лукина приводятся публицистические отступления из рассказов, но о самих произведениях не упоминается.

Подобное невнимание к целой группе произведений, целому жанру творчества ничем не оправдано. Рассказы и очерки писателя о детях давно известны читателям. В свое время они были опубликованы в популярных детских и юношеских изданиях: «Смена», «Колхозные ребята», «Молодой колхозник», «Дружные ребята» и т. д. Эти рассказы появились после издания «Педагогической поэмы», «Книги для родителей» и других прославленных произведений, когда интерес к творчеству Макаренко и в читательской, и в учительской среде был необычайно высоким. Наконец, в последнее время в седьмом томе его сочинений все рассказы и очерки перепечатаны и притом под специальной рубрикой. Совершенно очевидно, что они заслуживают и специального литературоведческого анализа.

Рассказы и очерки создавались Макаренко во второй половине тридцатых годов, когда он стал писателем-профессионалом, работал много и плодотворно, печатался часто. К этому периоду относятся его многочисленные статьи, рецензии, полемические выступления по вопросам советской литературы вообще и современной детской литературы в частности.

Воспитательной роли художественного творчества Макаренко придавал особое значение. Активно воздействующим он считал только то искусство, которое не боится самой искренней, самой беспощадной правды. Воспитательные принципы А. С. Макаренко — это «педагогика преодоления трудностей». Художественная литература, по мнению писателя, также дол-

жна воспитывать изображением борьбы и конфликтов, трудностей и их преодоления.

Еще в тридцатые годы крупнейший советский писатель не только выступал против теории «бесконфликтности», но и требовал изображения борьбы с порочными, чуждыми нашему советскому образу жизни явлениями. Вместе с лучшими творцами социалистического реализма А. Макаренко отстаивал принципы нового творческого метода и в художественной практике, и в своих критических статьях:

«И прежде всего наш, советский человек, — писал Макаренко, — вовсе не бесконфликтен. Напротив, характерной особенностью нашей жизни является ее конфликтный характер. Как раз свобода нашей жизни прежде всего приводит к обнажению конфликта, к возможности атаки на конфликт. Наша жизнь именно потому прекрасна, что мы способны бороться, то есть разрешать конфликты, смело идти им навстречу, смело и терпеливо переживать страдания и недостатки. бороться... за совершенствование человека».[1]

Важно не только то, что отстаивается принцип острого контрастного изображения действительности, но одновременно определяется цель социалистического искусства, его боевой жизнеутверждающий дух. Ведь иногда под флагом борьбы за «конфликтность» проповедуется нарочито мрачное, бесперспективное представление о нашей современности. Боевой, наступательный принцип является для Макаренко самой священной обязанностью в творчестве. Как слова клятвы перед народом звучит его ответ на награждение орденом за заслуги в области литературы:

«Я отвечаю за то, — писал Макаренко, — чтобы в моей работе было прямое, политическое, боевое влияние, тем более сильное, чем больше мое художественное дарование»[2].

Писатель не повторяет дословно уставных определений социалистического реализма. Но тем не менее он выступает пламенным и квалифицированным защитником принципов творческого метода советского искусства, его правдивости, действенности, жизнеутверждения. Отсюда вытекает второй главнейший принцип эстетики А. С. Макаренко — изображение положительных образов, выделение положительных героев как основных.

Детская литература не может иметь никаких особенностей в творческом методе, в отношении к действительности. Даже круг тем, утверждает Макаренко в статье «Стиль детской литературы», не может быть в произведениях для юных читателей специфическим и обособленным.

---

[1] А. С. Макаренко. Против шаблона. Сборник «А. С. Макаренко о детской литературе и детском чтении». М., Детгиз, 1955, стр. 61.

[2] А. С. Макаренко. Литература и общество. Соч., т. 7, М., 1952. Изд. АПН, стр. 176—177.

Однако своеобразие детской литературы существует, и его Макаренко определяет требованиями педагогики:

«По отношению к детской литературе можно, стало быть, говорить о некотором своде стилевых ограничений или правил, — пишет он. — В своей сущности они представляют педагогические акты, вполне естественные всегда, когда дело касается ребенка или подростка».[1]

А. С. Макаренко не представлял себе детской книги, лишенной воспитательного значения. С подобного тезиса он начинает изложение программной статьи «Воспитательное значение детской литературы». Тут у него нет ни сомнений, ни компромиссов. Но в достижении воспитательного влияния он видит многообразие путей и художественных средств.

В первую очередь это должны быть книги с острым и активным изложением событий, напряженным и многообразным действием. «Ребенок любит движение, — пишет Макаренко, — любит события, он горячими глазами ищет в жизни перемен и происшествий, его воля требует движения и перемены мест...»[2]

Образы-персонажи, по мнению Макаренко, также должны создаваться в определенном плане, который отличается ясностью, известной прямотой, законченностью характеров. Герои — это цельные люди, вызывающие симпатии юного читателя без каких бы то ни было колебаний.

Таковы общие требования писателя к детской литературе; сам он руководствовался этими требованиями довольно своеобразно, соответственно своему жизненному опыту, творческой манере и дарованию. Его рассказы и очерки в такой же мере определялись педагогической практикой, привычкой глубоко анализировать психологию ребенка и юноши, как и крупные прозаические вещи. Видно во всем характерное для писателя умение обобщать и типизировать любое явление и любой поступок, привлекший его внимание. Ведь Макаренко почти всегда писал лишь о реально существовавших людях и действительных событиях, что ни в какой мере не ослабляет огромной силы типизации и обобщения.

Авторский стиль А. С. Макаренко отличается сочетанием фактической достоверности художественного материала с типичностью образов, увлекательностью изложения; в этом стиле научные и публицистические выводы и положения гармонически объединены с веселым лукавым юмором. Индивидуальный стиль писателя нашел свое выражение и в прозе малых жанров.

Самым ранним в анализируемой группе произведений является очерк «О человеческих чувствах». Он примечателен

---

[1] А. С. Макаренко. Стиль детской литературы. Соч., т. 7, М., 1952, Изд. АПН, стр. 187.

[2] Там же, стр. 99.

во многих отношениях: тут намечаются мотивы и темы других очерков и рассказов, определяется форма изложения, характерные способы письма, композиционных построений.

Повествование автор ведет от своего лица для подтверждения и подчеркивания достоверности всех фактов, для более удобного изложения публицистических и лирических отступлений и т. д.

Лирическое отступление, точнее «вступление» в очерке очень сжато, но выразительно и целеустремленно. Оно определяет тему произведения, его пафос, в нем намечается образ автора-рассказчика, чувствуется его позиция воспитателя-патриота.

«Сегодня такой хороший день! День авиации! Как и все граждане СССР, я горжусь советской авиацией, этим героическим чудом, созданным моею революцией.

Но я имею еще и особенные, так сказать, личные права испытывать эту гордость.

Я хотел бы сегодня пожать руки десяткам моих воспитанников, выбравшим для себя славную дорогу летчика».[1]

Воспитателю-другу близка и понятна устремленность, мечта его учеников, он сам увлечен их желанием, радуется их успехам.

Каждое поколение юношества живет своим представлением о счастье и героизме, и каждое поколение писателей утверждает эти представления своими образами, произведениями. В тридцатые годы, когда был написан очерк, профессия летчика была окружена ореолом особого героизма:

«Для многих мальчиков путь летчика представляется самым высоким счастьем, самым совершенным путем человека, самым благородным его назначением».[2]

Желание получить благородную профессию совершенно естественно для наших детей и юношей, — это хорошее человеческое чувство. Оно приносит радость, оно наполняет жизнь детей содержательными играми, интересными занятиями, которые постепенно перерастают в профессиональное обучение.

Рассказчик горд и доволен тем, что любое хорошее желание в наших советских условиях сбывается, что перед его воспитанниками нет запретных зон и искусственных барьеров. Такова советская действительность.

И тут рассказчик не может не вспомнить свою дореволюционную практику педагога, когда и ему самому, и его ученикам запрещали проявлять какие бы то ни было чувства — восхищения, уважения, сострадания и т. д. Запрет лежал на всем!

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 63.
[2] Там же.

Таков круг вопросов, который затронут в публицистической части очерка. Писатель не только рассуждает, но и изображает. Композиция очерка включает два эпизода, контрастирующих друг с другом. Работая в трудовой колонии, А. С. Макаренко выдерживал целую бурю натиска со стороны воспитанников, требовавших отправки в авиашколы. Ребята уже с 10—12 лет мастерили авиамодели, в 15 — учились летать на планере, выезжали на экзамены и наведывались в колонию шесть месяцев спустя, сияя синими петлицами.

В памяти автора возникают имена ребят, которые проявляли так много настойчивости, терпения, воли. Обо всем этом пишется с тем лукавым юмором, добрым сочувствием, которое характерно для стиля писателя. Ребята старались прибавить себе возраст, со страхом думали о каких-то особых формах испытаний: посадят, мол, сочинять стихи, а затем вдруг неожиданно выстрелят над ухом, а если при этом моргнешь глазом, — ни за что не примут в школу... Просили даже самого Макаренко, чтобы он проводил с ними подобные эксперименты на уроках...

Но такие «страсти» в действительности не разыгрывались, ребята вырастали, в школы их принимали охотно, мечты осуществлялись, принося подлинное человеческое удовлетворение и счастье.

Думы о советских летчиках — своих воспитанниках — приводят к воспоминаниям о прошлом, автор описывает иной эпизод, тоже о мальчиках и летчиках. В годы учительствования перед Октябрем в глухой провинции, в пристанционной школе[1] Макаренко пришлось впервые в жизни встретиться с летчиком, увидеть летательный апарат — он случайно приземлился около станционного поселка.

Радости школьников не было предела, они воспринимали все как ставшее реальностью чудо. Тем более, что летчик, офицер русской армии, оказался простым общительным человеком. Летчик улетел, но вскоре с ним произошел несчастный случай: во время вынужденной посадки он был тяжело ранен. Дети очень тяжело переживали это известие и собрав по копейке, послали летчику сочувственную телеграмму. Горе было у них глубоким, сочувствие неподдельным и искренним. Именно это пришлось не по вкусу «блюстителям порядка» — жандармам. Макаренко был срочно вызван в жандармерию, получил строжайшее внушение и был уволен из школы. С едкой иронией, мастером которой всегда выступает писатель, он описывает сцену в жандармском управлении:

«...Он (ротмистр—Т. У.) стучал кулаком по столу и шипел:

— Сегодня поручику коллективная телеграмма, а завтра кому? Собирать копейки, подписи, собрания?

---

[1] Школа для детей железнодорожников на станции Долинская.

— Но, ротмистр, военный летчик! Поручик? Как же...

— Не ваше дело, военный или не военный. Я не позволю вам заниматься не вашим делом.

Я был уволен со службы. Оказывается, это не мое было дело и не дело моих учеников выражать какие бы то ни было чувства по адресу даже военного летчика».[1]

Так печально закончилась история первой встречи с летчиком в те времена. Вот почему Макаренко с восторгом пишет о современности — ведь в социалистической действительности завоевана свобода выражения восхищения человеческим подвигом. Этой мыслью о воспитательном значении свободы Макаренко как беллетрист и как педагог заканчивает свое произведение.

Почти одновременно с очерком «О человеческих чувствах», опубликованном в газете «Красная звезда»,[2] Макаренко написал рассказ «Из истории героизма»,[3] который предназначался для юношеского чтения. Воспитательная идея события, положенного в основу сюжета рассказа, та же, что и в очерке. Но форма и весь строй произведения изменились.

«Лирические отступления», публицистические утверждения, уместные в очерке, в рассказе сведены к минимуму. Но значительно расширены описания, характеристики героев. Введен образ Алеши Сидорина, который становится основным героем повествования. Получилось законченное художественное произведение, не только значительное по содержанию, но и увлекательное по форме, интересное в равной мере и для юноши, и для подростка. Было создано произведение того образца, о котором писал Макаренко в своих статьях — его могут читать и дети, и взрослые, оно объемно по кругу идей и познавательных представлений.

То, что рассказ рассчитан на более широкий возрастной круг читателей, чем очерк, определило выбор и характер художественных средств. Автор, например, намного расширил описания. В очерке он предельно экономен: «Нас окружала степь, до ближайшего города было 70 верст». В рассказе пейзаж намного красочнее, эмоциональнее:

«Нас окружала степь, однообразная, ровная, молчаливая. А что там было в степи? Два кургана на горизонте, да скрытое в балке село, да на большой дороге столбы и пыльные вихри»[4].

В рассказе еще выразительнее стала характеристика политической жизни страны, настроений передовых людей эпохи. Явно чувствуется горьковская традиция в описании на-

---

[1] А. С. Макаренко. Соч, т. 7, стр. 63.

[2] «Красная звезда», 1937 год, 18 августа.

[3] Впервые опубликован в газете «Ленинградская правда», 1937 год, 27 августа; перепечатан в журнале «Смена» № 1—2, 1944 год.

[4] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 69.

строений мыслящего человека, живущего в захолустье, среди мещанской ограниченности и скуки:

«И в своем захолустье мы видели серую, свинцовую «обложную» тучу реакции, видели и редкие вспышки молний рабочего движения, крестьянских волнений, подпольной работы революционеров. Не видели, а чувствовали и дыхание новой техники, напряженную борьбу человечества с природой. Все это было дорого и важно для нас...»[1]

В рассказе приобрели законченную художественную выразительность образы жандармов и чиновников, написанные в острой сатирической манере. Чего стоит хотя бы такая деталь, характеризующая жандармов разных рангов:

«На самой нашей станции появлялся изредка начальник жандармского отделения, усатый, обтянутый рейтузами и мундиром щеголь; один раз он зашел даже в школу, брезгливо заглянул в класс, на полсекунды задержался в дверях учительской и сказал:

— Учителя? Дэ... Ну, прекрасно...

И ушел, сопровождаемый станционным жандармом, до деревянной твердости набитым почтением и фронтовой выправкой»[2].

Образ летчика, поручика Яблонского, также описан подробно и выразительно. Он привлекает особой какой-то мягкой простотой и непоказным героизмом. Героическое в нем очень человечно, доступно и потому так захватывает ребят.

Об одном таком мальчике, Алеше Сидорине, рассказано более подробно. Алеша страстно полюбил профессию летчика. Для него, сироты, потерявшего отца-машиниста во время железнодорожной катастрофы, профессия, о которой он теперь узнал, казалась особенно привлекательной. «Яблонский и сам обратил внимание на Алешу, — пишет Макаренко, — и дошел в беседах с ним до таких тонкостей, что уже и карандаш появился в его руках, и на ученической тетрадке начертил он для Алеши схему аэропланных рулей и еще каких-то хитростей»[3].

Алеша тяжелее других мальчиков переживал известие о ранении Яблонского. Именно у него возникла мысль выразить коллективное сочувствие летчику. Все это столь естественное для сознания подростка карается в условиях царского режима. И Алешу немедленно исключают из школы.

Идея рассказа совершенно ясна и полностью определилась самим изложением события. Но Макаренко принадлежал к тем активным приверженцам современной действительности, которые всеми средствами утверждают все лучшее, чем богата наша жизнь. Прямое обращение к читателю не только повто-

---

[1] А. С. Макаренко, Соч., т. 7, стр. 69—70.
[2] Там же, стр. 70
[3] Там же, стр. 71—72.

ряет и подчеркивает идею рассказа, но вводит в него дух искренней взволнованности, горячих чувств современника. Концовка рассказа полностью оправдывает себя и в произведении для юношества:

«Большому человеческому чувству, чувству любви к родине, чувству гордости и радости за него так мало было простора. И сейчас, когда невозможно различить, где кончается героизм одного человека и начинается героизм моего народа, когда каждое движение сердца и каждое движение советских самолетов так душевно и так родственно связаны, я благодарю судьбу, что она позволила и мне жить в наше прекрасное, горячее и искреннее время».[1]

К историческому прошлому Макаренко обратился также и в рассказе «Гришка». Это произведение написано несколько необычно для писательской манеры великого педагога. В нем нет упоминания ни о воспитателях, ни о воспитанниках, хотя речь идет о формировании сознания юноши. Гришку учила и воспитывала жизнь, начавшаяся революция, творцы революции, с которыми он встретился, от которых узнал обо всем происходящем.

Герой рассказа конюх Гришка только вступает в жизнь. Еще очень узок круг его интересов. Он служит у преуспевающего купца Пивоварова и верит пока только в хозяйское благодетельство. В изображении купеческого быта, в диалогах хозяина и работника писатель, как обычно, пользуется средствами смеха, иронии. В добродушно юмористической манере ведется разговор о Гришке, его мечтах о параконном выезде и парадной кучерской форме.

Но события 1917 года развиваются стремительно, вовлекая в свой водоворот и Гришку. После февральской революции хозяин особенно повеселел, как-то весь развернулся, стал разговорчивым и мечтательным, он не прочь пообещать и Гришке какие-то крохи. Но Гришка все чаще и чаще встречается с ранеными солдатами из местного госпиталя, от них узнает правду о Ленине и большевиках, посещает митинги, а в финале рассказа вступает в отряд, который свершает революционный переворот в городе. Революция оказалась для Гришки школой воспитания, она открыла ему дорогу и дала путевку в жизнь.

В художественных произведениях Макаренко обычно изображает своих юных героев в процессе становления, внимательно следит за тем, как складываются их судьбы, формируются характеры. Рассказ состоит из четырех частей и в каждой из них герой, Гришка, выступает все более и более мыслящим, действующим, сознательным. Несколько флегматичный вначале, безразлично относящийся к окружению, юно-

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 74.

ша в дальнейшем как будто перерождается — становится внимательным и любознательным, разговорчивым и веселым. Его характер еще не созрел окончательно, автор не познакомил нас ни с одним эпизодом героического содержания. Перед юношей еще все, абсолютно все впереди, его жизненный путь только начинается — вместе с революцией, вместе со свободой.

Мастерство Макаренко-писателя выразилось в умении раскрыть характер в динамике, даже малый объем рассказа и краткость изложения не препятствуют созданию полнокровных законченных образов-персонажей.

Тема формирования характера ребенка и подростка является основной для творчества Макаренко. Она выступает и в большинстве его рассказов. Обычно эта тема имеет своеобразный «макаренковский» поворот, ведь речь идет главным образом о детях с трудной биографией, тяжелым прошлым, — герои писателя, познавшие влияние улицы, беспризорщину, выходят в нормальную трудовую жизнь.

Так выступает в художественном творчестве оптимистическая воспитательная концепция великого педагога, выражающая беспредельную веру в человека и благотворное влияние советского образа жизни. Закономерный для литературы социалистического реализма оптимистический дух находит свое полнокровное выражение и в творчестве А. С. Макаренко.

Как педагог и как писатель он исходит из убеждения, что в самом ребенке заложены внутренние силы, способствующие делу воспитания: его воля, увлечения, склонности будут первыми помощниками педагога, они, как внутренние пружины, помогают человеку развернуться, сбросить с себя чужую, наносную оболочку.

Таков характер Васи Корнеева из рассказа «Доктор», такова история его жизни. В маленьком рассказе изложен длительный процесс становления героя. У читателя создается впечатление, что писатель посвятил герою целую повесть, так ярок облик Васи Корнеева, так оправданы художественно и логически происшедшие в нем изменения.

Появился Вася в колонии «в крайне запущенном виде», в сопровождении милиционера. Он уже знал и улицу, бывал в трудовых колониях.

Личность героя раскрывается в экспозиции рассказа — беседе заведующего колонией с беспризорным. К новой обстановке Вася отнесся с глубоким скепсисом и полным недоверием. В колонии была лишь сапожная мастерская и примитивная кузница, и обе эти профессии не привлекали мальчика.

Но вот как-то в споре о будущем проскочила фраза, что Вася может стать доктором. Это обещание вызвало только ухмылку у мальчика, но заведующий колонией отнесся к нему

серьезно, воспринял как своего рода обязательство, педагогическую цель.

Скептическое отношение Васи к колонии выразилось в том, что он вскоре обокрал кузницу и убежал. Васю снова встретила улица, которая на этот раз повернулась к нему в особенно неприглядном виде. И когда Васю в очередной раз возвратили в колонию, он уже уходить из нее не захотел. Чтобы «задобрить» заведующего, он со страстью в голосе обещает учиться «на доктора».

Страсть прозвучала искренне, убедительно, вызвала доверие; и вот началась новая жизнь Васи, необычайно трудная, напряженная, потребовавшая огромной выдержки и воли. Все ему давалось с предельным напряжением сил, требовало упорства, настоящего подвижничества. Макаренко любит описывать волевые характеры своих юных героев:

«Свое обещание сделаться доктором он выполнял с великим, совершенно героическим напряжением. И в грамотности, и в развитии он далеко отстал от сверстников, каждый абзац каждого учебника он брал медленной, непосильной осадой, — в поте лица, в бесконечном повторе, на границе изнеможения. И за исключением только одного случая, он никогда «не пищал», не просил снисхождения, не склонялся на чей-нибудь жилет. Но очень вероятно, что он ненавидел меня втихомолку, ненавидел за тяжесть собственного обязательства, выданного на мое имя».[1]

Был случай, когда Вася заколебался, чуть не отступил, но заведующий напомнил об обоюдном обещании и решительно потребовал его выполнения. Он был уверен, что в Васином характере достаточно настойчивости, чтобы с ним можно было так разговаривать и требовать. Обязательство, в конце концов было выполнено.

Этот рассказ заключает важную для педагогической концепции Макаренко идею: воспитательный результат достигнут потому, что у воспитанника оказалась сильная воля, благородное отношение к слову и обещанию. Но угадать волю и внутреннюю честность — это уж дело педагога, его мастерства и чуткости. Только соединение этих качеств обеспечивает педагогический эффект.

Интересна и художественная форма рассказа, когда в небольшом произведении изображен длительный путь формирования натуры мальчика. Под влиянием преодолеваемых трудностей герой становится мрачным, замкнутым, нелюдимым. Но его личность не обедняется, а лишь углубляется. И самое ценное в ней — отсутствие самоуспокоения и самомнения. О себе, о своих успехах он сообщает товарищам и заведующему лишь тогда, когда проверил себя на практике,

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 106.

закалился в жизненных испытаниях — после участия в должности хирурга в боях.

В рассказе «Домой хочу» писатель возвращается к затронутой проблеме, но разрешает ее на новом материале. Сенька Дружнов, герой рассказа, пришел в колонию не с улицы, а из дому. Но «дом» не воспитал в ребенке нормальных представлений о жизни и труде. Бабушка, неграмотная крестьянка, была единственным воспитателем в семье. Сенька вырос скрытным, дичащимся, но вместе с тем и упорным. Вначале упорство его казалось диким и невыносимым. Упорство сломить не удалось, к этому никто и не стремился. Воспитатели и колонисты стремились направить его по полезному пути, учили преодолевать трудности. Для профессии военного летчика, которую избрал Дружнов, его упорный характер оказался наиболее подходящим.

Главное в мастерстве Макаренко как автора небольших рассказов — это лепка характеров, изображение их роста, привлекающая сила примера. Но вместе с тем писатель проявляет высокое умение в построении увлекательного напряженного сюжета. Человеческие судьбы получают определенное развитие, герои находят свое место в жизни. Автор умеет заинтриговать разворотом событий, вызвать волнение, жгучий интерес к тому, чем и как закончился эпизод. В рассказе «Случай в походе» подобное умение проявилось особенно выразительно.

Автор изображает коллективное чувство ответственности, развитое у советских детей, благодаря совместной работе, товариществу, примеру старших. Испытанию в честности подвергается большой коллектив трудовой колонии и притом— дважды. Дело в том, что в поход колонисты взяли с собой большую сумму денег, заработанную в мастерских и не розданную на руки. Деньги несли в чемодане все время с опаской—кто-либо мог оказаться предателем коллектива. Предателя не оказалось, но пришло новое испытание, более сложное, послужившее проверкой каждого члена коллектива. У заведующего, который успел уже раздать значительную часть денег по ведомости, украли чемодан с записями. Заведующий точно помнил общую сумму выданных денег, но конечно, не знал, сколько получил каждый колонист. Решили, что каждый из ребят напишет в расписке, сколько он получил денег, и сумма расписок составит сумму выдачи. Проверить правильность указанной в расписке цифры не было никакой возможности. И вот собрали четыреста расписок и приступили с огромным волнением к подсчету. Волнение охватило весь коллектив — на карту поставлена честь всех и каждого. Когда сошлись точно первые цифры, указывающие копейки, все воспринимают результат как большую победу. Но напряжение все возрастает, когда счет

переходит к рублям, десяткам рублей и сотням. Автор прибегает к приему задержания, так называемой ретардации, чтобы усилить напряжение в сюжете. Цифра расхода и сумма, указанная в расписках, не сошлись. Разница оказалась небольшой, но все же оказалась, бросив тень на всех, огорчив каждого. И, наконец, один из колонистов, наиболее напряженно следивших за событием, вспомнил, что в суматохе, занятый организацией дела, он свою расписку забыл в кармане. Когда ее сумму приплюсовали к полученному раньше итогу, совпадение было полным, рубль в рубль, копейка в копейку. В коллективе не оказалось бесчестных.

Рассказ «Случай в походе» интересен своей воспитательной идеей, серьезным разговором о честности, о коллективной ответственности. Русская литература знает немало произведений, рассчитанных на детское и юношеское чтение, в которых сильна именно дидактическая сторона. Классиками такого типа детской литературы были Толстой, Ушинский, Короленко и другие. Подобные рассказы обычно входят в сборники и хрестоматии для детского чтения, ибо их воспитательное значение трудно переоценить.

У Макаренко ряд рассказов находится на таком уровне мастерства, что их следует отнести к разряду «хрестоматийных». «Случай в походе» стоит первым в этом ряду.

Рассказы Макаренко о детях отличаются ярко выраженной задушевностью, разговор о чувствах — долга, коллективизма, товарищества — является их неизменным мотивом. Изображение души ребенка и юноши, диалектика ее развития, анализ характера — основное в лепке образа. Героем многих рассказов выступает «Заведующий», «Воспитатель», «Начальник колонии»,—т. е. сам Макаренко. В его облике всегда чувствуется особая мягкость, терпеливость, гуманный интерес к людям. Характерный для стиля писателя юмор также всегда добродушен, благожелателен, когда речь идет о детях. Атмосфера задушевности царит во всех малых прозаических произведениях Макаренко, составляет их драгоценное свойство, очень важное и для содержания, и для воспитательного влияния на читателей.

Рассказы и очерки А. С. Макаренко — интересная и важная страница в его творческой биографии, она должна привлечь большое внимание и литературоведов, и составителей школьных хрестоматий, и педагогов.

Л. И. Стоницкая

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОПЫТЕ А. С. МАКАРЕНКО

А. С. Макаренко уделял огромное внимание красоте человека внешней и внутренней, воспитанию понимания этой красоты, эстетике поведения. Его мысли об эстетическом воспитании, опыт работы в этом направлении должны быть глубже изучены и шире использованы в практике работы наших школ.

В исключительно тяжелое время, в условиях голода, холода, тифа талантливый педагог-гуманист видел беспризорных мальчиков и девочек в будущем прекрасными людьми — идейными, трудолюбивыми, готовыми на подвиг, людьми высокой культуры, умеющими понимать подлинную красоту и создавать ее во всем.

Великий гуманист, любимый писатель и учитель А. С. Макаренко М. Горький говорил, что жизнь требует от человека деяния, подвигов, силы и красоты. Именно такими сильными и красивыми воспитывал колонистов А. С. Макаренко. «Каждый человек стремится к лучшей жизни. Каждому хочется жить лучше, богаче, красивее. Совершенно естественное желание»[1].

Вот это «совершенно естественное» стремление к красивой жизни учитывал и всесторонне использовал А. С. Макаренко в своей педагогической работе, в эстетическом воспитании. Он был твердо убежден в том, что человек должен жить разумно и обязательно красиво в полном смысле этого слова. Не только внешняя культура, опрятность, красота, это необходимо, но, главным образом, внутренняя духовная красота, красота чувств, мыслей, поступков, отношений должна быть глубоко свойственна новому человеку, которого нужно было «ковать».

Поэтому перед бывшими беспризорниками была поставлена высокая цель — жить «красиво... и радостно, и разум-

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, изд. АПН РСФСР, 1950, стр. 312.

но»[1]. Это значит жить так, чтобы каждый день был до предела заполнен творческим трудом, разумным отдыхом, чтобы жизнь в коллективе била ключом.

Антон Семенович поставил перед собой, перед воспитателями, перед мальчиками и девочками, видевшими до этого только грязные, темные стороны жизни, цель — сделать жизнь полезной для себя и других, интересной, разумной, радостной и обязательно красивой, ибо настоящая красота — великая сила, это то, что мы больше всего ценим и в отдельном человеке, и в жизни. А. С. Макаренко доказал, что правильное восприятие этой красоты, ее понимание, оценка, активное участие в ее создании — результат длительного, планомерного воспитания всей окружающей обстановкой, трудовой деятельностью, литературой, самой жизнью.

Большое значение в эстетическом воспитании имеет обстановка, в которой живет и работает детский коллектив, та «эстетика быта», которой Антон Семенович уделял исключительное внимание. Красота внешняя, т. е. красивое, жизнерадостное оформление здания, в котором жили колонисты, коммунары, внешний вид и поведение учителей, воспитателей, внешняя культура воспитанников, которая «уже поднимает человека в собственных глазах и помогает ему держаться прямо на ногах» — это то, что крайне необходимо для создания жизни разумной, радостной и красивой. У ребенка не будет желания жить, трудиться, проявлять свои силы и способности в коллективе некрасивом внешне. «Я не представляю себе коллектива, в котором ребенку хотелось бы жить, которым он гордился бы, не представляю себе такого коллектива некрасивым с внешней стороны», — говорил А. С. Макаренко[2].

Аккуратность во всем, любовь к чистоте, подтянутость, т. е. внешняя культура, которая необходима для создания культуры внутренней, не могут возникнуть, несмотря на все усилия воспитателей, если ребенок живет в обстановке неэстетической. Нельзя воспитать вкус, аккуратность, привычку к чистоте, чистым зубам, вежливость, подтянутость, если вокруг нет чистоты, аккуратности, вкуса, вежливости, подтянутости.

Внешняя культура — одно из условий формирования гармонической личности, так как благородство, красота внутренняя неразрывно связаны с внешней.

Вот почему А. С. Макаренко уделял исключительное внимание внешнему оформлению места, где жили и работали его воспитанники, одежде, манерам, речи, походке, чистоте ногтей, зубов, обуви. В этом направлении он провел поистине ко-

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 1, изд. АПН РСФСР, 1950 стр. 551.
[2] А. С. Макаренко. О воспитании молодежи. Трудрезервиздат, 1951, стр. 302.

лоссальную работу. Очень далеки от «эстетики быта» были разрушенные холодные здания колонии им. Горького, поломанные «дачки», каганцы, лохмотья; да и сами воспитанники, взятые со «дна» жизни, очень мало склонны были подчиняться какому бы то ни было порядку. Почти все они привыкли к грязи, лохмотьям, вшам.

В необычайно трудных условиях начала создаваться «новая биография» первых горьковцев. «Бедность, доведенная до последних пределов, вши и отмороженные ноги не мешали нам мечтать о лучшем будущем».[1]

Первые колонисты мечтали о собственном хозяйстве, о том, какой чудесный сад зацветет на берегу Коломака, о тысячах кустов роз. В долгие зимние вечера, в тесных холодных полуосвещенных спальнях рождались горячие мечты о прекрасной светлой жизни, и мечтам этим не мешали ни тяжелая работа, ни сыпной тиф, ни полуголодное существование. В исключительно трудных условиях формировался и креп молодой коллектив, создавалась новая красота жизни. «Обычный день в колонии был и тогда прекрасным днем, полным труда, доверия, человеческого товарищеского чувства».[2]

Руками колонистов создавалась чистота в быту. Каждый день, наполненный трудностями, новыми достижениями, приносил успехи и в создании красоты, и пусть в ней еще очень ясно проглядывала бедность, но это были уже шаги к той эстетике быта, без которой не могло быть полноценной жизни коллектива, без которой нельзя воспитать гармоническую личность.

Вспоминая о первых днях жизни колонии, А. С. Макаренко позже говорил: «...даже тогда, когда наш коллектив был беден, он все равно первым долгом всегда закладывал оранжерею, и не какую-нибудь, а с расчетом на гектар цветов. И обязательно розы... даже все лестницы были в цветах, и ребята очень ухаживали за ними»[3]. И тогда уже колония блистала чистотой «и новыми заплатками», на «дачках» запрещалось сидеть, а некрашенные столы в столовой скоблились особыми ножами.

Антон Семенович заботился не только о нормальных условиях жизни большого коллектива, перспективах его развития, но и воспитывал стремление к той «неизъяснимой красоте», которой блистало здание колонии, потом коммуны, которой отличались полные сил, здоровья, оптимизма колонисты и вся их радостная, бодрая разумная жизнь.

Красивая окружающая обстановка имеет огромное воспитательное значение — эта мысль проходит во всех произ-

---

[1] А. С. Макаренко. Педагогическая поэма., изд. «Правда», 1947, стр. 26.

[2] Там же, стр. 59.

[3] А. С. Макаренко. Соч., т. 4, изд. АПН РСФСР, 1950, стр. 245.

ведениях А. С. Макаренко, она реализуется в его практической педагогической работе.

Когда Игорь Чернявин («Флаги на башнях») попадает в коммуну им. Первого Мая, ему сразу бросается в глаза красивое здание коммуны, дорожки, посыпанные желтым песком, и обилие цветов. Широкая лестница в вестибюле покрыта бархатной малиновой дорожкой, а огромное квадратное зеркало «отражает бесконечную и щедрую ленту яркокрасных цветов, уставленных по всему барьеру в особых длинных ящиках»[1].

Чистотой и блеском отличались предметы, которые непосредственно окружали детей. Кровати были в идеальном порядке, полы в спальнях, коридорах, столовой натерты. Столовая украшена цветами, на столах скатерти, сверкающие белизной, ибо «только белая скатерть может научить есть аккуратно»[2].

В коммуне им. Первого Мая дежурные коммунары были очень придирчивы к «точечкам» на лампочках, часовой ни в коем случае не пускал в коридор коммунара, если у него пыль или грязь на ботинках. В город не отпускали коммунара, если у него не в порядке прическа, не почищены ботинки, не выглажен костюм. «Эти цветы, костюмы, чистота комнат, чистота обуви — это должно быть в детском коллективе», говорил Антон Семенович[3]. Ибо все это создавало мажорное настроение и привычку к чистоте, аккуратности и красоте во всем.

Как мы уже говорили, Антон Семенович придавал большое значение внешнему виду и культуре поведения учителей и воспитателей. Учитель должен быть «эстетически выразителен», радовать детский коллектив своим внешним видом.

Отрицательно действует на эстетические чувства детей неряшливо, безвкусно одетый учитель, и этого плохого впечатления не исправит даже хорошее объяснение урока, ласковое обращение.

В школе коммуны «было солидно, чисто, приветливо и даже несколько торжественно»[4]. Учителя отличались безукоризненной вежливостью и аккуратностью одежды. Их «эстетическая выразительность» заключалась и в умении держать себя, и в умении не говорить лишнего, сидеть и стоять не разваливаясь, не ходить в помещении в головных уборах, пальто. Как учитель зашел в класс, как он сел, встал, какая у него поза, как он говорит с воспитанниками, — все это и создает так называемую «эстетическую выразительность».

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 3, изд. АПН РСФСР, 1950, стр. 45.
[2] А. С. Макаренко. О воспитании молодежи, Трудрезервиздат, 1951, стр. 304.
[3] Там же.
[4] А. С. Макаренко. Соч., т. 3, изд. АПН РСФСР, 1950, стр. 150.

Влияние учителей, воспитателей на детей огромно и оставляет след надолго, иногда на всю жизнь. Манере любимого учителя говорить, одеваться, шутить, вести себя обязательно подражают ученики, часто сами не замечая этого.

Когда колония им. Горького была еще очень бедна, когда у колонистов еще не было хороших костюмов, красивой обуви, они все-таки умели «блистать белыми чистыми сорочками» в дни пролетарских праздников.

А когда колония выросла, окрепла, стала богаче, — детские головы украшали тюбетейки, расшитые золотом, все воспитанники были одеты в белые рубашки и блузки, темные юбки и брюки, — все было сшито скромно и красиво, со вкусом. Коммунары же были просто «франтами», и это было необходимо: красивый костюм требовал аккуратности, чистоты. «Трудно представить себе человека грязного, неряшливого, чтобы он мог следить за своими поступками».[1]

Но не только одежда, — красивыми должны быть движения, поза человека, манера держаться, говорить, стоять и т. д. Во всем этом необходимы грация, изящество, красота; их нужно прививать, воспитывать у молодежи. Антон Семенович систематически, продуманно воспитывал эти качества у колонистов и коммунаров. Достаточно вспомнить, как колонисты шли на работу или на праздник в город. Строй был исключительно собран, поражал подтянутостью, четкостью, особенной грацией и красотой.

Грацию, изящество, свободную красивую позу создают трудовая жизнь и постоянные упражнения. Колонисты, потом коммунары, с первых дней пребывания в коллективе чувствовали, что к ним предъявляются все большие требования. «И походка ребят сделалась увереннее и пружиннее, — и голову они стали носить выше, забыли привычку засовывать руки в карманы»[2].

Новенькие колонисты и коммунары заметно отличались от старых. Например, как нелепо выглядела нескладная фигура Рыжикова на Совете командиров,—он портил общий стиль.

Примеры из жизни детского коллектива, руководимого А. С. Макаренко, подтверждают органическую связь внешней и внутренней красоты. Привычка к порядку в быту, к чистоте, опрятности сделала ребят внутренне подтянутыми, дисциплинированными, породила стремление к тому, чтобы поступки и дела были чистыми, высокими, нужными Родине.

Коммунары и колонисты готовы были всегда выполнять любую работу, иногда неприятную, но нужную коллективу, а это тоже проявление внутренней подтянутости, дисциплины.

---

[1] А. С. Макаренко. О воспитании молодежи, Трудрезервиздат, 1951, стр. 128

[2] А. С. Макаренко. Педагогическая поэма, изд. «Правда», 1947, стр. 110.

А. С. Макаренко раскрыл перед молодежью не только силу, необходимость, значение труда, но и его красоту. Лишь трудовая жизнь разумна, радостна и красива, только она полезна, достойна уважения, она создает светлую перспективу, делает человека сильным и красивым.

В колонии и коммуне воспитанники трудились, их головы и руки были заняты осмысленным, увлекательным, полезным трудом. Трудовая жизнь приносила им подлинную человеческую радость. Высокая радость — видеть результаты своего труда! Пусть эти результаты не очень значительны, пусть этот труд внешне не кажется героическим, все же велика радость от сознания того, что твой труд, твоя энергия, сила, мысль составляет частичку того, что создается коллективом, всем народом.

Но трудовая жизнь не только полезна, разумна, радостна, она еще и красива, красива внешне и внутренне. Труд меняет внешний вид человека, делает его бодрым, подтянутым, движения благодаря физическому труду приобретают четкость, изящность. У человека труда ясный взгляд, ему присуще чувство гордости за себя и свой коллектив, чувство ясной перспективы жизни.

Труд дает человеку и красоту внутреннюю, духовную, воспитывает в нем чувство коллективизма, ответственности, дисциплинирует его, более действенным становится чувство патриотизма, ибо человек ясно видит дело своих рук, сознает для чего и для кого работает, понимает, за что должен бороться, и что должен защищать. Все это делает человека морально стойким, благородным.

А. С. Макаренко умел найти в труде высшую поэзию, прелесть и красоту, сумел научить колонистов чувствовать эстетику труда. Чего стоит в «Педагогической поэме» замечательная сцена молотьбы: «В монотонном стуке машин уже начинает слышаться музыка... И музыка эта такой счастливый фон для сложного, уже усталого, но настойчиво неугомонного движения... И в вихрях, и в шумах, и в сутолоке смертей многих и многих снопов, шатаясь от усталости и возбуждения, смеясь над усталостью.., сгибаясь под тяжелыми ношами, хохочут и шалят колонисты... Они прибавляют к общей симфонии к однообразным темам машинных стуков... победоносную, до самой глубины мажорную музыку радостной человеческой усталости».[1]

Это великое достижение — понимать и чувствовать «мажорную музыку» человеческого труда.

Конечно, для того, чтобы воспитать у детей любовь к труду, недостаточно показать только его красоту, для этого су-

---

[1] А. С. Макаренко. Педагогическая поэма, изд. «Правда», 1947, стр. 196—197.

шествует много других средств и возможностей. Но ярче, интереснее, увлекательнее станет труд, если молодежь сумеет увидеть в повседневных делах эту красоту, «мажорную музыку», и научится наслаждаться ею. Труд для нее станет действительно праздником.

Таким праздником был для колонистов праздник первого снопа — день торжества истинной красоты человеческого труда. Все прекрасно на этом празднике — и сверкающий строй колонистов, и горнисты, и девушки в венках из цветов, и восьмой сводный отряд, косящий первый сноп — во всем романтика, красота человека и его труда.

Антон Семенович доказал на своем опыте, что труд создает ясную цель и перспективу в жизни коллектива, он учит широко и реально мечтать.

Колония только начала существовать, она очень бедна, но, увидев разрушенное имение Трепке на берегу Коломака, ребята «лазили среди развалин и мечтали: здесь спальня, тут клуб шикарный, это классы»[1]. Колонисты видят в своем воображении прекрасное белое здание, двор с цветущими розами, образцовое хозяйство. И они не праздно мечтают, они понимают, что все это надо сделать своими руками. Перед ребятами перспектива, далекая, но прекрасная перспектива создания новой красивой жизни, и труд их приобрел от этого особый смысл и окраску.

«Завоевание» отвратительного, грязного, вшивого, разложившегося Куряжа стало для горьковцев светлой перспективой, ибо речь шла не только о том, чтобы сделать чистым и красивым здание, двор Куряжа, но и о том, чтобы вытащить из грязи, спасти, сделать полноценными людьми 280 заброшенных погибающих ребят.

Привыкшие к порядку, чистоте и блеску, горьковцы вынуждены были начинать новый этап своей истории в тяжелых условиях — негде было спать, не хватало одеял, посуды, кругом грязь. Своими руками нужно было навести порядок. Но понимающие «мажорную музыку» труда, привыкшие к нему, горьковцы совершили «чудо» — Куряж был «завоеван».

В коммуне им. Первого Мая (повесть «Флаги на башнях»), где жил хорошо организованный детский коллектив, труд всегда был связан с перспективой, с красотой и радостью.

«Прозаическое» занятие — чистка проножек для стульев, оказалось делом, требующим терпения, воли, настойчивости, вкуса, делом государственным, советским. Так разъяснили Игорю Чернявину его «скучное» занятие, и он представил себе театральные залы, куда тысячи людей ходят смотреть спектакли и концерты, отдыхать после трудового дня, сидят

---

[1] А. С. Макаренко. Педагогическая поэма, изд. «Правда», 1947, стр. 29.

на стульях, удобных и красивых, которые он делает. И дело уже не показалось Игорю скучным.

Кроме многих ценных качеств, труд воспитывал эстетические чувства, понятия, оценки, правильное суждение о прекрасном и действенное стремление к нему «...в радостном общем напряжении, в настойчивой веселой мечте».[1]

В произведениях А. С. Макаренко много красивых людей (в чем его даже упрекали некоторые «критики»). «Огненно» красив Семен Карабанов, ежеминутно готовый к любому действию. Своеобразно красив «тяжеловесный» Бурун. Обворожителен приветливый, умный, интеллигентный Саша Задоров, у него чудесные зубы и веселые глаза. Неисчерпаемо остроумен «представитель старой русской интеллигенции» Олег Огнев; у Веры Березовской прекрасные глаза «серебристосерого русского стиля». У Оксаны изумительно чистое лицо и радостная сдержанность во всем. «Неизъяснимо» прекрасны «пацаны», блещущие здоровьем, — все они «стройны, собраны, у них хорошие подвижные талии, не знающие, что такое медицина тела, свежие красногубые лица».

Такими их сделала жизнь в здоровом, бодром коллективе, жизнь полная смысла, труда, имеющая ясные цели и перспективы, поистине красивая жизнь.

«Я люблю свое общество, — многие люди кажутся мне красивыми» — говорил Антон Семенович. Великая любовь к советскому социалистическому обществу руководила талантливым самоотверженным советским педагогом А. С. Макаренко, когда он воспитывал для этого общества сильных и красивых людей.

Богатейший опыт эстетического воспитания подрастающего поколения выдающегося советского педагога А. С. Макаренко должен быть учтен и использован нашей школой. Особенно важно использовать этот ценнейший опыт в новом типе школы — в школе-интернате. Школа-интернат будет располагать большими возможностями для всестороннего развития учащихся, значит и для эстетического воспитания их. В учебных планах школ-интернатов отведено важное место таким предметам, как пение, музыка, рисование, танцы, а также организации внеклассной работы по художественному воспитанию учащихся.

Наша Коммунистическая партия по-ленински заботится о том, чтобы советские дети воспитывались людьми большой души и высоких идеалов.

---

[1] А. С. Макаренко. Педагогическая поэма, изд. «Правда», 1947, стр. 240.

Ю. Л. Львова

ШКОЛЬНЫЙ ТЕАТР КАК СРЕДСТВО ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И СПЛОЧЕНИЯ ДЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВА

(Из опыта работы школьного театра средней школы № 50 г. Львова)

В советской школе театр занимает прочное место в качестве средства эстетического воспитания молодежи.

Неустанная забота советского правительства о репертуаре театров, близкая связь театральных коллективов со школой, обсуждение спектаклей с артистами, театральные передачи по радио стали неотъемлемой частью воспитания юношества.

Со школьной сцены звучат пламенные слова Грибоедова и Гоголя, Пушкина и Островского, Горького и Маяковского, Симонова и Корнейчука, возбуждая у учащихся чувства горячей любви к народу и священную ненависть к врагам нашей Родины.

Тяготение детей к театральному искусству известно: в нем выражаются и детская любовь к зрелищному развлечению, и жажда удовлетворить юношескую любознательность, и полет фантазии, и стремление к действию. Здесь и первые мечты о своем будущем, и невыраженное еще словами, не до конца понятое самим ребенком тяготение к эстетическому наслаждению красивым чувством, словом. Можно смело сказать, что каждый пятый из наших школьников хочет играть на сцене, любит «выступать» и, самое главное, действительно способен это делать хорошо. Нужно только помочь детям избежать дурного вкуса и кустарщины в таких выступлениях.

Правильная постановка работы школьного театра будет способствовать воспитанию учащихся в духе коммунистического мировоззрения и морали, обеспечит их художественное развитие.

Детские театральные представления занимали значительное место в работе А. С. Макаренко. В главе «Театр» из «Педагогической поэмы» Антон Семенович пишет: «Я придавал большое значение театру, так как благодаря ему сильно улуч-

шился язык колонистов и вообще сильно расширился их горизонт».[1]

Вот почему «почти все свободное время мы приносили в жертву театру» замечает Антон Семенович в той же главе.

Только за один зимний сезон колонисты поставили около 40 пьес.

Правильный выбор спектаклей определял культурное развитие самих колонистов, помогал формированию коллектива, создавая общие интересы, возбуждая борьбу за престиж своего «театра».

Замечательным в детских постановках было то, что вместе с колонистами в них участвовали и взрослые: играл сам Антон Семенович, играл Виктор Николаевич Терский, играли артисты Харьковского драматического театра.

Какая это чудесная форма общения с детским коллективом! Как несправедливо она забыта в нашей школе, в детском клубе, в пионерском дворце!

По воспоминаниям В. Н. Терского, интеллект взрослых, опыт артистов, подогреваемые детской увлеченностью, создавали такую атмосферу творческого вдохновения, что даже репетиции доставляли наслаждение и радость всем участникам спектаклей.

В. Н. Терский в беседе с автором этих строк рассказывал, с каким успехом шел спектакль «На дне» в день приезда в колонию А. М. Горького с сыном (роль Сатина исполнял сам Антон Семенович). Горький был поражен ансамблем театра и взволнован игрой исполнителей.

А сколько веселья актерам и зрителям доставила постановка «Дон Кихота»! Главную роль талантливо исполнял В. Н. Терский — необычайно высокий, худой, с выразительными глазами. Бывший воспитанник коммуны Явлинский говорил, что более веселого спектакля он не видел.

Одним из любимых жанров колонистов были так называемые обозрения, состоящие из ряда сцен, связанных одной темой. Такие обозрения часто писал сам Антон Семенович, а иногда они составлялись коллективно всеми участниками спектакля. Например, рассказывал В. Н. Терский, коллективно было создано обозрение «Путешествие по Европе», в котором главная тема, основной план придуманы Антоном Семеновичем, а много смешных сцен, острых ситуаций, смелых превращений — колонистами.

Работа по осуществлению спектаклей — обозрений была настоящим коллективным творчеством.

Театр колонистов пользовался заслуженной славой у окрестных жителей. Был даже создан драматический кружок,

---

[1] А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Изд. АПН РСФСР, 0950, стр. 276.

состоящий из сельской и рабочей молодежи, руководили кружком воспитатели колонии или сами колонисты «из старожилов».

Более глубоко и продуманно была поставлена работа драмколлектива в коммуне им. Дзержинского.

Известно, что коммунары не пропускали ни одной премьеры харьковских театров, они систематически организовывали коллективные просмотры спектаклей. Достаточно сказать, что в течение года коммуна им. Дзержинского ассигновала на посещение театра около 40 000 рублей. Посещение театров было поощрением за хорошую учебу и работу. Ежедневно от ворот коммуны отходил автобус, везущий в драматический театр коммунаров. А иногда за автобусом следовал еще грузовик, переполненный нарядными ребятами, едущими в различные театры Харькова.

Просмотренные спектакли часто обсуждались, артисты охотно посещали конференции коммунаров, делились с ними своими творческими планами и исканиями.

Харьковский драматический театр шефствовал над коммуной им. Дзержинского. История этого шефства — интереснейший пример эстетического влияния театра на молодежь — заслуживает пристального внимания.

Артисты Крамов, Петров, Левашов, Скопина, Разуваев, Эренберг, Янкевский и другие относились к коммунарам очень тепло и с большим увлечением помогали им.

Влияние театра на коммунаров проявлялось не в количестве проведенных конференций и встреч, а в большой человеческой дружбе, благодаря которой ребятам прививалась любовь к художественному слову, расширялись границы понимания ими прекрасного.

Нам посчастливилось познакомиться с заслуженным артистом РСФСР Александром Ивановичем Янкевским, руководившим с 1933 по 1937 год драматическим кружком в коммуне им. Дзержинского. Этот красивый, необычайно приветливый человек, казалось, навсегда сохранил в себе ту теплоту, мажорность и простоту в общении с людьми, которые так характерны для всего стиля коммунарской жизни.

Александр Иванович сообщил, что в коммуне было два кружка — один юношеский, которым он руководил, другой — детский, работавший под руководством Н. Ф. Разуваева, ныне артиста Ленинградского театра им. Пушкина.

Существование двух кружков облегчало составление репертуара, позволяло удовлетворить интересы «артистов» всех возрастов.

Юношеский драмкружок ставил 2—3 спектакля в год, участвуя в литературных вечерах.

Репертуар был разнообразен: шли пьесы, полные высокого революционного пафоса, такие, как «Мятеж» Фурманова,

успехом пользовались сатирическая комедия Мольера «Тартюф» и остроумная пьеса для детей Дель-Любашевского «Музыкантская команда».

Работа начиналась с чтения вслух выбранной пьесы, затем велась беседа о теме ее и основных сюжетных линиях, о развитии характеров и взаимоотношений персонажей. После этого проводилось застольное чтение по ролям. Причем А. И. Янкевский не задерживался долго на застольном периоде: он видел, что ребят это расхолаживает, их тянет к действию.

Часто репетиции прерывались рассказами Александра Ивановича о театре, о великих русских артистах, об исполнении той или иной роли советскими актерами. Это не были запланированные лекции, а живой разговор об искусстве, и ребята всегда охотно в нем участвовали.

Янкевский вспоминает один эпизод, свидетельствующий о необычайной чуткости Антона Семеновича, о его умении понять нужды детей и незаметно помочь товарищам в их сложной работе по эстетическому воспитанию ребят.

Как-то в процессе подготовки спектакля Янкевский пожаловался Антону Семеновичу, что ребята не умеют петь. В спектакле нужен был хор мальчиков, а ребята поют одним голосом, слух у них развит плохо...

И что же? Спустя несколько дней после этого разговора Янкевский случайно задержался в коммуне до позднего вечера. Уходя, он вдруг услышал нестройные голоса ребят и упорное, повторяющее одну и ту же музыкальную фразу, пиликание скрипки. Он тихонько вошел в клуб и увидел группу коммунаров, которые разучивали музыкальные упражнения под аккомпанемент скрипки Антона Семеновича. Терпеливо и настойчиво Антон Семенович учил ребят петь, и они, не сводя с него глаз, и так же, как он, деловито и чрезвычайно старательно выполняли его указания...

Может быть именно потому, что с коммунарским драмкружком работали люди чуткие, настойчивые, безгранично любящие свое дело, некоторые коммунары стали профессиональными артистами: Сыромятникова, Терентюк, Борискина, Ткачук и сейчас работают в театрах нашей страны.

В статье «А. С. Макаренко и искусство»[1] заслуженный артист республики Петров пишет: «Многих коммунаров мы «совратили», — они поступили в театральное училище и стали актерами. Часто в Харькове я видел потом Клаву Борискину и Митю Терентюка и убедился, что они как актеры и художники обладают особенной способностью убеждать и волновать зрителей».

---

[1] «А. С. Макаренко», вып. 3. Изд. Львовского университета, 1956, стр. 133.

Работа драматического кружка занимала значительное место в арсенале средств педагогического воздействия на воспитанников и в колонии им. Горького, и в коммуне им. Дзержинского.

Конечно, нельзя, да и нет надобности, буквально повторять опыт Антона Семеновича, но используя этот опыт и учитывая интересы детского коллектива, с которым работаешь, можно организовать театр в школе с немалой пользой для учащихся.

Об опыте работы драмколлектива средней школы № 50 города Львова я и расскажу.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ ШКОЛЬНОГО ТЕАТРА

Одна из главных задач школьного театра — неразрывная связь практической деятельности с постоянным обогащением новыми знаниями о театре, об искусстве, о работе актера над ролью, о задачах драматургии.

Сначала ребята прослушали лекцию «История русского театра». В ней рассказывалось о первых русских актерах, о театре Волкова, о развитии драматургии и театрального искусства XIX века, о судьбе актеров столичной и провинциальной сцен, о борьбе лучших представителей театрального искусства за идейность и реализм на сцене. Эта лекция сопровождалась не только фотоснимками — члены драматического кружка показали отрывки из комедии Фонвизина «Недоросль», поставили отрывок из «Грозы» Островского, а также из пьесы Горького «Враги». Таким образом, работа в драмколлективе была связана с уроками литературы и положительно отразилась как на игре школьных актеров, так и на их ответах и сочинениях по литературе.

Следующим этапом в работе драмколлектива было изучение истории МХАТа. Лекция на эту тему сопровождалась демонстрацией кинофильма и закончилась коллективным прослушиванием патефонных пластинок с записанными на них выступлениями артистов МХАТа.

В этом занятии важно было сочетание полученных знаний с приобретением навыков слушать и понимать актера.

После своеобразного маленького концерта возникла оживленная беседа. Если сначала она состояла из междометий: «вот это да!», «вот это чтение!», — то потом ребята заговорили о ритмике речи, о многозначительности пауз, о чувстве меры, о силе реализма на сцене.

Третье занятие мы посвятили обсуждению коллективно просмотренного спектакля «Сын Рыбакова». Обсуждение началось с небольшого рассказа о том, как создается спектакль. Кружковцы делились своими впечатлениями об игре актеров,

работе режиссера, оформлении спектакля. В их выступлениях уже чувствовалось уменье разобраться в идейном замысле всего спектакля и отдельной роли, уменье разграничить пьесу, спектакль, отличить заслугу режиссера и игру актера. Особенно интересными были выступления Аллы Хоруженко, Вити Баулина и Эдуарда Руги.

В заключение выступили артисты — исполнители главных ролей в пьесе «Сын Рыбакова», которые поделились своими творческими замыслами, высказали отношение к замечаниям юных зрителей, подчеркивая, что их поразили убедительные выступления ребят.

Теперь кружковцы были уже подготовлены к чтению серьезной литературы о театре. Я предложила ребятам список книг: «Моя жизнь в искусстве», «Работа актера над собой» К. С. Станиславского, «Из прошлого» В. И. Немировича-Данченко, «Записки крепостного актера» М. С. Щепкина, воспоминания Ю. М. Юрьева, «Записки советского актера» Н. К. Черкасова. Особенно привлекла внимание ребят работа К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве». Мне кажется, что мы, учителя, еще не оценили все воспитательное значение его книги. А ее можно по силе воздействия сравнить с «Педагогической поэмой» А. С. Макаренко, потому что это тоже поэма о великих подвигах мастеров сцены, о творческих исканиях и победах театрального искусства, поэма о смелых и честных людях, которые, совершая ошибки, умея отказаться от них, шли к вершинам правды в театре, к всестороннему изображению жизни и человека.

Яркие характеристики актеров и драматургов, живое описание спектаклей, их подготовки, последовательное изложение системы работы актера над ролью и борьба коллектива за ансамбль — все это таит в себе столько мудрости, знания жизни, высокой культуры, тонкого вкуса, что изучение книги Станиславского в школьных драмколлективах можно считать хотя и сложным, но необходимым этапом эстетического развития учащихся.

Вот выдержка из отзыва Володи Лобарева о прочитанной книге Станиславского: «Одной из причин, почему я прочитал книгу Станиславского «Моя жизнь в искусстве», было начало моей «актерской» деятельности в нашем школьном театре.

Богатая жизнь Станиславского, интересные факты и эпизоды из истории русского театра, описанные им, мастерство удивительно эмоционального и в то же время делового языка обусловили огромный интерес, с которым я читал это произведение. Книга дала мне представление о жизни театра, артистов, об их творческих поисках, горечи неудач, радости побед. Я понял всю ненужность пошлой «театральности» и всю красоту истинной правдивой игры, которая рождается в сочетании проникновения в образ с актерской техникой».

А другой юноша Игорь Тер пишет: «Эта замечательная книга учит меня понимать прекрасное в жизни, в искусстве. Многие афоризмы Станиславского я выписал себе в отдельную тетрадь: они стали для меня критерием оценок не только труда актера, но и любого дела человека».

Совершенно ясно, что теперь члены школьного театра «рвались в бой»: они хотели играть на сцене, сами ставить спектакли, были согласны исполнять любые роли.

Мы начали пробу своих сил с инсценировки «Молодой гвардии» — Охлопкова. Близкая по духу пьеса, любимые образы героев Краснодона, атмосфера комсомольской дружбы, задора — все это увлекало юных артистов, которым было по 16 лет, и они сами в глубине души считали себя готовыми к подвигам молодогвардейцев.

Нашей задачей было обучить ребят элементам актерской игры в пьесах различного характера: комедии, трагедии, в пьесе настроений. Так родились спектакли «Предложение» и «Медведь» Чехова, «Шуми, Марица» Ярослава Галана, «Старые друзья» Малюгина. От репетиции к репетиции вырисовывались облики наших постановок Ребята делали интересные находки: так, в спектакле «Предложение» Ломов (ученик Гарик Скоробутов), изгоняемый Чубуковым, одевал на голову цилиндр, в котором безмятежно покоились его белые перчатки, Наталья Васильевна (ученица Лора Погребняк), истерично рыдая и иступленно произнося одно слово «вернуть, вернуть» при реплике отца: «а все виновата ты», — вдруг совершенно спокойным и упрямым тоном завзятой спорщицы говорила: «Нет, ты!», и зрители хохотали уже от предчувствия нового спора между отцом и дочерью.

А в пьесе «Старые друзья» разговор Володи и Сени о любви сопровождался исполнением на рояле полонеза Огинского. И неожиданно сцена зазвучала по-новому: Сеня задумчиво перебирает клавиши... вот полились нежные, лиричные звуки начала полонеза, и увлеченный красотой музыки, Володя говорит: «Слушай, Сеня, ...ты был когда-нибудь влюблен?».

Успешно прошла постановка одноактной драмы Ярослава Галана «Шуми, Марица». В пьесе изображаются болгарские патриоты — стрелочник Дмитрий и его жена Христина, которые (несмотря на то, что в качестве заложницы фашистами взята их дочь) пускают поезд карателей под откос.

Переживания героев и драматическое напряжение, динамичность действия, яркие характеристики сразу захватили участников пьесы. С особым подъемом исполняла роль Христины ученица 10-го класса Люда Головачева.

Сцены расставанья с дочерью, решимость выполнить свой патриотический долг были проведены ею очень убедительно, с большим чувством, без какого бы то ни было мелодраматизма.

Работа нашего школьного театра получила положительную оценку во «Львовской правде», а также в газете «Советская культура» (11 февраля 1954 г.).

С увлечением школьный театр работал над программой вечера, посвященного А. С. Макаренко. Артисты-чтецы исполняли отрывки из «Педагогической поэмы». Старшие товарищи помогли начинающему артисту семикласснику Володе Ковалю в лицах передать разговор Антона Семеновича с Перцем.

Нами были инсценированы две главы из повести Антона Семеновича Макаренко «Флаги на башнях» — «Технология гнева» и «Мещанство».

Образы коммунаров очень полюбились артистам, и спектакль прошел с большим успехом.

Затем был инсценирован рассказ Горького «Макар Чудра» и поставлена одноактная пьеса К. Паустовского «Северянка».

Содержание занятий и репертуар школьного театра заметно повысили эстетический вкус ребят, их требовательность к книгам, пьесам, кинокартинам, культуре речи. В дневнике Лида Г. — участница школьного театра — писала: «Всего год состою я в труппе нашего театра, а как изменилось мое отношение к жизни, искусству. По-новому я читаю Островского и Симонова, по-новому наслаждаюсь игрой моих любимых киноактеров, по-новому слушаю голоса людей и по-новому отношусь к ним: пытливей, вдумчивей и бережливей...»

Эстетическое развитие кружковцев отразилось и на взаимоотношениях ребят, на борьбе за этику поведения, за укрепление коллективизма и организованность.

СОЗДАНИЕ КОЛЛЕКТИВА В ШКОЛЬНОМ ТЕАТРЕ

Школьный театр является одной из интереснейших форм воспитания у учащихся чувства коллективизма.

Сама специфика работы школьного театра создает обстановку коллективного мышления, коллективного переживания, тесной зависимости друг от друга.

В работе «Методика организации воспитательного процесса» Антон Семенович Макаренко писал: «Некоторые ограничения в вопросе выхода должны быть и в драматическом кружке и в хоре...[1] Эти дисциплинарные ограничения должны быть утверждены общим собранием, и за нарушение их отдельные воспитанники должны отвечать, как за нарушение общей дисциплины».[2]

---

[1] Речь идет о праве выхода из состава кружка. — *Ю. Л.*

[2] А. С. Макаренко Методика организации воспитательного процесса. Изд. АПН РСФСР, 1948, стр. 174.

Чтобы легче было выполнять «дисциплинарные ограничения», чтобы нити, связывающие учащихся во время спектакля и его подготовки, не утрачивали своего значения между спектаклями и вне репетиций, чтобы воспитать в членах драмколлектива исполнительность, четкость, уважение, чувство ответственности, мы решили создать школьный театр по типу настоящего театра.

Были определены служебные обязанности директора театра, его заместителя, заведующего постановочной частью, рабочих сцены, суфлера, бутафора, костюмера, гримера. Был создан постоянный состав артистов. Причем, директор театра выбирался общим собранием состава труппы, после чего он становился непререкаемым руководителем театральной жизни.

С назначением директора театра и всех остальных должностных лиц неузнаваемо изменился стиль работы драмколлектива. Мы совершенно освободились от суетни, хаотичности, беспорядка.

Порядок работы школьного театра определился Уставом театра, который был составлен Володей Лоборевым и утвержден общим собранием коллектива.

Устав школьного театра

Всем, вступившим в члены школьного театра, следует помнить правила:

1. Нет хороших и плохих ролей: все роли одинаково важны и нужны.

2. Являться на репетиции в точно назначенное время. Уважительной причиной может быть только смертельная опасность.

3. Выполнять любые поручения руководителя театра, вплоть до звуковых и световых эффектов.

4. Каждый артист, исполняющий ту или иную роль, сам обеспечивает себя костюмом.

5. Исключительно вежливо относиться друг к другу.

6. Сохранять безупречный порядок за кулисами.

После первого ознакомления с выбранным для постановки произведением объявлялся день, когда претенденты на ту или иную роль по своему желанию будут «пробовать себя». Весь состав труппы, возглавляемый художественным руководителем, решал, кому лучше поручить роль. Этим приемом мы достигали многого: хорошего исполнения роли, большой самостоятельности и инициативности в создании характера без каких-либо обид, уязвленного самолюбия, «крушения надежд»: ничего не скажешь — решает актерскую судьбу большинство голосов — самая высшая школьная справедливость!

Правда, однажды мы попали в затруднительное положение: на роль Шуры Зайцева в пьесе Малюгина «Старые друзья» претендовали три «актера». Все трое по-своему хорошо, интересно решали образ полюбившегося им Шуры. Разделились голоса, собственно, никаких голосов не было: все были обрадованы и... удручены тремя хорошими Шурами. Две недели длилось наше мучительное раздумье, но случай нас выручил: один из претендентов провинился в классе, и его тотчас отстранили от роли, другой заболел накануне спектакля, а третий за две репетиции так вошел в роль, что потом с успехом выступал в спектакле.

В процессе подготовки пьесы нами использовались приемы театральных студий для того, чтобы добиться не только хорошего исполнения данной роли, но и развития таланта актера, его воображения, выразительности движений, мимики, культуры речи.

Поэтому, не затягивая застольный период, мы очень скоро переходим к этюдному методу. За столом в беседе уясняем характеристики действующих лиц, их взаимоотношения, линию развития действия, исторические и бытовые особенности, находим центральную идею, которую будем внушать зрителям.

Переходя к исполнению отдельных эпизодов постановки, я «разминаю» воображение, мимику ребят исполнением заданных мною этюдов.

«Вы зашли в дом с улицы, где ветер и дождь».

«Вы спускаетесь в подвал со свечой и боитесь мышей».

«Вы торопитесь уйти и не можете найти перчатки».

Затем я усложняю задачу:

«Вы только что были на реке, там было хорошо, вы принесли цветы, сорванные по дороге».

«Вы получили письмо и хотите и боитесь его читать, но читая, сначала радуетесь, потом тревожитесь, потом успокаиваетесь» и т. д.

Опыт показал, что излишняя детализация в работе с актерами-школьниками утомляет их, притупляет творческую инициативу, даже расхолаживает, поэтому мы чаще планировали репетиции так, что чередовали застольный разбор с этюдами, т. е. проработав часть пьесы, я предлагала действующим лицам оставить роли и поступать, говорить так, как если бы они в самом деле попали в данную ситуацию.

Это исходное «если бы» развивает внимание, воображение, определяет правдивость общения, правильную оценку характера и действий изображаемых героев и в то же время требует особенной взаимопомощи, взаимовыручки, умения понять друг друга, укрепляя не только ансамблевость спектакля, но и взаимоотношения учащихся. Атмосфера такого коллективного творчества, совместного выполнения ряда

актерских задач всегда дает много находок, как правило, развивает у школьника-актера новые данные и полнее раскрывает роль.

Проведение генеральной репетиции в присутствии директора школы и учителей, обсуждение недостатков исполнения повышает чувство ответственности ребят за спектакль и усиливает рабочую напряженность коллектива.

Выпуск печатных программ к каждому спектаклю с указанием действующих лиц, их исполнителей и обслуживающего персонала сцены подчеркивает всю серьезность деятельности школьного театра.

ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШКОЛЬНОГО ТЕАТРА

Решая задачи эстетического воспитания, школьный театр оказывает воздействие не только на участников спектакля, но охватывает своим влиянием широкий круг зрителей, увлекая их идеями патриотизма, советского гуманизма, борьбы с чуждой нам буржуазной идеологией.

Мы старались воздействовать на зрителей не только содержанием спектакля, но и воспитать у них художественный вкус, умение критически оценить игру школьных актеров, выражать свои мысли о спектакле. Интересной и полезной работой нашего театра была организация конференции зрителей по обсуждению спектаклей, поставленных на школьной сцене.

Оказалось, что ребята-критики заметили все — и ансамблевость, и обособленность на сцене артиста—ученика Н., и плохую дикцию Р., и запоминающиеся выражения лица актрисы Г.; немало было замечаний и в адрес режиссуры: зрители не соглашались с некоторыми мизансценами и решением отдельных эпизодов. Вот одно из выступлений ученика Рудика Янченко, застенографированное на конференции: «Коллектив школьного театра, поставивший четыре спектакля, завоевал уважение и доверие у нас, зрителей. Но успехи коллектива в целом не могут закрыть нам глаза на отдельные отрицательные стороны исполнения, которые объясняются неправильным пониманием образа, поверхностным отношением к идейному замыслу спектакля, а иногда малоопытностью. Выдвинутые мною «обвинения» я постараюсь раскрыть на характеристике игры популярнейшего артиста нашей сцены Владимира Лоборева. Громадным успехом пользовался Лоборев, исполнявший роль Чубукова, в водевиле Чехова «Предложение». После окончания постановки зрители долгой овацией вызывали на сцену артистов, желая поблагодарить их за хорошее исполнение, особенно они были признательны Лобореву, который создал убеди-

тельный образ старика-помещика, сибарита, мечтающего поскорее и выгоднее выдать замуж свою дочь.

Почему же удалась эта роль Володе? Да потому, что известен закон: чем правдивее, прямее и яснее игра артиста, чем меньше в ней ходульности и внешнего «громоблеска», чем меньше артист занимается рассматриванием себя с позиции возвышенного себялюбия, то есть чем меньше он будет ловить себя на мысли: «О! Какой я сегодня молодец! Ай да я!», тем очевиднее успех. Вот в чем залог успеха Володи Лоборева в первом его выступлении. Но артистический авторитет В. Лоборева упал, по крайней мере, в моих глазах в пьесе «Под золотым орлом», где Лоборев, исполнявший роль Эдвина, не понял задачи драматурга. Эдвин — наглый, надменный янки, для которого дорого лишь то, что делают деньги, для него не существует ничего, кроме выгоды. Даже любовь не может остановить его звериного влечения к прибыли, к карьере. А какой же тип янки получился у Лоборева? Все та же старческая, качающаяся, нетвердая походка старика-отца из пьесы Чехова, все та же кислая физиономия. Единственно, что отличает Лоборева-Чубукова от Лоборева-Эдвина, — это внешний вид. Если бы вместо пилотки ему нахлобучить ночной колпак, вместо американской формы офицера натянуть халат, вместо толстой сигары сунуть в зубы длинный чубук, а остальное все оставить без изменения, то получится копия помещика, которого так удачно сыграл Лоборев в «Предложении».

Когда я после спектакля спросил у исполнителя роли, почему он так играет, то он ответил, что входит в положение человека, который в последний раз видит любимую женщину перед вечной разлукой с ней. Совершенно ясно, что Владимир роли не понял. Ведь Галан вывел образ Эдвина в пьесе не для того, чтобы мы любовались джентльменом, верным любимой женщине, нет, на примере Эдвина, Галан стремился доказать, до какой степени очерствления доводит капиталистическое общество человека. Поэтому Лобореву нужно было показать не убитого горем, вялого страдальца, а циничного представителя капиталистического мира. Надеюсь, что в дальнейшей работе над образом Лоборев и режиссура преодолеют эти серьезные недостатки».

Артисты не во всем соглашались с критикой, и развернулась настоящая творческая дискуссия, столь горячая, что некоторые артисты тут же разыгрывали критикуемый эпизод, убеждая в том, что он решен ими правильно.

Конференция зрителей дала интересные результаты: во-первых, повысилась дисциплина и самоотверженность артистов, почувствовавших силу и справедливость критики, во-вторых, рецензирование увлекло зрителей: у нас появилась целая группа критиков-«профессионалов», которые по поводу

каждого спектакля считали долгом выступить в школьной печати или на собрании труппы.

Скромную, но явно общественно полезную роль сыграл спектакль «Шуми, Марица» Ярослава Галана. Одноактная пьеса была написана в 1942 г. для радиопостановки и забылась театрами и самодеятельными коллективами. Наш школьный театр впервые поставил ее на сцене. Сообщение об этом в газете «Советская культура» вызвало живые отклики со всех концов Советского Союза. Писали нам из различных республик нашей страны: из Сталинградского Дома народного творчества, из Горьковского Дома офицеров, из Минского университета, из далекой Сибири, и во всех письмах нашему театру выражали благодарность за популяризацию малоизвестного произведения Ярослава Галана. Письма заканчивались неизменной просьбой прислать экземпляр пьесы «Шуми, Марица» для постановки.

Вот отрывок из письма сибиряков: «Мы расположены от железной дороги в 170 километрах, до областного центра — 1000 километров, поэтому пьесу найти трудно. Я от имени нашего коллектива и нашего села обращаюсь к вам с убедительной просьбой прислать нам текст этой пьесы. Мы глубоко уверены, что вы проявите отзывчивость и удовлетворите нашу просьбу».

Да иначе и не могло быть! Ребята настолько были тронуты любовью к творчеству своего земляка Ярослава Галана, что тотчас разослали списки пьесы всем нашим корреспондентам, и через месяц начали поступать сообщения об удачных постановках ее в Минске, Горьком, Сталинграде.

Так наше небольшое начинание — постановка малоизвестной пьесы — вызвало большой общественный резонанс.

Школьный театр принимал активное участие в избирательной кампании. На избирательном участке были поставлены два спектакля, артисты театра участвовали в выездных бригадах художественной самодеятельности.

Эту общественно полезную работу мы рассматривали как творческий отчет, подводящий итоги нашей деятельности и определяющий дальнейшую жизнь нашего театра.

* *
*

Я описала три года деятельности школьного театра. Это пожалуй, начало, но оно открывает столько перспектив воспитательной работы, столько «завтрашней радости» для учащихся, что позволяет утверждать: создание школьных театров — одна из интереснейших форм организации и воспитания ученического коллектива.

И. Л. Тимошук

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ТУРИСТСКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО КРУЖКА

(Средняя школа № 51, г. Львов)

Творческое использование основных принципов педагогической системы А. С. Макаренко дает возможность совершенствовать методы учебно-воспитательной работы с детьми, ориентирует, как привильно организовать и направить жизнь детского коллектива, внести в эту жизнь струю бодрости и жизнерадостности.

Особенно большой интерес представляют открытый и сформулированный Макаренко «закон движения коллектива» и связанное с ним учение о «системе перспективных линий». Смысл их заключается в том, что перед коллективом детей всегда должна стоять одна или несколько новых конкретных интересных задач, подчиненных учебно-воспитательным целям школы, разрешение которых требовало бы от них определенных усилий, труда, борьбы, но насыщало бы их жизнь смыслом и радостью.

В педагогической работе, по выражению Макаренко, эта «завтрашняя радость» — один из самых важных объектов работы. Очень важно подобрать такую задачу, которая увлекла бы весь коллектив учеников и каждого его члена в отдельности. Когда же поставленная перед детьми задача выполнена, необходимо тотчас выдвинуть новые задачи, причем с таким расчетом, чтобы они постепенно усложнялись, становились более значительными с точки зрения интересов всего коллектива, с точки зрения перспектив всего Союза.

Правильно использованная в педагогической практике «система перспективных линий» вселяет в учителя и учеников уверенность в свои силы, поднимает чувство собственного достоинства, развивает волю и упорство, беспрерывно направляет коллектив на все новые и новые достижения.

Учение А. С. Макаренко о «системе перспективных линий» должно быть широко использовано в различных областях школьной работы. Очень хорошие результаты дает творческое использование этой системы в работе школьных кружков.

I

Кружок юных туристов-краеведов средней школы № 51 был организован зимой 1951 года. Учительница географии объяснила, что кружок будет заниматься очень интересным и полезным делом, и, чтобы наладить в нем работу, необходимо тщательно подходить к подбору членов кружка. В первую очередь в кружок будут принимать учеников, которые хорошо учатся и не нарушают дисциплину, а также систематически занимаются спортом. Учительница делает паузу и добавляет: «Дети, кружок, о котором я рассказала, будет организован, примерно, через месяц. И те, у кого сейчас есть какие-то «грешки», но кто очень хочет стать членом школьного кружка юных туристов-краеведов, может ликвидировать их».

Опытный и вдумчивый педагог Н. П. Мазница еще задолго до организации самого кружка, учитывая положение А. С. Макаренко о большой мобилизующей силе «завтрашней радости», наполняет обычные будничные дела учеников значением и смыслом.

И вот приходит долгожданный день — первое заседание кружка юных туристов-краеведов. Руководитель кружка рассказывает присутствующим о перспективе работы кружка, о приблизительной программе занятий. Ученики с двойками по некоторым предметам принимались в кружок условно. Опыт показывает, что подобные предупреждения, наряду с дальнейшим контролем за успеваемостью и поведением кружковцев, дают свои положительные результаты. За пять лет работы было только два случая исключения из кружка — за недобросовестное отношение к учебе и за грубое нарушение дисциплины во время занятий кружка.

Главное, центральное место в работе кружка должны были занимать туристско-краеведческие походы. Обычно такие походы ученики очень любят и всегда ждут их с нетерпением.

Однако руководитель кружка не забывает предостережения А. С. Макаренко о том, что было бы большой ошибкой строить перспективу только на принципе приятного, даже если в этом приятном есть элементы полезного.

Первой конкретной задачей, поставленной перед кружковцами, был вопрос об организации на территории пришкольного участка образцовой школьной метеорологической станции.

Дети с радостью принялись за работу. Одни измеряли площадку под будущую метеостанцию, другие расчищали ее, некоторые занялись изготовлением таких простейших приборов, как солнечные часы, показатель полярной звезды, нефоскоп, будка. Дети приобретали практические навыки.

Затем Наталья Петровна Мазница стала приучать кружковцев к ведению систематических наблюдений за погодой, было назначено дежурство на метеостанции, изготовлена

специальная витрина для сообщений о данных наблюдений. Около витрины «Погода» обычно собиралось много школьников, особенно юных натуралистов.

Организовав работу школьной метеостанции, Наталья Петровна решила занять кружковцев новым интересным и полезным делом. Так, однажды она обратила внимание детей на запущенный водоем, расположенный на пришкольном участке. «Если приложить руки, какой был бы пруд, ведь не все будущие туристы умеют плавать. Да здесь и рыбу можно разводить!»

На следующий день в школе только и разговоров, что о школьном пруде. Ребята энергично принялись за новое дело. Когда же работа подходила к концу и получила высокую оценку педагогов, триумфу кружковцев не было границ.

Нацеливая кружковцев на организацию метеорологической станции и географической площадки, руководитель кружка преследовала цель — создать дружный, сплоченный работоспособный коллектив. Для этого надо было сблизить кружковцев, отвлечь внимание некоторых из них, условно принятых в кружок, от нарушения дисциплины, надо было вооружить кружковцев определенными организаторскими навыками, воспитать настойчивость и упорство в достижении цели. Педагоги знали, что перечисленные качества и умения проявляются и формируются во время активной деятельности человека, во время занятия его интересным делом значительно быстрее, чем тогда, когда он не заинтересован в результатах своего труда и не увлечен исполняемой задачей.

В процессе подготовки ребят к активному участию в походах было организовано несколько экскурсий в музеи Львова.

Подобно тому, как после организации метеостанции были выделены метеорологи для будущих походов, так и после посещения музеев кружковцы были разделены «по специальностям» — «геологи» и «ботаники» с учетом более или менее сознательного влечения детей к той или иной дисциплине.

Разделение кружковцев «по специальностям» — это своего рода игра, но игра серьезная, содержательная и интересная, которая отвечает возрасту учеников 5—7 классов.

Кроме представителей названных «специальностей», среди будущих туристов можно заблаговременно найти и летописцев походов, фотографов, рыболовов, затейников и других нужных в походах «специалистов».

С приближением сроков запланированных походов Наталья Петровна большое внимание уделяла индивидуальному и групповому снаряжению — изготовлению компасов, вещевых мешков, полевых сумок, сачков, мешочков для различных минералов и т. д.

Наконец, подготовительный этап походов заканчивается. Повторяются туристские правила, даются последние указания

в отношении ведения общего походного журнала, личных дневников, и специалистам напоминается, как собирать и обрабатывать материал. Наконец, определяется цель и длительность похода или экскурсии, и в соответствии с этим выбирается и обсуждается будущий маршрут, определяется индивидуальное и групповое снаряжение.

Сначала значительное место в работе кружка занимали тренировочные однодневные походы для 5—6 классов и двухдневные (суббота—воскресенье) для учеников 7 классов. Во время этих походов руководитель кружка приучал детей ориентироваться на местности, определять отдаленные предметы на глаз, подниматься по крутым склонам и спускаться с них, выбирать издали объекты для фотографирования, места для привалов и ночевки, разводить костер и т. д.

«Ботаников», «зоологов» и «геологов» Наталья Петровна приучала находить предметы, интересные с точки зрения их специальностей.

Располагая походным психрометром, туристы также измеряли температуру воздуха, определяли направление ветра, наблюдали за тучами.

Тщательная подготовка к походам дала положительные результаты. Уже после проведения нескольких походов и экскурсий ученики собрали много ценного материала. Часть его была передана в биологический кабинет школы. Но материала было собрано много, и вот Наталья Петровна выдвигает перед кружковцами новую перспективу — создание школьного краеведческого музея. Кроме материалов, собранных во время экскурсий и походов, в музее были выставлены изготовленные учениками макеты рельефа местности, лучшее самодельное снаряжение юного туриста и многие другие экспонаты.

Важно отметить, что с основанием школьного краеведческого музея ученики стали с большей ответственностью относиться к сборам различных материалов и особенно к их оформлению.

Юные туристы-краеведы поняли, что сбор и оформление материалов — это не только их личное, но и общешкольное дело. Если раньше некоторые из кружковцев, собираясь в поход или экскурсию, думали лишь о том, чтобы удовлетворить свои личные интересы и как можно веселее провести время, то теперь они начали заботиться и о том, чтобы принести что-то новое и ценное в школьный музей.

В школьном краеведческом музее появились коллекции образцов различных пород гипса и искусственного мрамора, образцы почв, бурого угля в разных стадиях его формирования, окаменелое дерево, ракушки, остатки белемнитов, аммонитов, в бутылках можно увидеть и минеральную воду одного из источников, который посетили туристы, и т. д.

Кружковцы, обрабатывая собранные материалы, иногда сталкивались с большими трудностями, особенно при желании точно определить название отдельных минералов.

При первых же затруднениях Наталья Петровна советует детям обратиться за помощью к сотрудникам минералогического и зоологического музеев Львовского университета.

Кружковцы незамедлили воспользоваться советом своего руководителя, а она, в свою очередь, предупредила сотрудников музеев о приходе детей.

К деятельности кружка сотрудники музеев отнеслись очень внимательно, а доцент В. А. Горецкий, настолько заинтересовался работой юных туристов-краеведов, что стал постоянно помогать ученикам в определении названий собранных экспонатов, а иногда принимал участие в их походах.

Во время одного такого похода в село Страдч Ивано-Франковского района Львовской области на песчаных обнажениях у реки Варещицы были обнаружены останки древних животных. Несколько позже на этом же месте доцент В. А. Горецкий уже вместе со студентами произвел детальные раскопки и нашел череп пещерного медведя. Узнав об этом, дети очень обрадовались—ведь в этой находке есть и их доля труда.

Кроме того, были найдены ископаемые ракушки, которые свидетельствуют о том, что 50 млн. лет назад на территории Львовской области было море.

Наряду с этими экскурсиями и походами, главной целью которых было ознакомление с полезными ископаемыми родного края, значительное место в работе кружка занимали экскурсии и походы иного характера.

Так, весной 1953 года был организован «Поход дружбы». Поводом к этому походу послужил тот факт, что именно в это время Львовская областная детская экскурсионно-туристская станция признала кружок туристов-краеведов средней школы № 51 г. Львова и одноименный кружок Куликовской средней школы лучшими кружками в области. Естественно, что, узнав об этом, ученики обоих кружков заинтересовались друг другом. И вот кружковцы Львовской школы пришли в гости к куликовским товарищам. Поход был совершен на лыжах ранней весной, что доставило детям много радости (от Львова до г. Куликова 15 *км*). Прибыв в Куликов, львовяне были приятно удивлены тем, что их вышли встречать не только туристы-краеведы, а вся школа вместе с духовым оркестром.

После радостных приветствий хозяева познакомили гостей со школьным помещением, кабинетами, показали специально подготовленные номера художественной самодеятельности, рассказали о своих походах по родному краю. Львовян особенно заинтересовал рассказ о 10-дневном походе к истокам реки Буг. Затем куликовские туристы-краеведы предложили львовянам вместе посетить лучший колхоз района.

Колхозники очень тепло встретили жизнерадостных подростков, рассказали им о своих достижениях, показали птицефермы, животноводческие фермы и т. д.

Дети заинтересовались биографией председателя колхоза — партизана времен Великой Отечественной войны, депутата Верховного Совета УССР тов. Дикого.

О. О. Дикий рассказал ученикам несколько интересных эпизодов из партизанской жизни, вспомнил о безрадостном прошлом г. Куликова. Он провел в Куликове всю свою жизнь, знал его еще маленьким селением, в котором верховодил пан. В то время здесь не было ни кино, ни клуба, ни школы.

Рассказ председателя колхоза произвел большое впечатление на детей.

Кроме колхоза кружковцы посетили также Куликовскую МТС.

Прощаясь с туристами-краеведами Куликовской средней школы, львовяне пригласили их к себе в гости и с энтузиазмом стали готовиться к встрече со своими друзьями.

В день встречи были приглашены гости из областной детской экскурсионно-туристкой станции и Обкома комсомола, и праздник дружбы (разрешим себе так называть его) прошел очень торжественно. Во время таких походов были заложены основы хорошей пионерско-комсомольской дружбы между двумя школами. В дальнейшем ребята наметили проводить совместные походы по родному краю.

Во время летних каникул самые активные члены кружка и, вместе с тем, самые лучшие и дисциплинированные ученики, изучившие туристские правила и сдавшие зачет по правилам, рекомендуются кружком в городскую туристскую станцию для участия в самых различных дальних экскурсиях и походах по изучению родного края.

Большой интерес у кружковцев к дальним походам и к сбору интересных материалов вызывают рассказы руководителя кружка Натальи Петровны, которая каждое лето ездит в индивидуальные дальние экскурсии и, как правило, привозит с собой интересные, а иногда и редкие экспонаты для школьного музея.

Большая воспитательная ценность туристско-краеведческих походов и экскурсий в свободное от занятий время заключается в том, что они, с одной стороны, содействуют организации наиболее содержательного и увлекающего досуга для подростков-школьников, а, с другой стороны, служат разрешению образовательных и воспитательных задач школы.

Высоко оценивал роль походов в воспитательной работе с детьми А. С. Макаренко. Он говорил, что нет лучшего метода развития и образования молодежи, чем походы.

Живая и непосредственная связь с действительностью всегда оказывает положительное влияние на учеников.

Походы в значительной степени влияют и на выбор профессии после окончания школы. Так, познакомившись с природой родного края, с природными богатствами Родины, некоторые выпускники школы, активные члены кружка, поступали на биологический, географический и геологический факультеты, а выпускник Гончаров, который во время походов и экскурсий, организуемых кружком, всегда интересовался сельскохозяйственными работами, поехал по призыву партии и комсомола на освоение целинных и залежных земель.

Придавая большое значение кружкам, А. С. Макаренко вместе с тем предостерегал от возможного отделения членов кружка от иной работы, организуемой школой, а поэтому призывал сочетать работу в кружке с общественной деятельностью. Именно об этом и заботится Наталья Петровна.

Так, когда школа взяла шефство над колхозом с Кривчицы Винниковского района Львовской области, перед кружковцами была поставлена задача включиться в эту работу. Ребята организовали несколько походов в колхоз, помогали собирать урожай.

Дважды в школе отмечался праздник «За честь школы» и дважды кружок туристов-краеведов награждался грамотами за изготовление подарков родной школе. Кружковцы изготовили для школы карты «СССР в VI пятилетке», «УССР в VI пятилетке», «Львовская область в VI пятилетке», «Львов в VI пятилетке», а также схемы «Львов — Родине» и «Родина — Львову в VI пятилетке».

Этими материалами кружковцы помогли коллективу школы ярче представить себе «будущее Союза, его движение вперед» (А. С. Макаренко).

Весной 1956 года, когда в школе началась подготовка к празднованию 100-летнего юбилея со дня рождения великого сына украинского народа И. Я. Франко, именем которого названа школа, юные туристы-краеведы помогли членам литературного кружка организовать экскурсию в село, где родился великий Каменяр.

Большое место в работе кружка занимает переписка с кружковцами других городов.

Наталья Петровна обратила внимание, что дети проявляют большой интерес к таким городам, как Ленинград и Рига. На областной детской экскурсионно-туристской станции она договорилась о летней поездке с детьми в эти города, а затем помогла кружковцам наладить переписку с юными туристами-краеведами Ленинграда и Риги Ребята отнеслись к переписке особенно серьезно, их увлекла перспектива летнего путешествия в эти города.

В письмах они спрашивали новых друзей о их работе и планах на время летних каникул, писали о себе, договаривались о встрече, о совместном посещении исторических памят-

ников города-героя, предлагали запланировать совместные интересные походы на близкие расстояния.

После того, как кружок юных туристов-краеведов средней школы № 51 был признан одним из лучших в области, школу стали посещать кружковцы других школ, городских и сельских. Они осматривали метеорологическую станцию, географическую площадку и краеведческий музей, заимствовали опыт изготовления макетов на учебные темы, знакомились с планами работы кружка.

По примеру кружковцев средней школы № 51 построили метеостанцию и географическую площадку Золочевская средняя школа Львовской области, Дидилевская средняя школа Ново-Милятинского района и другие.

В 1954 г. Областная туристская станция за хорошую работу премировала кружок туристов-краеведов школы № 51 трехдневной автобусной поездкой по историческим местам Львовщины, где проходил с освободительным войском Богдан Хмельницкий.

Однако успехи, которыми так гордились кружковцы и к которым проявили такой интерес гости, стали уже будничными делами, потеряли свою новизну. Они теперь не требовали напряжения, борьбы, труда. Чувство удовлетворения от работы начинало постепенно угасать. И это закономерно. Ведь эмоционально переживается не застой на каком-нибудь этапе, а переход, движение, стремление к новому. Чтобы не допустить «остановки в жизни коллектива», которая вот-вот могла произойти, необходимо было занять детей новым интересным делом. Понимая это и наблюдая за интересами и запросами кружковцев, руководитель кружка решила провести игру «Северный полюс юных».

Именно в это время на заседаниях кружка дети знакомились с биографиями выдающихся людей, которые изучали и изучают Арктику, просматривали фильмы на эту тему («Море студеное», «Во льдах океана» и др.), читали новинки географической литературы о современных исследованиях советских полярников.

Рассказы о тяжелых условиях полярных путешествий не только не пугали детей, а, наоборот, привлекали их. Так, когда они слушали рассказ о Г. Я. Седове, о штормах, непогоде и т. д., один из кружковцев (Слава Петровский) сказал: «Вот бы куда поехать, пережить все это!». Но пережить радость необычного инициативный руководитель дал возможность и в обычных условиях. «Ведь полярники прежде чем отправиться на Северный полюс провели репетицию вылета, научных и иных наблюдений под Москвой — провели своего рода игру. Очевидно, что-нибудь подобное можно организовать и с кружковцами», решила Наталья Петровна. Так родилась идея игры «Северный полюс».

На игру, как на один из важных методов воспитания, обращал внимание выдающийся советский педагог А. С. Макаренко. Он подчеркивал, что «игру, как таковую, мы все давно признаем и уважаем, однако в серьезной государственной школьной организации не всегда применяем».[1] А между тем, «у детей есть потребность в игре и ее нужно удовлетворить, и не потому, что нужно поработать, нужно и поиграться, а потому, что как ребенок играется, так он будет и работать... вся организация детского коллектива должна проникаться... игрой, а мы, педагоги, должны в этой игре принимать участие».[2]

Указания А. С. Макаренко послужили Наталье Петровне руководством к действию. На ближайшем заседании ребят познакомили с правилами игры и, как и следовало ожидать, идея игры их чрезвычайно увлекла. Игру решили провести во время зимних каникул на школьном пруду. Для подготовки к игре осталось несколько месяцев. Однако этот довольно длительный промежуток времени был заполнен содержательными занятиями.

Кружковцы с интересом изучали литературу о полярниках, систематически следили за сообщениями о новых достижениях советских полярников, смотрели кинофильмы о Северном полюсе. Кроме того, все члены кружка были разделены по специальностям: метеорологи, аэрологи, гидрологи, телефонисты, врачи, фотографы и т. д., и каждый кружковец готовился к игре соответственно избранной специальности.

Так, группа метеорологов под руководством Маркиана Наконечного (ученик 6-го класса) три раза в сутки вела наблюдения на школьной метеорологической станции, ежедневно слушала радио о состоянии погоды на дрейфующих станциях и сравнивала их данные со своими данными о погоде.

Метеорологи ближе познакомились с метеорологическими приборами, сами изготовили гигрометр и действующие модели термометров, проводили измерение высоты снегового покрова и т. д. Кроме того, они учились обрабатывать материалы наблюдений над погодой и записывали их в специальный журнал.

Аэрологи проходили практику на Львовском аэрологическом пункте под руководством аэролога Г. И. Пащенко. Дети присутствовали на служебных выпусках радиозондов, принимали участие в обработке материалов, учились графически изображать результаты полета зонда.

Юные гидрологи учились проводить наблюдения на школьном пруду. При помощи некоторых, как правило, самодельных примитивных приборов они учились определять глубину

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. V, стр. 217.
[2] Там же.

«океана», прозрачность воды в «океане», скорость «морских» течений, температуру воды на поверхности «океана» и на разных глубинах.

Группа фотографов проходила практику на Львовской областной детской экскурсионно-туристской станции.

С юными «врачами» школьный врач и медсестра провели несколько занятий. От них дети узнали, как оказать помощь утопающему, что делать при переломах, вывихах, при отморожениях, как успокоить зубную, головную боль. Под руководством школьной медсестры юные «врачи» вели журнал записи больных, который во время игры заполнялся то подлинными, то вымышленными данными.

В каждой группе был специально избран староста, во время игры выполнявший функции начальника группы.

Прошло первое полугодие. Наступили каникулы. До начала игры остались считанные дни — дни большого напряжения. Чтобы игра прошла с успехом, необходимо было все как следует подготовить, спланировать, проверить.

Начальником СП-4а («Северный полюс 4а») был назначен самый активный член кружка Маркиан Наконечный (6 класс).

На время игры директор Львовской областной детской экскурсионно-туристской станции тов. П. А. Тимошенко выделил детям одну большую палатку для общего пользования и несколько маленьких для специальных групп. Врачебная палатка имела даже спальный мешок.

За день до начала игры проверялось все групповое снаряжение, расписание работы по специальностям, все было подготовлено надлежащим образом.

Индивидуальное снаряжение каждого участника игры было рассчитано на двухдневный поход.

Наконец, наступил долгожданный день — 7 января 1955 года.

Юные «полярники» прибыли в школу в полной готовности к «вылету». Но, прежде чем организовать «вылет», им продемонстрировали фильм «376 дней на дрейфующей льдине», который произвел на ребят такое впечатление, как будто они действительно отправлялись на север.

После просмотра фильма дети собрались на школьном дворе, где начальники групп официально проверили присутствие «сотрудников», снаряжение. Начальник «СП-4а» Маркиан Наконечный зачитал приказ о вылете, пожелал успехов в работе, и экспедиция отправилась на «Северный полюс», который «находился» на школьном пруду. Прибыв на место, каждая группа специалистов немедленно принялась за организацию жилища: разбили палатки, провели телефоны, электричество и т. д. К сумеркам (игру начали в 15 часов 20 минут) вся работа была закончена. В телефонизации и электрифика-

ции лагеря юным «полярникам» помогали бывшие члены кружка, ученики 9 и 10 классов.

Первыми ежечасные научные наблюдения начали метеорологи, затем аэрологи, находившиеся на аэрологическом пункте, расположенном в 300 метрах от «СП-4а».

Начала свою работу и санитарная палатка.

Напряженно работали юные корреспонденты. Они вели журнал дрейфа «СП-4а», куда записывали действительные и вымышленные происшествия.

В 18 часов провели последнее наблюдение гидрологи.

Зимой темнеет рано. Наступили сумерки. Однако полярников это нисколько не беспокоило — лагерь был освещен.

Повары Аня Зрай и Надя Петрова принесли в кают-компанию (большую палатку, где были расставлены столы и парты) чай. Начался ужин.

После ужина дети собрались на гладкой поверхности льдины. Было тепло и тихо. Аккордеонист Толя Литвин заиграл вальс, начались танцы, игра в «ручеек», пение. Достали лыжи, коньки, а самые маленькие члены кружка катались с горки на санках.

Однако на полюсе не обходится без происшествий, и это также было заблаговременно учтено. В полночь был дан сигнал, предупреждающий юных «полярников» о большой метели, опасном движении льдин, трещине в центре лагеря. «Полярники» быстро сняли с опасных мест палатки, приборы и т. д.

Когда воображаемая опасность миновала, был дан сигнал, и «полярники» отправились отдыхать в один из классов школы. В лагере остались только дежурные с собаками.

В 4 часа 30 минут утра дежурный разбудил лагерь — надо было идти в Аэрообсерваторию наблюдать очередной запуск радиозонда.

Сотрудники обсерватории были предупреждены о приходе детей и встретили их приветливо, хотя и очень удивились количеству посетителей (47 человек). Таких гостей в 5 часов утра у них еще никогда не бывало.

Игра продолжалась два дня. Материалы кружковцев пополнились большим содержательным альбомом, посвященным игре, в краеведческий музей были переданы изготовленные для игры самодельные приборы, а в школьном коридоре долгое время висел оригинальный фотомонтаж.

Эта игра была описана в республиканской пионерской прессе, и кружковцы средней школы № 51 послали письмо вместе с газетами дрейфующей станции № 4.

В ответ они получили письмо следующего содержания:

«Мы с интересом прочитали ваше письмо и статью «Северный полюс во дворе» в газете «Юный ленинец» (20. 2. 1955 г.). Ваша работа в кружках несомненно помогает закреплять и

пополнять учебный материал. Приятно, что предметом вашей игры явилась работа полярников в Северном Ледовитом океане. Судя по фотографиям и статье, вы себе ясно представляете работу на научно-исследовательской дрейфующей станции и много усвоили из того, что впоследствии может пригодиться. Желаем вам продолжать эту игру зимой 1955—1956 гг., еще более совершенствовать и приближать к действительности применяемые приборы и оборудование.

Летом же вы отдохните, играть в Северный полюс в жару не годится. Сейчас, как вы знаете, у нас светло и тепло.[1] Температура воздуха около 5° и снег подтаивает. Готовимся к более сильному таянию, которое ожидается в конце июня и в июле. К нам дважды прилетали полярные воробьи — пуночки. Подумайте над вопросом, что заставляет этих птичек так далеко залетать и чем они здесь питаются. Наша льдина дрейфует, подчиняясь воздействию воздушных и морских течений. Так как ветры в этом районе часто меняются, льдина то продвигается на север, то отступает на юг, описывая петли против часовой стрелки. Вот еще вопрос, почему движение льдины в нашем районе происходит преимущественно против часовой стрелки?

Выполнение программы научных наблюдений проходит у нас нормально. Все работники станции здоровы и бодры. Желаем вам здоровья, успехов в учебе, веселого досуга.

По поручению коллектива СП-4 аэролог Гайдегеров».

Письмо пришло в школу во время летних каникул, и кружковцы познакомились с ним только в начале нового учебного года. Письмо с «настоящего полюса», от «настоящих полярников» очень взволновало и обрадовало детей. Оно читалось по нескольку раз, каждый кружковец непременно хотел подержать его в руках.

В новом учебном году ребята снова развернули подготовку к предстоящей игре.

Оказалось, что принять участие в игре «Северный полюс юных» желают и другие кружки области, а редакция республиканской пионерской газеты «Юный ленинец» рекомендовала провести подобную игру всем юным пионерам Украины. В одном из номеров газеты (11. XI 1955 г., № 46) было дано объявление, что в помощь участникам игры при редакции газеты открывается специальный «Клуб юных полярников», который будет руководить подготовкой и проведением игры. Кружковцы средней школы № 51 с радостью узнали, что в правление «Клуба юных полярников», наряду с руководителем первой дрейфующей станции «Северный полюс» И. Д. Папаниным, полярным летчиком И. В. Водопьяновым, начальником дрейфующей станции «СП-3» О. Ф. Трешнико-

---

[1] Письмо написано 2 июня. — *И. Т.*

вым и другими полярниками, вошла и их любимая учительница Н. П. Мазница.

На призыв газеты «Юный ленинец» откликнулось более 1200 школ Украины.

18 декабря 1955 г. Львовская областная детская экскурсионно-туристская станция и Обком комсомола организовали для кружковцев области, принимавших участие в игре, специальный утренник, посвященный исследователям Арктики. На этом утреннике, кроме доцента Львовского университета им. Ив. Франко К. И. Геренчука, который интересно и содержательно рассказал об исследовании Арктики, выступала с инструктажем о подготовке и проведении игры «СП-Ю» («Северный полюс юных») Н. П. Мазница.

«Высадка на лед» всех экспедиций «СП-Ю» должна была состояться в зимние каникулы по сигналу правления клуба. Однако по просьбе кружковцев, которые принимали участие в игре впервые и еще не успели хорошо подготовиться, игру перенесли на 12 февраля 1956 г.

Накануне нового года кружковцы средней школы № 51 послали полярникам приветственные телеграммы и сообщили о своей новой игре. Не забыли своих новых друзей и полярники. Они прислали телеграмму такого содержания: «Поздравляем юных туристов-краеведов новым годом. Желаем здоровья, успехов. Интересом следим продолжением вашей увлекательной игры».

Получили кружковцы телеграмму и от Антарктической станции:

«Дорогие друзья, сердечно поздравляем вас новым годом, благодарим добрые пожелания. Желаем хорошо учиться и на полюсе юных подготовиться к обоим взрослым полюсам — Сомов, Вялов».

Кстати, эта телеграмма послужила поводом к рождению идеи о проведении в 1957 г. новой игры — «Южный полюс юных».

Получили ученики также письмо и фото от дважды Героя Советского Союза, руководителя первой дрейфующей станции «Северный полюс» И. Д. Папанина, которого они попросили принять участие в их игре.

Переписка кружковцев с полярниками имела большое воспитательное значение. Мимо внимания «полярников» не проходили и отдельные факты опоздания членов их кружка на уроки или кружковые заседания, невыполненные домашние задания, те или иные поручения коллектива и т. д. Все сейчас же расценивалось с точки зрения, может ли так поступать полярник.

Игра в «СП-Ю», как уже отмечалось, была назначена на 12 февраля 1956 г. Однако туристам-краеведам средней школы № 51 хотелось провести ее раньше. Об этом дети написали в

редакцию газеты «Юного ленинца» и вскоре получили официальное разрешение на пробный «вылет» во время зимних каникул.

Пробная высадка была осуществлена с 7 на 8 января 1956 г. на Комсомольском озере (7 *км* от Львова). Проба благодаря хорошей подготовке прошла успешно.

В день, назначенный редакцией «Юный ленинец» для игры, по всей Украине (12. 2 1956 г.) был большой мороз (27°С), и игру временно отложили На территории Львовщины лишь в первых числах марта установилась благоприятная погода для проведения игры. К этому времени уже хорошо подготовились и те, кто принимал участие в игре впервые. Каждый «специалист» знал, что ему делать и когда. Как и раньше, кружковцы средней школы № 51 играли на протяжении суток. Кроме юных туристов-краеведов, в игре принимали участие также члены школьного биологического кружка.

Характерно, что от предложения участников игры других школ и их руководителей провести игру на протяжении одного выходного дня без ночевки, юные «полярники» средней школы № 51 категорически отказались. И это понятно: ученики переходного возраста стремятся ко всему необычному, героическому. И проведение ночи в лагере, расположенном на льду озера, вдали от города полностью отвечало особенностям психики подростков.

Наталья Петровна прекрасно понимала, что для воспитания смелых, бесстрашных, мужественных людей «нельзя... ограничиться спасительными разговорами. Нельзя... закрыть форточки, обложить ребенка ватой и рассказать ему о подвиге Папанина... Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество...»[1]

Таким образом, в отличие от полярников других школ, участвовавших в игре лишь на протяжении выходного дня (11 марта 1956 г.), кружковцы средней школы № 51 «вылетели на полюс» (выехали двумя автомашинами) после полудня в субботу(10 марта 1956 г.). Прибыв к месту высадки (Комсомольское озеро), дети моментально установили в центре красный флаг с буквами «СП-Ю» и принялись за разбивку лагеря, устройство метеорологической площадки, а затем проводили некоторые наблюдения (основные виды «научных» наблюдений были отложены на другой день, ко времени приезда всех остальных участников игры). Юные полярники до наступления темноты покатались на лыжах и санках, а перед сном привели в порядок записи своих наблюдений и впечатлений о проведенном дне.

В эту ночь была сильная пурга. Заснеженные дежурные

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. V, стр. 390.

заходили в «кают-компанию» и, передав шубы и валенки новой смене, утомленные, ложились спать. Собака «Пират» сопровождала каждую смену. И вот во время одного из дежурств собака сильно залаяла. Дежурные насторожились, но, не увидев ничего подозрительного, попытались успокоить «Пирата». Однако собака не успокаивалась, а, наоборот, лаяла все сильнее. Тогда дежурные пошли вслед за собакой. Вскоре они заметили на снегу какой-то темный предмет и, испугавшись, не решались приблизиться к нему. Но колебались они не долго. Превозмогая страх, дежурные двинулись вперед и, приблизившись, увидели обледеневшего человека. На вопрос, что с ним случилось, ответа не последовало. Дети побежали за носилками, затем отнесли неизвестного в лагерь, где ему оказали необходимую помощь. Происшествием заинтересовались все участники игры, и уже до утра никто не мог уснуть. Все с нетерпением ждали, когда выяснится загадка появления незнакомца на территории Комсомольского озера в такое позднее время.

Проснулся и незнакомец. Юные полярники узнали, что спасенный человек возвращался поздно домой в направлении г. Винники, из-за сильной пурги сбился с пути, долго блуждал, выбился из сил и потерял сознание.

Детей очень взволновало это происшествие, и они еще долго находились под его впечатлением.

Но приближалось время приезда остальных участников игры.

В 10 часов 11 марта прибыли ученики из школ Львова и районного центра Винники (свыше 100 чел.). После дружественных приветствий прибывшие познакомились с лагерем, с записями проведенных наблюдений. Дальше игру проводили все вместе.

В 11 часов к большой радости детей прибыл аэролог Г. И. Пащенко и помог юным аэрологам запустить радиозонд и обработать данные полета.

В 14-00 на «СП-Ю» приехал летчик лейтенант Сафронов и предложил детям поехать на аэродром, где они имели возможность ближе познакомиться с устройством самолетов и вертолетов.

Игра кружковцев прошла с большим успехом. Материалы игры отряда юных полярников № 4а (средняя школа № 51) были признаны одними из лучших. Отряд получил грамоту ЦК ЛКСМ и библиотеку.

Активные участники игры, а также их руководитель были награждены индивидуальными грамотами МП УССР и ЦК ЛКСМУ. Начальник «СП-Ю-4» Люба Проць (9 класс) была премирована путевкой в Кавказский лагерь юных альпинистов, начальник связи Роман Чухрай (7 класс) — экскурсией в Ленинград, а один из самых активных участников игры Юра

Кучма — поездкой на Землю Франца Иосифа (эта поездка впоследствии была заменена поездкой на остров Диксон).

Наши наблюдения за подготовкой и проведением описанной игры дают возможность сделать следующие выводы:

1. После близкого ознакомления кружковцев с жизнью и деятельностью советских полярников понятия «самоотверженность», «смелость», «выдержка», «мужество» и т. д. наполнились для них конкретным содержанием.

2. Игра «СП-Ю-4а» очень оживила работу кружка юных туристов-краеведов.

3. За время подготовки и проведения игры кружковцы стали более сплоченными, дружными, а вместе с тем и более требовательными друг к другу, что, безусловно, положительно отразилось на их успеваемости и дисциплине.

4. Принимая участие в игре «СП-Ю», ученики значительно углубили и обогатили свои знания по географии, заметно расширили свой политехнический кругозор, приобрели полезные и ценные навыки по ведению метеорологических, гидрологических и других наблюдений, по изготовлению некоторых приборов, по фотоделу, службе связи и т. д.

Вместе с тем дети приобрели и немало общих навыков, которые обязательно пригодятся каждому из них в процессе их будущей самостоятельной трудовой деятельности (привычку планировать свои действия, нести ответственность за порученное дело и доводить его до конца, умение распоряжаться и, если надо, подчиняться другим).

Можно было бы продолжить перечень положительных сторон игры, но и этого достаточно, чтобы убедиться в том, какое большое образовательно-воспитательное значение она имела.

Важно отметить, что Наталья Петровна Мазница в конце каждого учебного года обычно знакомит кружковцев в общих чертах с дальнейшей программой работы кружка в следующем учебном году, новыми содержательными и интересными делами привлекает их к участию в работе кружка.

Так, например, заканчивая 1955—1956 учебный год, кружковцы уже знают, что в 1956—1957 учебном году они должны посетить Львовско-Волынский угольный бассейн, провести звездный поход к горе Камуле (наивысшая точка между Уралом и Львовом), активно включиться в изучение истории родного города и т. п.

Исходя из всего сказанного, мы убеждаемся в том, что кружок юных туристов-краеведов средней школы № 51 г. Львова на протяжении всего своего существования живет напряженной, содержательной, интересной жизнью.

Педагогическая ценность применяемых руководителем кружка перспектив заключается прежде всего в том, что, несмотря на большое их разнообразие (и в отношении содер-

жания, и в отношении формы), все они так или иначе органически сочетались с разрешением главной задачи школы — борьбой за высокую успеваемость, сознательную дисциплину, воспитание высоких моральных качеств у школьников.

Очень ценным является то, что выдвигая перед кружковцами те или иные перспективы, руководитель кружка старается всегда их сочетать с теми делами, в разрешении которых принимает участие вся школа, с теми знаменательными событиями, которыми живут город, область, республика, вся наша страна.

И. И. Мирный, Б. И. Фин.

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ АВТОРИТЕТЕ ШКОЛЫ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

(Из опыта организации внеклассной работы Садгорской школы рабочей молодежи)

Перед партийными, комсомольскими и советскими организациями стоит задача — повседневно интересоваться деятельностью школ рабочей молодежи, помогать им в работе, как можно шире привлекать в эти школы юношей и девушек — рабочих производства, не имеющих неполного среднего или среднего образования. Ныне задача школ рабочей молодежи состоит в том, чтобы пополнить кадры социалистических предприятий людьми со средним образованием. В соревновании со странами капиталистического лагеря мы выходим победителями прежде всего потому, что сумели в самый кратчайший срок успешно решить задачу общего и технического образования широких масс нашей молодежи. В этом направлении мы должны работать с еще большей энергией, повседневно заботясь о наших школах, в том числе и о школах рабочей молодежи.

Обучение в школах рабочей молодежи имеет свои особенности. Здесь юношам и девушкам приходится сочетать учебу с работой на производстве. Учеба в такой школе — дело совершенно добровольное.

В вечерних школах обучаются одновременно юноши и девушки, которые еще не вышли из школьного возраста, а также семейные рабочие.

Учащиеся школ рабочей молодежи часто имеют серьезные пробелы и недочеты в знаниях, что объясняется главным образом длительным перерывом в учебе. Поэтому вопросы набора учащихся, организации учебно-воспитательного процесса в школах рабочей молодежи решаются значительно сложнее, чем в обычных школах, и требуют особого внимания. Главная задача школ рабочей молодежи состоит в том, чтобы готовить грамотных, культурных людей со средним образованием. Но кроме того, их задачей является специальная воспитательная работа по вооружению учащихся марксистско-

ленинским мировоззрением, по привитию им норм коммунистической морали. Н. К. Крупская не один раз подчеркивала, что работа школ взрослых должна быть теснейшим образом связана с партийной работой в массах, а поэтому-то вся деятельность таких школ должна быть проникнута глубокой партийностью, чтобы школы взрослых играли очень важную роль в коммунистическом воспитании масс[1].

Такие школы будут успешно выполнять свои задачи только в том случае, если они пользуются авторитетом в глазах общественности, рабочей молодежи. Пути завоевания авторитета различны — это, во-первых, — тесная связь с тем производством, на котором работает учащаяся молодежь, во-вторых, — такая организация учебной и воспитательной работы в школе, при которой у молодежи возникает влечение к учебе. Опыт работы средней школы рабочей молодежи селения Садгора Черновицкой области показывает, что это вполне возможно.

Какими путями коллективу школы удалось достичь этого? Прежде всего нами использовался замечательный педагогический опыт Антона Семеновича Макаренко. Именно творческое использование данного опыта помогло нашему коллективу завоевать авторитет среди общественности.

Было время, когда и в нашу школу молодежь шла неохотно. Занятия посещались плохо, перед экзаменами классы пустели. Связь с производством, на котором работали учащиеся, носила обычно формальный характер.

Ученик Г., например, пропустил несколько дней занятий. Классный руководитель стремился выяснить причины пропусков. Начальник цеха заверяет, что в дальнейшем Г. будет посещать уроки регулярно. Полагая, что меры приняты, классный руководитель считает свои обязанности на этом выполненными. Начальник же цеха, вызвав ученика, обычно заканчивает свое «внушение» руганью. После этого учащийся, считая посещения школы чем-то насильно ему навязанным, вскоре совсем бросает учебу.

Приход классных руководителей на производство обычно воспринимался так: «Ну, кому-то снова влетит».

Педколлектив школы по своему был прав, когда стремился воздействовать на нарушителей учебной дисциплины через администрацию завода, через профсоюзную организацию предприятия.

Самые строгие требования, особенно по отношению к слабохарактерным учащимся, могут и должны быть предъявлены. Однако в решении всех сложных вопросов организации учебно-воспитательной работы в школах рабочей молодежи

---

[1] Н. К. Крупская. О преподавании в средних школах взрослых. Учпедгиз. М., 1939, стр. 26.

опираться только на административный авторитет нельзя. Это большая ошибка, ее в свое время не избежала и Садгорская средняя школа рабочей молодежи. При таком стиле работы создается весьма ложное положение, когда школа, учителя как будто заинтересованы в обучении молодежи, тянут ее в школу и т. д., а предприятия, сама молодежь как будто в этом не заинтересованы.

Основное внимание в школе уделялось поддержанию дисциплины, коренными же вопросами и организацией педагогического процесса занимались мало. В школе отсутствовал сплоченный ученический коллектив. Популяризация работы школы, которую иногда проводили учителя, не давала желаемых результатов.

Педагогический опыт А. С. Макаренко подсказал педколлективу, как можно исправить допущенные ошибки, в каком направлении следует вести работу. Чем глубже вникал педколлектив школы в педагогическую сокровищницу Антона Семеновича, тем яснее становились нам наши ошибки.

А. С. Макаренко, исходя из указаний В. И. Ленина о том, что массы можно организовать только вокруг конкретного дела, сделал очень важный в педагогическом отношении вывод — никогда не следует оставлять коллектив без целеустремленной деятельности. Мы старались поддержать дисциплину, интерес к учебе, но шли административными путями к достижению поставленных целей. А. С. Макаренко же, организуя своих воспитанников вокруг конкретного дела, стремился вызвать у самих воспитанников интерес к делу, влечение к нему. Избегая административных мер, он опирался на инициативу самих воспитанников, на их коллектив.

Перед нашим педколлективом впервые действительно по-серьезному встала проблема, как подойти к созданию сплоченного ученического коллектива в условиях школы рабочей молодежи, коллектива, который бы зажил интересами школы, гордился ею. Все это необходимо для того, чтобы воспитать у каждого учащегося желание учиться, стремиться быть членом школьного коллектива, чтобы каждый ученик глубоко осознал, что, обучаясь в школе без отрыва от производства, он выполняет свой гражданский долг перед Родиной.

Прежде всего педколлективу пришлось отказаться от двух серьезных заблуждений, а именно: во-первых, от спасительности административной педагогики, во-вторых, от того, будто бы учащиеся школы рабочей молодежи имеют крайне ограниченный бюджет времени, которого едва хватает только на то, чтобы посетить школу, выполнить домашние задания.

Если раньше педколлектив, находясь в плену этого заблуждения, даже не задумывался над возможностью организации внеклассной работы в школе рабочей молодежи, то

теперь было решено организацию досуга учащихся взять под особое наблюдение школы, уделить максимум внимания вопросам организации внеклассной работы. Учащиеся нашей школы—это рабочие и работники мелких предприятий кустарного типа или колхозники. Мелкие предприятия районного центра, проводя культурно-массовую работу среди рабочих, не всегда учитывали специфические интересы молодежи, которой, как правило, бывает на таких предприятиях немного.

Как показали наши наблюдения, молодежь в таких случаях в свободное время спешит посмотреть новый кинофильм, а если его нет, бесцельно бродит по улице с гармонистом или без гармониста, сидит за бутылкой пива в буфете и т. д.

Организовав культурный досуг молодежи, мы получили в свое распоряжение очень сильное средство воспитательного воздействия. Перед учащимися раскрывалась перспектива удовлетворить свое влечение к науке, технике, искусству, спорту. Деятельность учащихся в этом направлении способствовала бы решению и иных педагогических задач.

Следует тут же заметить, что уже одно обсуждение этих вопросов внесло оживление в работу педагогического коллектива школы, сплотило его, у учителей появилась перспектива в работе. В процессе обсуждения выяснились две возможности, два пути в решении вопросов организации внеклассной работы в условиях школы рабочей молодежи. Одни предлагали периодически проводить для учащихся вечера, концерты, коллективные посещения кино, театра, т. е. организовать работу так, чтобы учащиеся могли только развлекаться. Однако в процессе обсуждения были выдвинуты обдуманные, серьезные возражения против такого подхода к решению вопросов организации внеклассной работы.

Убеждения только тогда прочно ложатся в душу молодежи, когда они соединяются с практикой поведения. Об этом говорил еще В. И. Ленин в речи на III съезде комсомола. Конечно, в работе со взрослой учащейся молодежью, основным средством воспитания являются убеждение, воздействие на сознание, но не следует забывать, что практическая моральная деятельность, как показывает блестящий опыт А. Макаренко, в свою очередь решающе влияет на формирование моральных взглядов, суждений. Антон Семенович неоднократно подчеркивал необходимость воспитания в наших людях единства убеждений и действий, сознания и поведения. Весь его опыт был направлен на решение этой важнейшей задачи.

Внеклассную работу с учащимися в Садгорской средней школе мы проводили, опираясь на теоретические положения А. С. Макаренко, вытекающие из его огромного опыта. Мы добиваемся того, чтобы каждый учащийся самостоятельно участвовал в этой работе, не боясь перегрузки учащихся.

У некоторых учителей было стремление внести в работу со взрослой молодежью элементы системы заочного обучения, а именно: обстоятельно проверять выполнение домашних заданий, давать сжатое объяснение нового материала и нового домашнего задания Но учитель при такой системе нередко превращается в инструктора-консультанта, дающего и проверяющего задание. Систематическое посещение уроков дирекцией школы помогло избежать этого в работе. Учителя, осознав требования, предъявляемые к ним, отказались от такой системы, так как для них стала очевидной необходимость строить урок так, чтобы ученик усвоил максимум материала в классе.

В основу внеклассной работы нами был положен принцип добровольности. Мы избр[illegible] такие формы внеклассной работы, которые бы удовлетворяли стремление учащихся к научным занятиям, их увлечение техникой, искусством, спортом.

Внеклассную работу мы проводили как в дни занятий, так и в свободное от учебы время — в субботу и воскресенье.

В учебные дни систематически организовывались политинформации, выпускалась радиогазета, работала сменная редколлегия, проводились кратковременные классные собрания. созывался комсомольский актив и т. д.

В субботу и воскресенье устраивались массовые вечера, посвященные знаменательным датам, молодежные тематические вечера, лекции. В эти же дни работали кружки художественной самодеятельности, технические кружки, проводились экскурсии на предприятия, в музеи, на выставки. Школа находится в пяти километрах от Черновцев, где имеются несколько музеев, драматический театр, периодически устраиваются передвижные выставки.

Сначала мы испытывали большие трудности в проведении внеклассной работы, много времени уходило на решение организационных вопросов. И здесь нам помог опыт А. С. Макаренко. Антон Семенович успевал за 2—3 минуты ввести в оперный театр 600 воспитанников, за одну минуту собирал их на собрание. Опираясь на коллектив, мы постепенно добились того, что за 15 минут успевали провести собрание, в точно назначенное время собраться на любое массовое мероприятие. Мы старались организовать работу так, чтобы наши мероприятия не занимали больше 3—4 часов. Массовые мероприятия проводились не чаще двух раз в месяц. Если устраивался вечер отдыха или что-либо подобное, то в тот же день читалась лекция или доклад на тему, интересующую учащихся, или проводилась репетиция хора, занимались технические кружки и т. д. Конечно, все протекало в определенной последовательности, по календарному плану.

Таким образом, мы имели возможность при достаточно продуманной предварительной подготовке находить время

для внеклассных занятий и общественно полезной работы учащихся.

Пытаясь узнать, чем интересуются учащиеся, мы нашли среди них руководителей кружков, опытных организаторов массовых мероприятий, докладчиков, активистов художественной самодеятельности. Это облегчило решение организационных вопросов. Нужно было только заинтересовать учащихся, привлечь внимание к организуемым мероприятиям.

С чего мы начали? Шел урок истории на тему «Сталинградская битва». Среди учащихся оказался непосредственный участник этих событий. Он поделился воспоминаниями об отдельных боевых эпизодах.

В курсе географии зарубежных стран изучалась тема «Монгольская Народная Республика». Выяснилось, что ученик IX класса тов. Ситник два года работал в МНР. Это всех заинтересовало. Решили попросить тов. Ситника рассказать о своих впечатлениях. Такой доклад состоялся и вызвал большой интерес. Мы поняли, что в проведении внеклассных мероприятий следует как можно шире опираться на жизненный и производственный опыт учащихся.

К встрече Нового года учащиеся подготовили большую художественную самодеятельность. Был организован хор под руководством ученика Корабельникова, репетировали отдельные номера, с увлечением занимались учащиеся украшением елки и т. п Идея встречи Нового года в нашей школе привлекла внимание и неучащейся рабочей молодежи Садгоры. Была составлена интересная программа вечера. Особенно удачно выступал недавно созданный школьный хор. Нашлись способные солисты. Учащиеся пели, танцевали, играли. От новогоднего вечера остались яркие воспоминания у учащихся и у гостей. Педколлектив принял все меры, чтобы интерес к самодеятельности не остыл. Часто проводятся теперь тематические вечера, вечера вопросов и ответов, обсуждаются художественные произведения. Учащиеся полюбили коллективные посещения театра, кино с обсуждением спектаклей и фильмов, экскурсии на фабрики и заводы, в музеи. Все большую и большую роль в организации внеклассных мероприятий стали играть органы ученического самоуправления, ученический коллектив в целом.

Иногда подготовка отдельных мероприятий поручалась классам, кружкам. Для более тесного контакта с общественностью тематические вечера и другие мероприятия внеклассного характера проводились в районном Доме культуры, на предприятии, в клубе колхоза.

Например, вечер, посвященный социалистическим преобразованиям на Буковине, был проведен в Доме культуры по такой программе:

1. Борьба трудящихся Буковины в прошлом против капи-

талистического угнетения, за воссоединение с Советской Украиной;

2. Что дала Советская власть трудящимся Буковины;

3. Садгорский район в прошлом и теперь.

С небольшими докладами на эти темы выступили учащиеся. На вечер были приглашены пожилые люди, участвовавшие в революционной борьбе на Буковине. Они поделились воспоминаниями. Вечер произвел очень хорошее впечатление на собравшихся.

Вечера проводились и на такие темы:

1. Вклад отечественных ученых в развитие науки об електричестве. Готовил вечер 10-й класс.

2. Происхождение жизни на Земле. Готовил 9-й класс.

3. Происхождение и классовая сущность религии. Вечер готовился 8-м классом в клубе колхоза.

4. Жизнь и литературная деятельность Ольги Кобылянской. Вечер готовили восьмиклассники, он был проведен в районном Доме культуры.

Во время подготовки тематического вечера оживлялась деятельность не только всей школы, но и отдельных классов.

Готовясь к тематическому вечеру, посвященному выдающимся русским математикам, ученики-десятиклассники, например, подготовили для школы подарок — ценные наглядные пособия. Ученик Степанишин сам нарисовал портреты выдающихся математиков, Панов и Илящук изготовили несколько наглядных пособий по геометрии. Был выпущен специальный математический номер стенной газеты. Традицией 10-го класса стало дарить школе к концу учебного года ценный подарок, сделанный руками учащихся.

Географический вечер на тему: «Русские имена на карте мира» был подготовлен учениками 7-го класса. Они же подготовили доклады, демонстрировали научно-популярные кинофильмы. Работа школы получила высокую оценку на страницах районной газеты, которая писала: «В Садгорской вечерней средней школе рабочей молодежи стало традицией организованно проводить дни отдыха.

В прошлый выходной день состоялся географический вечер на тему: «Русские имена на карте мира». На вечере выступали с докладами ученики 7-го класса тт. Самохвалов, Никифорук, Голубицкий. Они рассказали о развитии географической науки в нашей стране, о выдающихся открытиях и исследованиях русских людей. Классная комната была оформлена портретами выдающихся русских ученых-географов, путешественников, мореплавателей, картами, схемами их путешествий. В заключение вечера присутствующие просмотрели кинофильм «Во льдах океана»[1].

---

[1] Газ. «Вперед до комунізму» от 7 мая 1953 г.

Следуя указаниям А. С. Макаренко мы постоянно стремились наполнить жизнь нашего школьного коллектива интересной, содержательной деятельностью так, чтобы коллектив никогда не стоял на месте, а двигался вперед, к осуществлению поставленных перед ним задач, все более интересных и увлекательных. Учащиеся, активно участвуя во внеклассных мероприятиях, сами становятся организаторами культурно-массовой работы у себя на предприятии.

Тов. Корабельников, например, учился в нашей школе четыре года и все четыре года принимал активное участие в школьной художественной самодеятельности. Успешно окончив школу, он стал организатором и руководителем самодеятельного молодежного хора у себя на производстве.

Н. К. Крупская очень высоко оценивала воспитательное значение внеклассной работы в школах для взрослых, указывая при этом на необходимость ее организации в самых широких масштабах. «Надо,—писала она,—чтобы наиболее активные учащиеся организовывали художественные и политические кружки, которыми должна обрастать школа взрослых»[1].

В нашей школе постепенно, в меру развития интереса к технике, возникали технические кружки. Одним из первых был фотокружок. Известно, что молодежь очень увлекается фотографией, а поэтому неудивительно, что этот кружок возник одним из первых. Среди самих учащихся школы нашелся руководитель кружка, десятиклассник, хорошо знавший фотодело. Кружок состоял из двух секций: в одну записались те, кто уже имел фотоаппараты и умел немного фотографировать, во второй секции были те, кто занимался фотографированием впервые.

В школе создан большой фотоархив, в котором представлены отдельные стороны жизни и деятельности школы. В кружке обучались фотографированию 60 учащихся.

Решения партийных съездов о политехнизации обучения в школе поставили перед школами новые задачи, а именно—дать рабочей молодежи среднее образование и воспитать у нее действенный характер мышления, умение использовать полученные в школе знания на практике, в производительном труде. В связи с введением политехнического обучения особое внимание было уделено нами работе технических кружков. Усилению деятельности технических кружков способствовало следующее обстоятельство.

Школа рабочей молодежи всегда испытывала недостаток в электроэнергии. Это отрицательно влияло на ее работу. Преподаватель физики Голубятникова сумела создать актив учащихся, интересующихся техникой. Кто-то из кружковцев

---

[1] Н. К. Крупская. О преподавании в средних школах взрослых. Учпедгиз, 1939, стр. 31.

подал мысль: использовать сданный в утильсырье сработанный двигатель внутреннего сгорания, отремонтировать его своими силами и построить школьную электростанцию. Некоторые отнеслись с недоверием к этому предложению. Однако нашлись энтузиасты, которые горячо взялись за дело. Силами учащихся был организован сбор металлолома. Собрали полтонны и сдали на базу утильсырья, получив взамен сработанный двигатель внутреннего сгорания. Мото-электротехнический кружок поставил конкретную задачу—изучить двигатель внутреннего сгорания, восстановить его, что и было сделано. Затем была изучена динамомашина, ее монтаж и возможность использования электроосвещения. Помощь кружковцам оказывали учащиеся, которые работали в електроцехе ремонтных мастерских. Работа кружка при активном участии всего школьного коллектива закончилась успешным строительством своей электростанции, электрификацией школы. Работы по строительству электростанции вели сами учащиеся. Некоторые из них получили на этом строительстве и трудовой опыт Так, Николай Капустяк пришел в школу, не имея никакой специальности, работал разнорабочим. За три года учебы в школе рабочей молодежи он, кроме среднего образования, участвуя в мото-электротехническом кружке, приобрел теоретические знания и практические навыки по электротехнике. Окончив школу, Капустяк пошел работать на одно из производств и вскоре стал электриком, сознательно избрав для себя эту профессию. До сих пор он поддерживает связь со школой, помогает в работе кабинета физики. Таким образом, внеклассная работа в школе, с последующей организацией технических кружков помогла нам успешно решать вопросы политехнизации обучения, всестороннего развития рабочей молодежи в школах.

Широко развернулась работа радиокружка, особенно с пуском в действие школьной электростанции.

Сначала кружок посещали только учащиеся 16—18 лет. Они изготовили действующую схему радиоприемника, потом смастерили радиоприемник. После пуска электростанции появилась мысль построить школьный радиоузел.

Эта идея увлекала многих. В строительстве школьного радиоузла активно участвовали рабочие, не обучающиеся в школе. В течение учебного года школьный радиоузел был создан, пущен в действие, систематически начала выходить школьная радиогазета.

Школа установила тесную связь с предприятиями и колхозами. Выпускник Евгений Милосердов, окончив школу, поступил токарем в мастерские Садгорской МТС. Теперь он работает на сложном станке ДІП-200. Среднее образование помогает ему хорошо разобраться в технических чертежах, быстро и хорошо освоить станок. Серьезно относясь к работе,

умело используя технику, систематически работая над собой, Милосердов выполняет план на 100—120%, его месячный заработок составляет 900—1000 рублей в месяц. Вместе с товарищами по работе Евгений Милосердов изготовил эскиз втулки колеса тракторной сеялки. Этот рационализаторский прием позволил реставрировать сработанные колеса тракторной сеялки, продлить время их работы, уменьшить затраты на приобретение новых.

Сейчас Милосердов учится на заочном отделении в индустриальном техникуме. Сменщик Милосердова, работающий на том же станке, тов. Заборонюк окончил пять классов и двухгодичную школу механизации. Отсутствие достаточных общих и технических знаний не позволяет ему разбираться в технической документации. Заборонюку не могут поручить сложные работы. Заработная плата его намного ниже, чем у Милосердова.

Окончание учебного года в Садгорской средней школе рабочей молодежи — это праздник, который школа стремится отметить совместно с общественностью. Один из таких праздников был организован в помещении клуба колхоза имени Советской Армии в с. Слободка, которое примыкает к Садгоре. На вечере выпускникам школы—жителям этого колхоза—были вручены документы об образовании, которое они получили без отрыва от производства. Это способствовало тому, что колхозники наглядно убедились, какие возможности раскрывает Советская власть перед тружениками Буковины.

Интересным на этом празднике было выступление пожилой колхозницы Дячук: «Мой сын обучался в вечерней школе на протяжении трех лет, одновременно с этими товарищами, которые сегодня получили документы об окончании средней школы. Теперь он служит в Советской Армии. Пишет, что, как только вернется из армии, снова пойдет в школу, чтобы все-таки получить среднее образование. Теперь мне стало понятнее, почему его так тянет в школу, и как верна его мысль». Действительно, сын тов. Дячук после демобилизации снова пришел в школу.

Школа часто устраивала вечера отдыха на производстве или в колхозе своих учеников, чтобы привлечь в школу молодежь, не охваченную учебой.

Например, такой вечер молодежи был организован в клубе колхоза им. Богдана Хмельницкого. На вечер пришли учащиеся со своей самодеятельностью, явились и выпускники, члены этого колхоза, колхозники, молодежь. После вступительного слова директора о перспективах работы школы в предстоящем году, о правилах приема и т. п. начались выступления гостей. Особенно ярким и впечатляющим было выступление Ольги Червенюк. Вот что рассказывала она о своей учебе в школе рабочей молодежи: «Самые большие трудности в

учебе я испытывала весной, когда нужно было как можно скорее прошаровать и прорвать бураки. То же было и в период уборки, но каждую свободную минуту, во время отдыха на работе не забывала читать учебник, который всегда был при мне, а поэтому от товарищей не отставала. Во время учебы в школе и работы в колхозе у меня все больше и больше рос интерес к технике. Мне захотелось стать механизатором. Поэтому по окончании школы я подала заявление в техникум механизации сельского хозяйства. Теперь мы с подругой ожидаем того дня, когда вернемся в родной колхоз электротехниками».

Такие вечера играли большую роль в пропаганде задач и работы школы, поднимали ее авторитет в глазах общественности.

Нет необходимости писать о том, что широко развернутая внеклассная работа повысила интерес учащихся к учебе, отсутствие учеников на занятиях стало редким явлением. Набор учащихся в школу перестал быть проблемой.

Работа педколлектива Садгорской школы с семьями учащихся — это отдельная и очень интересная тема. Авторитет школы в глазах семьи — важный фактор, способствующий успеху в ее работе. В этом нас убедила сама жизнь. Семья может оказать школе неоценимую помощь в создании благоприятных условий для учебы. У нас был такой случай. Как-то в религиозный праздник ученик 10-го класса Ситкевич не явился в школу. Он считался активистом, серьезно относился к учебе. На собрании решили обсудить вопрос: почему ученик Ситкевич пропустил занятия. Он не таясь, правдиво изложил дело так: «Я не ищу себе оправдания, провинился: во время праздника не пришел в школу. Но я был поставлен перед выбором: не пойти в школу только в тот день или вообще бросить школу. Дело в том, что меня вместе с женой пригласили в гости к ее родителям, которые живут в соседнем селе. Жена категорически потребовала, чтобы я хотя бы один раз пошел вместе с ней. Ведь она все время одна. Вечерами я занят в школе или готовлю уроки. Выходного дня я тоже не имею, бываю в школе. Чтобы избежать семейных осложнений, я вынужден был пропустить занятия». Ему был задан вопрос: приглашал ли он свою жену на новогодний праздник в школу, на вечера отдыха и т. д., которые проводит школа для учащихся? Он ответил, что иногда приглашал, но так как всегда принимал участие в их подготовке, то приходил один. Разговор с учащимися показал, что такие случаи в школе — не исключение.

Коллектив школы пришел к выводу, что следует привлекать членов семьи к участию в школьной жизни, поддерживать связь с семьей. После этого члены семьи учащихся приглашались на все школьные праздники, вечера. Участвовали они

и в работе кружков самодеятельности. Работу эту проводили члены ученического комитета. Тов. Ситкевич успешно окончил школу. Годом позже поступила в 8-й класс его жена. Таких примеров мы знаем много.

Внеклассная работа с учащимися постепенно стала приобретать у нас характер широкой общественно полезной деятельности. Для коллектива учащихся это явилось новым стимулом. Постройка электростанции, радиоузла, пополнение школьных кабинетов оборудованием, постройка здания для собственной электростанции, выступления перед общественностью с концертами и пуск в ход второго двигателя внутреннего сгорания, подаренного потом животноводческой ферме колхоза для механизации трудоемких процессов, и другие виды общественной деятельности способствовали моральной закалке учащихся, укреплению школьного коллектива, подъему ее авторитета в глазах общественности, молодежи.

Самые сложные вопросы учебы и воспитания в школе стали решаться естественно, просто.

Возьмем такой вопрос, как отношения между учащимися старшего и младшего возраста в одном и том же классе. В жизни школ рабочей молодежи — это один из сложных вопросов, который при неумелом подходе к его решению часто заканчивается тем, что тот или иной ученик оставляет учебу.

В Садгорской школе в результате широко развернутой внеклассной работы, в результате вовлечения учащихся в общественно полезную работу, подчиненную учебно-воспитательным задачам, создались весьма благоприятные условия для выработки правильных взаимоотношений между учащимися, в частности между учащимися младшими и старшими по возрасту.

Алексей Кобеляцкий учился в 7-ом классе. Это энергичный и уважаемый на производстве человек, работающий начальником цеха. Среди семиклассников Кобеляцкий был самым старшим по возрасту. Успехами в учебе он не отличался, особенно по языку и математике. В этом же классе обучался 17-летний слесарь Иван Ткачук, его подчиненный. Ткачук учился хорошо. Ему нравилось, когда его старший товарищ по классу, начальник по работе, иногда стоял беспомощно у доски, не умея правильно сформулировать какое-либо грамматическое правило или вывести уравнение. Ткачук разрешал себе иронические реплики, смех по этому поводу. Своим товарищам на работе рассказывал о том, какой вид имел их начальник у классной доски.

Педколлектив решил как-то поднять авторитет таких учащихся, как Кобеляцкий, в глазах их молодых товарищей. Вовлечение учащихся во внеклассную и общественно полезную работу подсказало нам путь к решению этой задачи. Учитывая, что Кобеляцкий был квалифицированным мотористом, ему по-

ручили возглавить группу учащихся, которая занималась ремонтом двигателя внутреннего сгорания. Выполняя это задание, учащиеся имели возможность увидеть Кобеляцкого в работе, оценить его опыт, способности, высокую квалификацию, настойчивость. Товарищи по классу убедились, что им можно очень многому поучиться у Кобеляцкого. После этого лучшие из них пожелали помочь тов. Кобеляцкому в учебе. Ткачуку уже пришлось отказаться от своих насмешек.

Каждый советский человек в чем-либо одарен, оптимистически утверждал А. С. Макаренко. А поэтому задача воспитателей состоит в том, чтобы воспитывать уважение к человеку, помочь каждому раскрыть свои творческие способности.

Педколлектив нашей школы, опираясь на педагогический опыт А. С. Макаренко, развернув внеклассную и общественно полезную работу учащихся, сумел успешно решить сложные вопросы организации педагогического процесса в условиях работы школы рабочей молодежи.

П. А. Котко

В ШКОЛЕ ИМЕНИ А. С. МАКАРЕНКО

Борьба коллектива средней школы № 50 г. Львова за присвоение ей имени выдающегося советского педагога, талантливого писателя А. С. Макаренко увенчалась успехом: решением исполкома Львовского городского Совета депутатов трудящихся школе присвоено имя А. С. Макаренко.

...Это было совсем недавно. 50-я средняя школа-новостройка открылась осенью 1952 г. В школу были собраны ученики из 25 школ. Учителя тоже пришли из 10 разных школ, а некоторые — после большого перерыва в работе.

Новая школа вскоре стала «знаменитой», ее называли всякий раз, когда речь шла о плохой дисциплине или низкой успеваемости учащихся. В течение длительного времени положение не улучшалось, необходимо было укрепить руководство школы, хотя и директор, и завуч были неплохими педагогами. Педколлектив школы воспринял эту меру как серьезное предупреждение всем педагогам о необходимости решительного улучшения учебно-воспитательной работы. Поэтому предложение нового руководства школы о творческом использовании педагогического наследия А. С. Макаренко было воспринято всеми учителями школы с большим энтузиазмом.

Было решено в основу работы всего коллектива школы положить педагогический опыт А. С. Макаренко, основные принципы его воспитательной системы. Предполагалось, конечно, не механическое, а творческое использование педагогического опыта А. С. Макаренко. Прежде всего необходимо было путем глубокой индивидуальной работы учителей и проведения теоретических конференций изучить педагогическое наследие А. С. Макаренко.

Вскоре у педагогов возникла мысль — в качестве отдаленной перспективы как средства дальнейшего сплочения школьного коллектива, повышения дисциплины и успеваемости учащихся развернуть борьбу за присвоение школе имени А. С. Макаренко.

Предложение бороться за присвоение школе имени А. С. Макаренко учащиеся восприняли с большим энтузиаз-

мом. Огромную поддержку и моральную помощь педколлективу школы в борьбе за осуществление этой перспективы оказала Г. С. Макаренко своим теплым, дружеским письмом и материалами для выставки «А. С. Макаренко педагог и писатель», организацией которой занялся коллектив школы.

Когда вышел на экраны кинофильм «Педагогическая поэма», в школе не было ни одного учащегося, который бы не посмотрел его. У многих учащихся появилось желание узнать о судьбе героев «Педагогической поэмы», установить связи с людьми, которые знали А. С. Макаренко, работали с ним, воспитывались под его руководством.

Так возникла переписка учащихся школы с бывшими сотрудниками и воспитанниками А. С. Макаренко. Эта переписка стала одним из методов укрепления и воспитания общешкольного ученического коллектива. Учащиеся сумели установить переписку с В. Н. Терским, которого с такой теплотой и любовью описывает А. С. Макаренко в «Педагогической поэме», с Е. Ф. Григорович — первой скромной труженицей колонии им. Горького и первой помощницей А. С. Макаренко в организации этого учреждения, с Е. Е. Кисловой, которая знала А. С. Макаренко более 20 лет и некоторое время с ним работала, с воспитанником А. С. Макаренко — А. С. Сватко, ныне редактором районной газеты в г. Брацлаве, с дважды Героем Советского Союза генерал-лейтенантом П. И. Шурухиным.

Особенной теплотой и сердечностью дышат письма В. Н. Терского, Е. Ф. Григорович и др. Тексты некоторых писем мы приводим полностью, так как их содержание представляет интерес и для широкой общественности.

В. Н. Терский в своем письме писал:

«Дорогие юные друзья! От души рад вашим успехам и желаю вам их умножать. Вы просите меня написать несколько слов об Антоне Семеновиче Макаренко С удовольствием исполняю вашу просьбу.

Антон Семенович очень любил детей, особенно тех, которые имели достаточно воли для того, чтобы хорошо, с честью выполнять любую порученную им работу — как интересную, так и неинтересную, неприятную, тяжелую. Он считал достойными воспитанниками тех, которые понимали значение двух слов: **надо** и **нельзя** и могли выполнять требования, заложенные в этих словах. Он считал недостойными и слабенькими тех, кто слишком часто говорил хочу, был недоволен всем и всеми, хныкал и «пищал», как он любил говорить.

Он любил в людях простоту, искренность и ненавидел хитренькую, своекорыстную расчетливость, уважал смелость, отвагу, презирал трусов, которые стремятся отлеживаться «в ущельях», как уж в горьковской «Песне о Соколе»

Антон Семенович призывал ребят быть искренними и с честью выполнять заветы Ленина

Много хорошего сделал Антон Семенович для детей. Особенно большое значение он придавал учебе. И потому всякий, кто вспоминает светлое его имя, по-моему, тут же должен дать себе слово хорошо учиться.

Отвечайте мне, когда сдадите экзамены, и напишите точно кто сдал все экзамены на пятерки. У меня тоже есть музей, и мне тоже надо эго

для музея. Я знаю, что сдать все экзамены на «5» трудно, но вот и как раз и интересуюсь теми, кто может преодолевать большие трудности.

И еще меня интересуют юные художники и художницы, поэты, и поэтессы, юные композиторы, певцы и певицы. Напишите, кто из вас увлекается искусством, поет, танцует или пишет музыку.

И еще напишите: кто из мальчиков вашего класса может пробежать 100 метров за 13 секунд, а из девочек — за 14 секунд Если не пробовали, попробуйте обязательно, хотя вам по комплексу БГТО положено бегать 60 метров, но вы попробуйте на 100, — вреда не будет.

В. Терский

21. V 1956 г. Знаменск».

Уже сам факт переписки имел большое воспитательное значение и для общешкольного и для первичного коллектива, а также и для каждого отдельного учащегося школы. Письма воспитанников А. С. Макаренко зачитываются на линейках в школе, а право отвечать предоставляется классу, который чем-то отличился: хорошей успеваемостью, активным участием в общественно полезной работе, в художественной самодеятельности, занял первое место по санитарному состоянию в школе и т. п. Само содержание писем дает ценный материал для воспитательной работы в коллективе учащихся школы, так как требует от учащихся своеобразного ответа. Не менее интересны в познавательном отношении письма Елизаветы Федоровны Григорович. Вот одно из них.

«Дорогие ребята!. Как видите, я тоже отвечаю Вам с некоторым опозданием. Извините, но в последнее время я столько получаю писем, что трудно быть исправной в ответах. Пишут ребята-горьковцы, пишут сослуживцы, а то и совсем незнакомые мне люди После просмотра кинокартины «Педагогическая поэма» шлют письма, не зная моего адреса, в адрес музея, а музей пересылает их мне.

Вы просите рассказать о работе Антона Семеновича и о моей в колонии. Трудно это. И знаете почему? Вы не знаете тех условий жизни, когда надо было изживать беспризорщину. Гражданская война. Банды, сменяющие одна другую В стране во всем недостаток И вот тут приводи в порядок обездоленных детей. Самые трудные годы — это первые два года в колонии и так называемое «завоевание Куряжа». Вы, конечно, видели кинокартину «Педагогическая поэма». Там все довольно просто, и дети скоро становятся хорошими. На деле же было куда больше трудностей. Работать пришлось много, упорно. Скоро не расскажешь. Скажу одно: первые два года работали мы с раннего утра и до позднего вечера без выходных дней и без отпуска. А Антон Семенович вообще сколько был в колонии, не имел ни выходных, ни отпусков В первые годы хуже всего было, что Антон Семенович очень часто должен был отлучаться в город. Уезжал он часов в 8 утра и возвращался поздно вечером. Так 3—4 дня в неделю. Если бы он не ездил в город, мы были бы без продуктов и без одежды, керосина, т. е. без ничего.

И все это ему доставалось с большими трудностями. Одет был плохо: солдатская шинель и драные сапоги. В зимнее время он возвращался буквально синим от холода и голода. Ребята его отогревали на кухне и кормили горячим супом. Однако его день на этом не кончался. Часов до 12, а то и до часу он занимался в канцелярии. А сколько решалось неполадок с ребятами, сколько неприятностей, недоразумений. И удивительно, бодрость никогда не покидала его, и никогда он не жаловался на усталость.

Вечером надо было рассказать Антону Семеновичу, что произошло за день. Бывало не хочется его тревожить, мол, если что, то сами уладим.

Ну и не говоришь. Зато потом получишь хорошую нахлобучку. Все он должен был знать о каждом колонисте, и о хороших и плохих поступках. А сколько приходилось переживать тяжелых случаев. То произойдет кража, то драка. Все это камнем ложилось на душу. И все же с каждым годом становилось все лучше и лучше, а значит, и работать было легче.

Так вы хотите быть, как лучшие горьковцы? Что ж, если по-настоящему хотите, то и добьетесь. Крепко жму руку и от души желаю перейти в 10-й класс с наилучшими оценками.»

Естественно, что такие письма оказывали исключительно благотворное влияние на школьников, вся эта, надо сказать, обширная переписка превратилась в могучий источник воспитания школьного коллектива.

Учащиеся всех классов, и особенно старших, в процессе переписки знакомились с многогранной деятельностью А. С. Макаренко, с жизнью воспитанников колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Дзержинского. И, естественно, в повседневный быт школьников успешно внедрялись аккуратность, подтянутость, деловитость. Педагогический коллектив школы много внимания уделял организации дежурства в классах, направляя его на укрепление порядка и дисциплины среди учащихся. Прочно вошла в жизнь школы ежедневная линейка дежурного класса, посвященная итогам прошедшего учебного дня. Учрежден переходящий вымпел «За отличное санитарное состояние класса», который ежедневно передается лучшему классу. Санитарная дружина школы уже несколько лет подряд держит первенство в городе по всем показателям школьной санитарии и гигиены.

Много и вдумчиво работает коллектив школы над внедрением и творческим обогащением школьных традиций: охрана и вынос школьного знамени, первый и последний звонок, школьный праздник «За честь школы», «Книга почета», «Книга почета за спортивную честь», ежегодные смотры самодеятельности и спорта — все это органически вошло в жизнь школьного коллектива, способствовало его укреплению и воспитанию.

Особое внимание в школе уделяется трудовому воспитанию, осуществляемому различными путями. Наиболее эффективной формой трудового обучения и воспитания, конечно, является производственное обучение, проводимое школой в течение трех последних лет. В 1957—58 учебном году школа дала первый выпуск своих питомцев, проходивших производственное обучение на автобусном заводе. Все выпускники успешно овладели основами наук и наряду с этим приобрели прочные навыки по холодной обработке металла. Квалификационная комиссия присвоила 4 учащимся пятый разряд, 16 — четвертый и 8 — третий.

Многие классы перешли на самообслуживание, свои комнаты они содержат в чистоте без помощи технических работников. Коллектив учащихся своими силами благоустроил

школьный двор. Над этим пришлось много потрудиться всем. Надо было собрать и вывезти битый кирпич и камни, сделать клумбы, посадить декоративные деревья, кусты, цветы, проложить дорожки и т. д. Это было серьезной проверкой организованности и сплоченности школьного коллектива, которую, надо сказать, он с честью выдержал.

Ценным в работе педагогического коллектива 50-й школы является широкое использование педагогического опыта А. С. Макаренко во внеклассной работе, в частности — в организации работы ученических кружков (литературного, исторического, физического, драматического и др.), которыми охвачено до 70% учащихся.

Педагогический опыт А. С. Макаренко широко используется в работе пионерской организации школы. Идейная целенаправленность, воспитательное значение определяет то или иное мероприятие, проводимое пионерской организацией школы. При этом серьезное внимание здесь уделяется пионерской романтике, используются разнообразные игры, организуется увлекательный общественно полезный труд пионеров. Здесь делают все для того, чтобы работа звеньев, отрядов и дружины в целом была содержательной, живой и интересной.

Творческие усилия педагогического коллектива 50-й школы способствовали коренному улучшению всего учебно-воспитательного процесса. Об этом прежде всего свидетельствует успеваемость. Если в первые два года не успевала почти шестая часть учащихся, то в последние два года не успевает лишь 4,6 процента учащихся. Значительно улучшилось качество знаний школьников, повысилась дисциплина.

Достижения коллектива 50-й школы бесспорны, об этом свидетельствует и присвоение ей имени А. С. Макаренко. Но это отнюдь не означает, что здесь уже сделано все, что педагогический и ученический коллективы исчерпали все свои возможности для дальнейшего улучшения учебно-воспитательной работы. Сделаны лишь первые серьезные шаги, педагогический коллектив это отчетливо себе представляет и поэтому, находясь на подъеме, стремится двигаться вперед. И в этом залог его дальнейших успехов.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ. ВОСПОМИНАНИЯ

Г. А. Алексеевич

К БИОГРАФИИ А. С. МАКАРЕНКО

Подлинно научная биография выдающегося советского педагога А. С. Макаренко еще ожидает своего автора. Собирание материалов к будущей биографии — это задача каждого из тех, кто имеет то или иное отношение к советской педагогической науке.

В первые годы советской власти педагогическая деятельность А. С. Макаренко протекала сначала в очень сложных условиях гражданской войны на Украине, а потом в условиях хозяйственной разрухи и ожесточенной классовой борьбы, перенесенной с фронта на любой участок жизни новой, советской государственной системы. Особенно ожесточенно развернулась эта борьба вокруг вопросов воспитания. Реакция делала теперь ставку на постепенное перерождение советского общества в капиталистическое.

Пришлось выдержать А. С. Макаренко и трудные условия хозяйственной разрухи и сопротивление идейных противников. Как известно, он сумел выйти победителем из этой весьма сложной ситуации, стал общепризнанным авторитетом в области коммунистического воспитания.

Нам хотелось остановить внимание читателя на еще неизвестных или забытых эпизодах из деятельности А. С. Макаренко.

Некоторые из приводимых нами ниже фактов свидетельствуют, что те трудности, с которыми приходилось встречаться А. С. Макаренко, своим происхождением имеют не только неумение отдельных людей работать в новой государственной машине, но обязаны своим происхождением действительно упорному сопротивлению сил реакции начинаниям новой государственной власти.

Для самого А. Макаренко не всегда была ясна природа трудностей, с которыми ему приходилось встречаться, но своих идейных противников он всегда видел ясно.

Обратимся к фактам. 30 декабря 1922 г. Макаренко писал областному инспектору Алматову: «Больше всего нам приходилось бороться с Губнаробразом. Когда я буду

стариком, я с ужасом буду вспоминать это кошмарное учреждение...

Усилия Губнаробраза всегда были направлены к тому, чтобы условия работы воспитателей[1] сделать еще более тяжелыми. Так, исключительно по отношению к колонии применяется какой-то самодельный закон, по которому в зависимости от стажа уменьшается не только номер разряда, но и число ставок»[2]. В другом месте читаем: «...нам не на что купить керосина для освещения десятка помещений, и в Губнаробразе нам говорят: «собак ловите, да жир топите». Нам не дали ни одного пуда дров и прямо советуют красть их в лесу. А когда в том же лесу наши полубосые хлопцы нарубили 30 полусаженок и оставалось только заплатить за них какие-то гроши, нам отказали даже в этих грошах, и полусаженки переходят в руки спекулянтов... Я обязательно попаду на скамью подсудимых за ликвидацию какого-нибудь облома стены. А тем временем так называемые «хозяйственные» органы даже без нашего ведома продают отремонтированные нами постройки на слом тем же самым крестьянам, какие в свое время эти постройки разрушали»[3].

Сохранилось обращение А. С. Макаренко в Окружной Исполнительный Комитет, датированное 20 сентября 1921 г., из которого мы узнаем, что в первый же год существования колонии пришлось вносить арендную плату за предоставленную ей землю. Плата превышала существовавший в то время единый государственный налог[4].

Подобных фактов можно привести немало. Но и приведенные заставляют задуматься над настоящими причинами, вызвавшими к колонии, которую возглавлял А. С. Макаренко, такое отношение.

А. С. Макаренко своей поистине подвижнической деятельностью завоевал популярность на Украине уже с середины первого пятилетия его работы в колонии им. М. Горького. Положительные результаты применения его методов были настолько очевидны, что колония была признана образцовой и в 1923 г. перешла в ведение Наркомпроса УССР. В августе 1925 г. колония им. Горького праздновала свое пятилетие. А. С. Макаренко в письме от 8 сентября 1925 г. писал Горькому об этом празднике: «Нас чествовали как следует. Были гости из Харькова. Восемь сотрудников, работающих в колонии с самого начала, Полтавский окрисполком наделил подарками. Наркомпрос мне дал звание «красного героя труда», а Полтава командирует меня в «научную» ко-

---

[1] Речь идет о воспитателях колонии им. Горького под г. Полтавой.

[2] ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 50—51. ЦГАЛИ — Центр. гос. архив литературы и искусства.

[3] Там же.

[4] Полтавский областной архив, ф. 363, д. 90, л. 25

мандировку в Москву и Ленинград на два месяца...» Неоспоримые достижения колонии и ее педагогического коллектива были официально признаны, а сам Макаренко получил почетное звание героя труда.

Макаренко поручают ответственные выступления по вопросам воспитания. Так, например, в 1926 г. ему было поручено подготовить доклад для Всеукраинской конференции детских городков. Резолюция, принятая по докладу А. С. Макаренко, убеждает нас, что доклад был одобрен и практические предложения Макаренко были приняты.[1]

Приводим краткие выдержки из резолюции. Они показывают, какие именно положения Макаренко были признаны.

Пункт 1 резолюции отражает согласие конференции с утверждением А. С. Макаренко о роли точного режима в воспитании. Этот пункт гласит:

«Признать целесообразным и необходимым в хозяйственном труде и жизни детских коллективов применять абсолютно точные, до минуты регламентированные, без каких-то ни было исключений, рамки и план ежедневной практики... Нарушения сетки не должны допускаться».

В пункте 3 резолюции говорится о формах организации коллектива, очевидно, предложенных докладчиком. Идея ответственности воспитанника перед коллективом также была поддержана аудиторией: «Необходимо, чтобы группа детей, которым даются трудовые задания, непременно переживала ответственность за успех и порядок в выполнении задания; ответственность особенно должна лежать на одном из детей, временно исполняющем обязанности старосты группы. Эта ответственность выражается в отчете за день, который староста делает заведующему или общему собранию».

Очевидно, участники конференции сочли эти положения не просто практически полезными для отдельных случаев, но имеющими общее значение и верными принципиально. Об этом свидетельствуют заключительные слова резолюции: «Эти положения одинаково касаются как учреждений нормального детства, так и трудного» (перевод с украинского наш.— *Г. А.*).

Практические работники в резолюции присоединились к мнению Макаренко о том, что беспризорные должны воспитываться такими же методами, как и все дети. Об этом говорят заключительные слова резолюции.

Из упомянутых выше тезисов, составленных А. С. Макаренко для Всеукраинской конференции, видно, что он уже в то

---

[1] Тезисы доклада и резолюция по докладу долгое время хранились у одного из организаторов конференции, а в 1949 г. были переданы в архив АПН. Тезисы опубликованы в 7 томе «Сочинений А. С. Макаренко», изд. АПН, стр. 431. Резолюция находится в Архиве по народному образованию АПН (ф. 18, оп. 1, ед. хр. 192).

время был принципиальным противником «свободного воспитания», при котором процесс формирования личности воспитанника пускался на самотек, руководящая роль педагога отрицалась, а иногда рассматривалась как тормоз для развития личности.

Можно полагать, что это выступление послужило поворотным пунктом в отношениях А. С. Макаренко с представителями так называемой «небесной педагогики».

Сторонники буржуазной педагогики и классовые враги довольно скоро увидели в Макаренко своего идейного и притом сильного противника. Об этом свидетельствует одно из первых упоминаний о Макаренко в печати, которое мы находим в журнале «Шлях освіти»[1]. В февральской книжке этого журнала за 1926 г. в статье «Конференция работников учреждений социального воспитания закрытого типа в г. Полтаве» упоминается о выступлении Антона Семеновича с докладом. На конференции обсуждались вопросы дисциплины и организации внутренней жизни учреждений. «Общий тон в этой работе был дан представителем трудовой колонии им. Горького», — пишет автор. Имя представителя колонии не названо. Но речь идет несомненно об А. С. Макаренко и о конференции, где он выступал с докладом. Это видно из всего содержания статьи, в которой автор стремится фактически изложить основные положения доклада А. С. Макаренко. «Он в основу жизни колонистов кладет труд, который составляет не только основное содержание, но и основной организующий фактор этой жизни», — читаем мы. «Отсюда вытекает система самоуправления, построенная на трудовом принципе, разделение детей на отряды, суровая трудовая дисциплина и т. д.».

Ниже сообщается о том, что в колонии существует «почетное наказание» — стоять под винтовкой». Этот небольшой штрих позволяет нам с уверенностью сказать, что речь идет о Макаренко: «стоять под винтовкой»—один из применявшихся им приемов.

Далее мы узнаем, что докладчик внес предложение: поручить комиссии из компетентных лиц составить инструкцию о наказаниях соответственно поступкам, причем не только советует применять его в колониях для несовершеннолетних правонарушителей, но и вообще в учреждениях социального воспитания. В те годы, когда наказания отвергались представителями советской педагогической науки, когда ими настойчиво и уверенно провозглашалось «наказание воспитывает раба», подобное предложение мог внести человек, обладающий незаурядной смелостью и самостоятельностью педагогического мышления. Предположение о том, что докладчиком был именно А. С. Макаренко, подтверждается и следующим сообщением

---

[1] Орган Наркомпроса УССР. Статья подписана инициалами «Г. В.».

автора статьи: «...докладчик начал свой доклад тем, что отбросил всякое значение для педагогической работы педагогической литературы...[1] он совсем не признает педагогики и вместе с тем, по его словам, читает много педагогических книжек, что позволяет ему держаться на уровне современной педагогической мысли».

Оставляя на совести автора возможную неточность пересказа речи докладчика, мы все же видим, что это сообщение вполне согласуется с тем, что сам Макаренко пишет в «Педагогической поэме».

Автор цитируемой статьи невольно раскрывает причину скептического отношения Макаренко ко многим материалам, появлявшимся в педагогической печати в те годы. Так, мы узнаем, что уже тогда А. С. Макаренко был противником абстрагированных от жизни и от конкретных обстоятельств кабинетных построений.

Мы видим, что в эти годы А. С. Макаренко задумывался над вопросами создания «педагогической техники», — методики коммунистического воспитания и, сделав некоторые определенные выводы об ее содержании, счел необходимым обратиться с ними к аудитории, состоящей из педагогов-практиков.

Автор статьи не выразил ясно своего отношения к выступлению Макаренко, даже не упомянул его имени, но признает практические достижения Антона Семеновича, признает, что многое в жизни колонии «не противоречит, а, наоборот, полностью совпадает с теоретическими взглядами советской педагогики» (самоуправление, разделение воспитанников на отряды и даже суровая рабочая дисциплина). Но когда «докладчик» (Макаренко) переходит к практическим предложениям о введении наказаний в систему воспитания, когда Макаренко заговорил о практической беспомощности педагогики и предложил от слов перейти к делу, автором заметки начинают овладевать сомнения. Он даже пытается неумело «защищать» Макаренко от него самого, заявляя: «Он (Макаренко. — *Г. А.*) объявляет себя врагом самодисциплины и самоуправления, а фактически на них, главным образом, строит всю жизнь колонии» и т. д.

Этим самым автор статьи обнаруживает непонимание новаторских мыслей Макаренко Однако попытка объективно оценить опыт работы Макаренко — налицо. Так почему же не названо имя Антона Семеновича?

В начале 1926 г. первые тучи уже появились на горизонте. Открытого гонения на Макаренко еще не было, но он после

---

[1] В том смысле, что в старой литературе советский педагог не найдет ответа на поставленный жизнью вопрос «как нового человека по новому делать». (Редакц. коллегия).

выступления на Всеукраинской конференции «ставится под сомнение». Правда, колония все еще продолжает считаться образцовой. Но в заметке уже определенно звучит тревога. «...Тревожные мысли вызывает отношение участников конференции к парадоксам докладчика. Значительная часть отнеслась к ним с полным сочувствием», — пишет автор.

Высказывания Макаренко еще не объявляют «не советскими», но их именуют «парадоксами». «Симптомом неблагополучия является сочувствие участников конференции к мысли о наказаниях в учреждениях социального воспитания», и «не только симптомом неблагополучия, но и симптомом реакции». «Симптомом реакции» автор статьи считает отношение участников конференции к мыслям А. С. Макаренко. Но отсюда один шаг к нападению на самого Макаренко.

Педагогические идеи А. С. Макаренко, выработанные долголетним творческим опытом, настолько не соответствовали привычному мышлению теоретиков, так нарушали стереотип их мышления, что принять эти идеи им было трудно. И, естественно, люди, непосредственно работавшие над воспитанием молодого поколения, оказались более восприимчивыми к идеям А. С. Макаренко и с самого начала правильно оценили их значение.

Вокруг Макаренко постепенно сгущались тучи. С Украины они проникли в Москву. Зимой 1927 г. в Москве состоялся съезд работников детских домов. На съезде система Макаренко с трибуны была объявлена «палочной», возглавляемую им колонию назвали «аракчеевской казармой». А. С. Макаренко писал жене из Москвы: «На моем корабле сильно качает. Я уже не полковник, а Аракчеев».[1]

В марте 1928 г. в Научно-исследовательском институте педагогики Наркомпроса УССР был заслушан доклад Макаренко «Основные положения организации воспитания в коммуне им. Дзержинского». Ученое собрание отвергло систему А. С. Макаренко. Об этом пишет Макаренко в «Педагогической поэме».

«Постановление синедрион вынес единодушное: «Предложенная система воспитания есть система несоветская».[2]

В одном из выступлений в 1937 г. Макаренко назвал это совещание — «последний бой с представителями педологической теории».

Наркомпрос Украины хранил молчание.

Иное к себе отношение встретил А. Макаренко со стороны советской общественности.

Широко известна оценка, данная деятельности А. С. Макаренко Горьким в одном из писем:

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 90, л. 5.
[2] А. С. Макаренко. Соч., изд. АПН РСФСР, т. 5, стр. 342.

«Двенадцать лет трудитесь вы, и результатам нет цены... Огромнейшего значения и замечательно удачный педагогический эксперимент ваш имеет мировое значение на мой взгляд»[1], — писал Горький.

В 1933 г. была опубликована первая часть «Педагогической поэмы». «Поэма» сразу привлекла внимание читателей. С тех пор она выдержала десятки изданий на многих языках, и все же многочисленные тиражи не могут еще удовлетворить потребности в этой замечательной книге. Именно в ней читатели, особенно педагоги, нашли ответ на многие волновавшие их вопросы.

В адрес писателя поступают сотни писем. Среди его корреспондентов больше всего педагогов, но есть люди и других, самых разнообразных профессий, возраста и культурного уровня.

Читатели делились с Макаренко своими мыслями, опытом, искали ответа на интересующие их вопросы, их письма являлись живым источником, питавшим мысль Макаренко — педагога. Писатель и читатель взаимно обогащали друг друга.

Многие корреспонденты Макаренко пишут о том, что «Педагогическая поэма» разрешила педагогические сомнения учителя, показала новые пути и методы работы.

«Своей книгой он поднимает на голову выше каждого педагога. Книга более, чем хорошая, ценная и полезная больше, чем разные «курсы педагогики». Эту книгу надо не только рекомендовать, но обязать прочесть всех педагогов и готовящихся стать педагогами», — писал учитель Жаровин[2]. Пенсионер Рогуцкий, имеющий за плечами 59 лет учительского стажа пишет: «Книга А. С. Макаренко «Педагогическая поэма», на мой взгляд, должна быть настольной книгой для каждого учителя».

«Педагогическая поэма» учит и убеждает, она вдохновляет на труд, на преодоление препятствий, это очень оптимистическая книга» — заявляют в своих письмах учителя-практики.

«После прочтения чутье педагога становится острее... Работа кажется легкой» (письмо учителя Знаменского).

«Читая это произведение, попутно делаешь пересмотр всей своей деятельности педагогической, и не опускаешь головы при своих ошибках, а хочешь скорее выравняться и сделать по Макаренко» (письмо О. Н. Сокольской).

Авторы писем единодушны в утверждении: Макаренко сумел сделать то, чего не достигли авторы учебников по педагогике. Один из читателей делает следующий знаменательный вывод:

«Я рассматриваю «Педагогическую поэму» как сигнал к

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 1.

[2] Все выдержки взяты из писем, хранящихся в ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 70.

началу большого государственного дела: художественной разработки проблем советского воспитания».[1]

В одном из выступлений А. С. Макаренко указал, что у него не бывало принципиальных расхождений с учителями. Но, как мы видим, этим заявлением далеко не исчерпываются взаимоотношения Макаренко и педагогов: они были гораздо содержательнее.

Ярко и сильно отозвалась советская общественность на замечательные статьи Макаренко: «Проблемы воспитания в советской школе» и «Воспитание характера в школе», опубликованные в «Правде» в 1938 г. После их опубликования в редакцию «Правды» поступило более двух тысяч отзывов. Авторы отзывов в подавляющем большинстве выражают полную солидарность с Макаренко, дают острую критику недостатков в воспитательной работе школы, вносят практические предложения.

Учитель Иванов как бы резюмируя большинство откликов на статьи А. С. Макаренко, пишет:

«Наконец-то нашелся человек, смело сказавший то, что в глубине своего сознания носят тысячи педагогов...

Я и те, кто болеет за нашу школу, кто хочет видеть, не только отличную успеваемость, но и отличную дисциплину, с Вами, товарищ Макаренко»[2].

Произведения А. С. Макаренко, появившиеся в печати при его жизни, были высоко оценены критикой. Особенно много внимания критики уделили «Педагогической поэме».

Руководящие органы народного образования хотя и медленно, но становились на путь признания А. С. Макаренко.

Некоторым показателем этого является участие Макаренко по приглашению органов Наркомпроса в обсуждении педагогических проблем, и нередко—в качестве докладчика. Так, в 1936 г. Макаренко выступал с докладом перед аспирантами и преподавателями ВКИПа (Всесоюзный Коммунистический институт просвещения). В 1937 г. он был приглашен на Всероссийскую научную конференцию по педагогическим наукам

В январе 1938 г. Макаренко предложили прочитать цикл лекций по проблемам воспитания в школе. Лекции слушались широким кругом работников Наркомпроса. В октябре 1938 г. Макаренко выступал с докладом в Научно-исследовательском институте специальных школ и детских домов.

Однако следует прямо сказать, что при жизни Макаренко интерес к нему со стороны Наркомпроса и научных работников еще не соответствовал значению вклада, внесенного А. С. Макаренко в советскую педагогику.

---

[1] ЦГАЛИ, ф 332, оп. 1, ед хр 83, л. 21.
[2] ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 73. л. 38 и 42.

* *
*

Первого апреля 1939 г. А. С. Макаренко скончался. Его смерть больно отозвалась в сердцах многочисленных друзей и единомышленников. Макаренко был дорог всем, кому близки были интересы воспитания молодого поколения.

Письма, которые получала его жена в эти тяжелые дни, дышат теплотой и искренностью, выражают скорбь близких людей об утрате дорогого человека.

Из далекого сибирского совхоза Меркутлы писал учитель И. В. Коровкин: «Услышали это сию минут. Дорог он был, близок нам, как писатель и как человек. Мы все читали (и учили) и «Педагогическую поэму» и «Книгу для родителей». Прощай, наш дорогой товарищ, наш замечательный коллега»[1]. Коровкин просит прислать «хоть какую-нибудь фотокарточку Антона Семеновича». Просит карточку и Е. Логинова: «Не сердитесь. Вы должны понять, что цепляются за все, чтобы удержать в памяти то, что дорого».

Письма к жене Макаренко выражают не только сочувствие. Во многих звучит желание как-то облегчить ее горе, содействовать увековечению памяти А. С. Макаренко и продолжить начатое им дело.

Некоторые бывшие воспитанники Макаренко заботятся о сборе документальных материалов, рисующих благородный облик дорогого учителя. Воспитанник Макаренко—Сватко сообщает о том, что пишет «Записки воспитанника». В адрес жены Макаренко поступают письма — личные воспоминания об Антоне Семеновиче и письма с указаниями лиц, у которых можно получить какие-либо данные о Макаренко.

Уже пятого апреля 1939 г., т. е. на другой день после похорон, Оргкомиссия Союза советских писателей вынесла постановление о создании Комиссии по увековечению памяти А. С. Макаренко. Комиссия провела большую работу по сбору материалов о Макаренко. Вышло новое издание «Педагогической поэмы», в которое была включена часть переписки А. С. Макаренко с Горьким.

17 марта 1940 г. «Правда» опубликовала статью М. Кропачевой—«Неиспользованное наследство», посвященную педагогическому наследству А. С. Макаренко. В статье указывались первоочередные задачи коммунистического воспитания и говорилось о значении его педагогического наследства для выполнения этих задач.

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 93, л. 32 и 41.

И. Убийвовк

А. С. МАКАРЕНКО В КРЮКОВЕ

Если вам приходилось плыть пароходом из Киева в Днепропетровск и любоваться живописными днепровскими берегами, вы, конечно, хорошо помните Кременчуг — известный в истории Украины город.

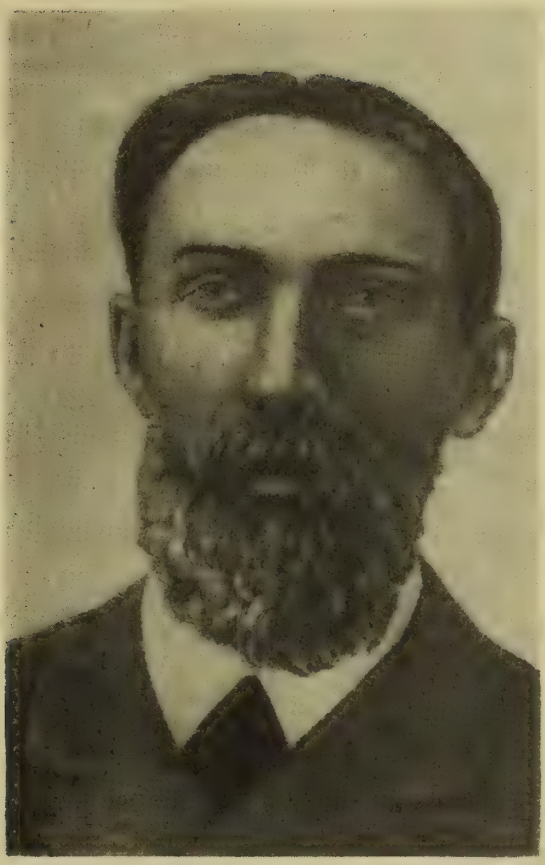
С этим городом связана биография не одного писателя. Дважды в 1843 году в нем побывал Т. Г. Шевченко, через Кременчуг в мае 1822 года проезжал А. С. Пушкин, сосланный на юг Украины. Через него он проезжал еще раз 2 августа 1824 года, возвращаясь из Одессы на Псковщину. В 1878 году в Кременчуг из Миргорода приезжал Давид Гурамишвили и передал через своих соотечественников книгу «Давитиани» в родную Грузию.

Город Кременчуг воспроизведен в романах «Мать» и «Андрей Гармаш» известного украинского писателя Андрея Головко, который здесь рос, учился и принимал участие в революционной борьбе.

Крюков, который является правобережной частью Кременчуга, соединен с ним большим красивым мостом. Теперь Крюков чистый, аккуратный город, утопающий в зелени садов и парков. За последние годы здесь выросли целые кварталы многоэтажных домов, красивое здание школы-интерната, дом физкультурников, замечательный стадион, библиотеки. Гордость крюковчан — вагоностроительный завод — передовое предприятие Полтавской области.

В соответствии с Распоряжением Совета Министров СССР от 28 апреля 1950 года и Постановлением Совета Министров УССР от 27 мая 1950 года в Крюкове 8 июля 1951 года открыт первый в нашей стране мемориальный музей советского педагога-писателя А. С. Макаренко, который жил здесь, учился и начинал свою педагогическую деятельность.

Отец Антона Семеновича, Семен Григорьевич Макаренко, работал в Крюкове маляром железнодорожных мастерских с 1874 по 1881 год, а затем, в связи с закрытием мастерских в Крюкове, переехал вместе с семьей в Белополье, небольшой городок на Сумщине.



Семён Григорьевич Макаренко
(1850—1916)

Белопольские старожилы еще и сейчас хорошо помнят скромненький домик, в котором квартировала дружная, трудолюбивая семья Макаренко. Домик стоял на выгоне, на краю города. Сейчас этого домика нет: его, как и многие другие строения Белополья, уничтожила фашистская авиация в годы Великой Отечественной войны.

Здесь, в Белополье, 1 (13) марта 1888 года в семье Макаренко родился сын «Тоська», как называли в детстве Антона Семеновича.

Раннее детство Антона Семеновича прошло в Белополье. Здесь он учился в двухклассном училище Министерства народного образования.

В январе 1901 года отец Антона Семеновича возвратился в Крюков: он был назначен на должность старшего маляра во вновь открывшиеся в этом городке железнодорожные мастерские.

Летом в Крюков переехала и вся семья Макаренко: жена и трое детей. Антону Семеновичу тогда исполнилось 12 лет.

Семья поселилась на Костроме (так называлась часть Крюкова, расположенная на песках, где жили преимущественно семьи рабочих). «На Костроме не было ни мостовых, ни тротуаров, ни кирпичных домов, воду Кострома добывала из колодцев, освещалась керосином... Даже река проходила в Костроме особым коленом, чтобы не смешивать ее с городом. Она не расстилалась здесь широкой гладью, а почти к самым берегам подбросила несколько зеленых и тенистых островов. Удовольствия на этих островах были бесплатные», — вспоминает Антон Семенович о Костроме в повести «Честь»[1].

Бедно жила и семья Макаренко. Здоровье отца было подорвано тяжелым трудом. Вспоминая об отце, Антон Семенович писал в «Книге для родителей»:

«Он ежедневно, в течение десятков лет, подымался в пять часов утра, по гудку. Через пятнадцать минут он уже шагает вдоль старых заборов песчаной нашей улицы, и в руках у него всегда красный узелок с завтраком. В шесть часов он приходит с завода пыльный и серьезный, и прежде всего выкладывает на табуретку в кухне аккуратно сложенный красный платочек, в котором так давно он носит свой завтрак. Разве могли когда-либо задуматься все... князья и графы, свиты его величества генерал-майоры, их гости и приживалы над тем, сколько стоит простой ситцевый красный платок, как нужно его беречь, как бережно нужно его стряхивать после завтрака и складывать вчетверо, а потом еще пополам!?[2]

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. VI, Изд. АПН РСФСР, М., 1952. стр. 11.
[2] Там же, стр. 27.

Строгий на вид, худой, сгорбленный от непосильного труда, отец Антона Семеновича был честным, неподкупным человеком. Он, как и его жена, не имели возможности получить образования, но хотели видеть образованным своего сына, у которого было большое желание учиться. Несмотря на материальные трудности, они решили отдать «Тоську» в Кременчугское четырехклассное городское училище. Все лето он упорно готовился и блестяще выдержал экзамены. Антон Семенович был зачислен сразу во второй класс.

Отправляя сына в училище, отец со свойственной для него гордостью рабочего и требовательностью сказал: «Ученым будешь, а в паны нечего лезть... Принесешь четверку... лучше не приноси! Пятерки. Понимаешь?»[1]

А. С. Макаренко выполнил наказ своего отца и учился исключительно на пятерки не только в этом училище, но и позже, в Полтавском учительском институте.

В воспоминаниях товарищей Антона Семеновича запечатлен образ будущего основателя колонии им. Горького.

«Антон Семенович приходил в училище всегда чистым, аккуратным, в форменном темно-серого полусукна костюме или светлого сукна шинели, подпоясанной форменным кушаком, голова покрыта форменной фуражкой.

Черты лица у него были правильные, с приветливым выражением и с едва заметной улыбкой. Он всегда со вниманием смотрел прямо в лицо тому, с кем разговаривал. Голос у него был звонкий с баритональным тембром.

Во всей натуре и поступках было нечто привлекающее и облагораживающее общество товарищей, среди которых он находился. Он не курил, никогда не ругался и неспособен был на какой-нибудь некрасивый, а тем более дурной поступок.

Ко всем товарищам он относился одинаково, по-приятельски, стараясь помочь каждому», — так вспоминает Антона Семеновича Ф. Г. Келембет, его соученик[2].

По своему развитию А. С. Макаренко казался старше своих лет, на уроках был всегда спокойным, сдержанным, вдумчивым. Но во время игр, в кругу товарищей, он поражал всех своей энергией, весельем, смелостью, изобретательностью.

В годы учебы в Кременчугском училище Антон Семенович увлекается литературой, много читает. Любимыми произведениями Макаренко в это время были произведения А. С. Пушкина, Н. Г. Чернышевского, Н. В. Гоголя, А. И. Крылова, И. С. Тургенева, М. Горького. Много отрывков из произведений этих писателей он заучивал наизусть.

Любовь к русской классической литературе в большой мере А. С. Макаренко привил преподаватель русского языка

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. VI, Изд. АПН РСФСР, М., 1952, стр. 14—15.

[2] Ф. Г. Келембет. Воспоминания. Архив музея, стр. 1—2.

Татьяна Михайловна Макаренко
(1855—1933)

и литературы училища Григорий Петрович Каминский, выделявшийся на фоне преподавателей училища демократичностью взглядов, глубокими знаниями и любовью к своему предмету. Он подавал материал шире, чем требовали программы, сам много знал и умел прекрасно читать наизусть. Много внимания он уделял письменным работам учеников, требовал четкости, последовательности изложения, грамотности письма.

Уже в последние годы своей жизни А. С. Макаренко написал очерк «Преподаватель словесности», герой которого Мефодий Васильевич Нестеров, безусловно, имеет много общего с Григорием Петровичем Каминским. В этом очерке Макаренко пишет, что М. В. Нестеров «отличался от всех преподавателей удивительным выражением достоинства и человеческой простоты, и мы любили в нем это выражение и прощали старику и строгий взгляд поверх очков и суровость требований... Мы в то время еще не вполне ясно различали за его фигурой великие тени революционных демократов, страстных патриотов своей родины, — Чернышевского, Добролюбова, Некрасова»[1].

А. С. Макаренко был одним из лучших учеников училища, прекрасно успевал по всем предметам. Его письменные сочинения по русской литературе, рисунки и чертежи всегда заслуживали особенной похвалы преподавателей.

Рисование и черчение в училище преподавал И. В. Иванов, молодой учитель, горячо любивший искусство. Ф. Г. Келембет рассказывает, что И. В. Иванов не довольствовался положенными ему часами и оставался с учащимися после уроков, чтобы под его наблюдением они могли лучше выполнить задание. «От него мы научились владеть обыкновенным и тушевальным карандашами, приучились к наблюдательности, могли проводить «живые» линии, исправлять ошибки. Он научил нас «читать» чертежи и рисунки».

Ф. Г. Келембет рассказывает далее, что «Макаренко относился с большим вниманием к графическим работам. Он очень хотел видеть настоящие картины великих художников, которые знал лишь по копиям. Зимой 1904 года я приехал из Москвы и рассказывал Антону Семеновичу о картинах Третьяковской галереи. Он внимательно слушал мой рассказ, задавая много вопросов. Его особенно интересовали картины на исторические темы»[2].

4 июня 1904 года А. С. Макаренко закончил Кременчугское городское четырехклассное училище и получил аттестат, в котором знания по всем предметам были оценены высшим баллом — 5.

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 116.
[2] Ф. Г. Келембет. Воспоминания. Архив музея, стр. 5.

В этом же году Макаренко поступает на одногодичные педагогические курсы, организованные при Кременчугском четырехклассном училище. Курсы готовили учителей начальных школ.

Антон Семенович делает этот выбор не случайно. Дело в том, что он очень рано в какой-то степени познакомился с работой учителя. Обучая детей на дому, Антон Семенович видел результаты своего труда, чувствовал себя нужным и полезным человеком на фронте народного просвещения. Все это и определило окончательный выбор Антона Семеновича: он решил стать учителем.

В Крюкове живет и работает учителем Д. М. Мякота — один из первых учеников А. С. Макаренко. Он очень хорошо и тепло отзывается о своем «учителе без аттестата»: «Антон Семенович уже тогда поражал нас каким-то особенным умением разговаривать с нами, и мы не ощущали никакого напряжения в разговоре с ним, хотя он и был строгим во время занятий. Антон Семенович не терпел невнимательности, неаккуратности и требовал четких, глубоких знаний. Работая с нами, он всегда был спокойным, сдержанным, но его требования были категорическими. Тексты для диктантов он подбирал трудные, здесь же проверял наши работы, возвращался к тем правилам, на которые были сделаны ошибки, диктовал новые примеры, сопоставлял новые работы с прежними»[1].

Год учебы на педагогических курсах прошел для Макаренко в исключительно упорной работе. Он поражал преподавателей обстоятельными, глубокими ответами, прекрасно проведенными практическими уроками.

В 1905 году Макаренко закончил курсы, выдержав экзамены «весьма хорошо», и был «удостоен звания учителя начальных училищ с правом преподавания в сельских двухклассных училищах Министерства народного просвещения...»

1 сентября 1905 года семнадцатилетний Макаренко стал учителем Крюковского двухклассного железнодорожного училища.

Начало педагогической деятельности Макаренко совпало с периодом первой русской революции 1905 года.

Революционные события, охватившие в 1905 году всю царскую Россию, взволновали разум и сердца не только непосредственных участников борьбы с самодержавием, но и тех, кто давно задумывался над вопросом: «Долго ли так можно жить?»

Понятно, что рабочая среда, в которой рос и теперь начинал свою педагогическую деятельность А. С. Макаренко, так

---

[1] Д. М. Мякота. Воспоминания. Архив музея.

или иначе прививала ему веру в необходимость коренного изменения общественного строя России.

Нужно иметь в виду и следующие обстоятельства. Революционные события 1905 года широкой волной прошли и на Полтавщине, в том числе и в Кременчуге, и в Крюкове и, безусловно, не могли не повлиять на А. С. Макаренко.

В эти насыщенные событиями годы и формировалось его мировоззрение. Позже он сам вспоминает:

«...Понимание истории приходило к нам... по путям большевистской пропаганды и революционных событий...»[1]

Школа, в которой начинал свою педагогическую деятельность А. С. Макаренко, находилась рядом с железнодорожными мастерскими и поддерживала тесную связь с рабочими. «В железнодорожной школе, где я учительствовал, воздух был несравненно чище, чем в других местах; рабочие, настоящее пролетарское общество крепко держало школу в своих руках, и «Союз русского народа» боялся к ней приближаться. Из этой школы вышло много большевиков», — писал А. С. Макаренко в статье «Максим Горький в моей жизни»[2].

В этой школе учились преимущественно дети железнодорожников. Им и отдает Антон Семенович, не жалея сил, все свои знания и умения и завоевывает уважение и любовь не только учащихся, но и их родителей, которые очень доброжелательно относились к его педагогическим начинаниям.

Антон Семенович принадлежал к тем учителям, которые не ограничивали свою деятельность уроками. Он использовал всевозможные формы для более тесного общения с учащимися.

После занятий А. С. Макаренко организовывал литературные чтения, готовил вечера ученической самодеятельности, проводил репетиции спектаклей. Во время перемен лучшим отдыхом для него были игры с учащимися на свежем воздухе. Он был неизменным участником и организатором всевозможных развлечений и лотерей.

А. С. Макаренко внес в работу Крюковского двухклассного железнодорожного училища бодрое настроение, оживление внеклассной работы.

Весной и летом Макаренко часто проводил экскурсии учащихся в лес, по реке, в поле, обязательно намечая определенную цель, распределяя конкретные задания среди учащихся: одни собирали растения, другие — листья различных пород деревьев, третьи — минералы для коллекций. Материалы экскурсий старательно обрабатывались, систематизировались и сохранялись в школе. Очень часто наблюдения, сделанные во

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 7, Изд. АПН РСФСР, 1952, стр. 339.
[2] Там же.

время таких экскурсий, были предметом ученических изложений по литературе.

А. С. Макаренко обладал умением легко вызвать интерес у учащихся к самой обыкновенной вещи, поразить их неожиданным «открытием». Неудивительно поэтому, что учащиеся быстро привыкали к нему и сами искали предлога для разговора с ним.

Бывший ученик А. С. Макаренко Александр Михайлович Левда в своих воспоминаниях пишет о Макаренко-учителе:

«Антон Семенович был, пожалуй, самым молодым учителем в училище, но это вовсе не отодвигало его на задний план; мы больше чувствовали влечение именно к нему. Он обладал каким-то необыкновенным умением угадывать наши стремления, говорить с нами. Располагал нас также его внешний облик, близорукие внимательные глаза, вооруженные очками с сильными стеклами. Антон Семенович, как правило, не шумел на провинившегося, не спешил наказывать. Спокойный осуждающий вид молодого педагога, легкая усмешка его пытливых глаз действовали на шалуна отрезвляюще и удручающе: делалось стыдно»[1].

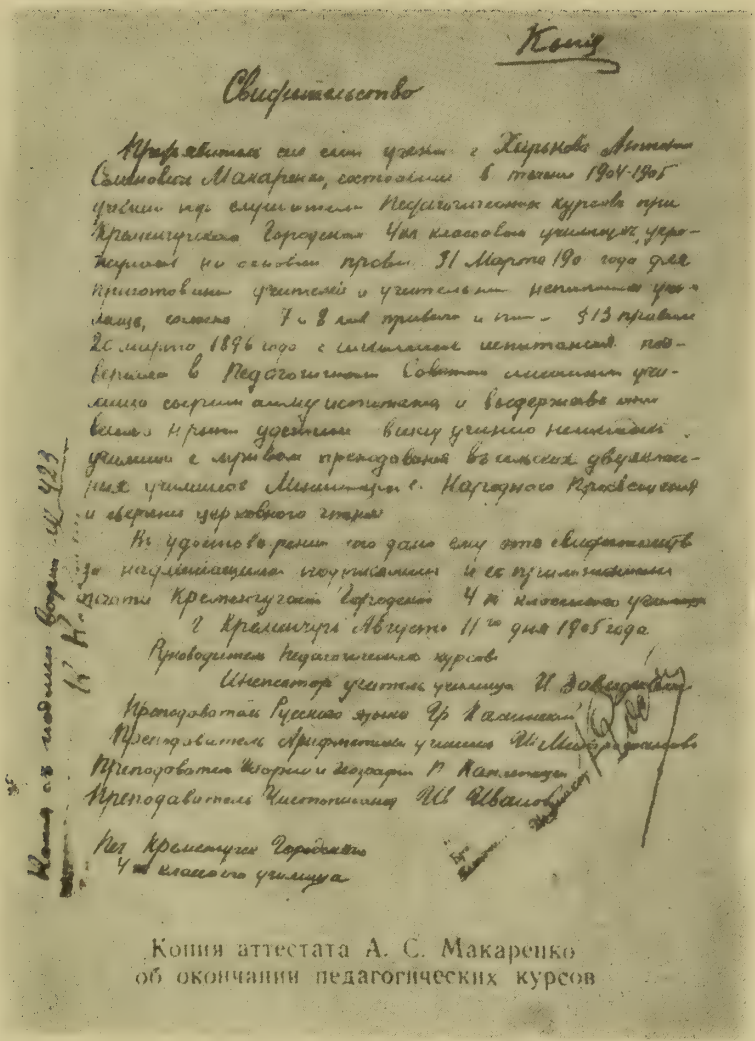
Антон Семенович любил и высоко ценил художественную литературу за те большие возможности, которые она давала учителю — воспитателю лучших качеств человека. Познавательная и воспитательная сила литературы, красота художественного слова, высокая идейность произведений русской классической литературы — все это давало вдумчивому учителю, каким был Антон Семенович, неисчерпаемые возможности в работе с учащимися.

Умея прекрасно, мастерски читать вслух, передать силу и красоту художественного слова, А. С. Макаренко захватывающе проводил уроки пояснительного чтения, дополнительные уроки по литературе. Он часто обращался к произведениям А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, Н. А. Некрасова, В. Г. Короленко, М. Горького.

Под влиянием лучших произведений русской классической литературы у Макаренко рано проявились наклонности к литературному творчеству. Они обнаружились у Макаренко еще в юношеские годы. На это указывают многие его товарищи по учебе. Они единодушно подтверждают, что еще будучи учеником Кременчугского городского четырехклассного училища, А. С. Макаренко писал сатирические фельетоны, стихотворения, которые часто читал в классе. С 1905 года он ежедневно вел дневник, а работая учителем в Крюкове, писал рассказы. Это подтверждает и давний друг А. С. Макаренко Е. Ф. Григорович, и его племянница Т. К. Загнойко.

---

[1] А. М. Левда. Воспоминания. Архив Музея.



Копия

Свидетельство

Предъявитель сего сын ученика г. Харькова Антона Семенова Макаренко, состоявший в течении 1904-1905 учебного года слушателем Педагогических курсов при Кременчугском Городском 4-х классном училищах, допущенных на основании прав. 31 Марта 1890 года для приготовления учителей и учительниц начальных училищ, согласно 7 и 8 пп. правил и пп. § 13 правил 26 марта 1896 года с отличными испытаниями подвергнут в Педагогическом Совете сказанных училищ сверх программы испытания и выдержав оные весьма хорошо удостоен выбыть учителем начальных училищ с правом преподавания в сельских двухклассных училищах Министерства Народного Просвещения и ведомства духовного этого.

В удостоверение сего дано ему это свидетельство за надлежащими подписями и с приложением печати Кременчугского Городского 4-х классного училища.

Г. Кременчуг Августа 11-го дня 1905 года.

Руководитель педагогических курсов
Инспектор училища И. Доводенко
Преподаватель Русского языка Ф. Касинский
Преподаватель Арифметики и черчения И. Мазепов
Преподаватель Закона Божия и Истории П. Катлинский
Преподаватель Чистописания И. Ивановский

Рег. Кременчуг Городского
4-х классного училища

Копия с подлинным верна № 423

Копия аттестата А. С. Макаренко
об окончании педагогических курсов

Копия аттестата А. С. Макаренко
об окончании педагогических курсов

К сожалению, до сего времени не удалось разыскать этих первых проб литературных сил Макаренко. Стихотворения, которые удалось обнаружить, относятся к более позднему времени, к 1920—1924 гг., но и они подтверждают слова А. С. Макаренко, что он «очень много над собой работал и, собственно говоря, всю жизнь готовился к писательской работе»[1].

А. С. Макаренко преподавал в Крюковском двухклассном железнодорожном училище, кроме, русского языка и литературы, рисование и черчение. Он был убежден, что рисование и черчение далеко не второстепенные предметы. Они воспитывают у учащихся художественный вкус, чувство прекрасного. Вот почему, утверждал Антон Семенович, уроки рисования или черчения — это серьезные уроки, и требования к учащимся на этих уроках должны быть высокими.

А. С Макаренко сам очень хорошо рисовал и нередко приносил в класс свои работы, чтобы показать их учащимся, пробудить интерес к работе даже у тех, кто переставал верить в свои силы и способности.

Один из товарищей Антона Семеновича, И. И. Чернышев рассказывает:

«Гуляя как-то возле Днепра, я увидел Антона Семеновича в окружении семи-восьми мальчиков и девочек. Они были так увлечены, что даже не заметили, как я приблизился к ним. В руках у Антона Семеновича был обыкновенный альбом для рисования с прекрасными рисунками с натуры. Он рассказывал учащимся о жизни и творчестве великих русских художников И Е. Репина, И. В. Сурикова, И. И. Шишкина. Меня поразили глубокие знания Антона Семеновича биографий этих художников, глубокая осведомленность с их творческими путями. Рассказывал Антон Семенович с увлечением, картины, образы словно оживали перед нами. И мне стало ясно, что Антон Семенович не «просто рассказывал», он передавал учащимся свое уважение и любовь к этим замечательным мастерам реалистической живописи И до сих пор я помню его слова: «Хорошо научиться рисовать нелегко. Это, конечно, далеко труднее, чем научиться читать. Но если кто-нибудь из вас потеряет веру в свои силы, пусть вспомнит Тараса Григорьевича Шевченко, и опять — за работу!»[2].

Впоследствии И И. Чернышев узнал, что это были члены кружка «Художник», организованного А С Макаренко Позже Антон Семенович показывал ему и рисунки. Некоторые из них сохраняются и сейчас в Крюковском музее.

В 1911 году Антону Семеновичу пришлось оставить работу в Крюковской школе.

---

[1] А С. Макаренко Соч., т. 7. Изд. АПН РСФСР 1952, стр. 157.
[2] И. И. Чернышев. Воспоминания. Архив музея.

После поражения первой русской революции царское правительство жестоко преследовало учителей, принимавших участие в революционных событиях 1905 года.

Преследования коснулись и Крюковского двухклассного железнодорожного училища, в здании которого в годы революции неоднократно проводились рабочие собрания. В 1908 году заведующим училища был назначен Карбаненко — монархист и взяточник. Он ввел в школе такие условия работы, с которыми не мог мириться Антон Семенович.

В сентябре 1911 года распоряжением инспектора народных училищ Макаренко был переведен в железнодорожное училище на станции Долинская Южной железной дороги.

В Крюков Макаренко возвратился только через шесть лет, после успешного окончания (с золотой медалью) Полтавского учительского института. Антон Семенович был назначен инспектором (заведующим) Крюковского «высшеначального училища» и одновременно избран членом коллегии городского отдела народного образования.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, стала важнейшим событием и в жизни А. С. Макаренко.

Уже в первый год советской власти, 5 июня 1918 года, на Всероссийском съезде учителей-интернационалистов выступил В. И. Ленин. 28 августа 1918 года он произнес речь на 1 Всероссийском съезде по просвещению.

В. И. Ленин назвал учителей «главной армией социалистического просвещения», гигантские задачи которой заключаются в том, чтобы «освободить жизнь, знание от подчинения капиталу, от ига буржуазии». Он призывал учительство везде и всегда быть неразрывно связанным с народом, не ограничивать себя рамками узкой учительской деятельности, а слиться со всей массой трудящихся. Великий гений революции В. И. Ленин определил задачу новой педагогики в необходимости связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества. Указав, что поднятые Октябрьской революцией к активной политической деятельности трудящиеся тянутся к знанию, Ленин выразил уверенность, что лучшая часть учительства не на словах, а на деле придет на помощь пролетариату — и именно в этом великий вождь видел залог победы дела социализма[1]. А. С. Макаренко и был одним их тех, кто с первого дня Октябрьской революции отдавал все свои силы, знания и уменье благородному делу коммунистического воспитания.

Возвратившись в Крюков, он вместе с большевиками, рабочими железнодорожных мастерских, берется за реорганизацию двухклассного училища в высшеначальное, принимает

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 409; т. 28, стр. 68.

активное участие в организации культурно-просветительной работы среди рабочих. В начале 1918 года при школе была открыта библиотека, созданы вечерние курсы для рабочих, на которых А. С. Макаренко преподавал русский язык и историю.

Работать в этот период было нелегко. Не хватало детской одежды, обуви, не было учебников, бумаги. Для нормальной работы школы необходимо было во что бы то ни стало решить эти вопросы.

Антон Семенович организует родительский комитет, создает многочисленный актив родителей. В выходные дни отцы, взрослые братья и сестры учащихся вместе с учителями заготовляли топливо для школы. Но как быть с одеждой? Ведь именно из-за ее отсутствия некоторые учащиеся не могли посещать школу. Пришлось обратиться за помощью к воинскому складу. Делегация учащихся во главе с Антоном Семеновичем направилась к складам и там изложила свою просьбу. Радостные вовращались они в школу: учащимся были выделены комплекты верхней одежды. Она была, конечно, не по росту, но здесь же, при школе, родители организовали швейную мастерскую и занялись перешивкой. Так был разрешен этот нелегкий для того времени вопрос.

При активной помощи родительского комитета была отремонтирована школьная мебель, построена новая сцена для спектаклей, создан денежный фонд помощи многодетным семьям, и в этом была большая заслуга Антона Семеновича.

Антон Семенович организовал при школе драматический кружок, привлек к участию в нем учителей, родителей и учащихся. Кружок носил имя В. Г. Короленко и пользовался большим успехом не только у жителей Крюкова, но и окрестных сел.

Драматический кружок ставил «Вишневый сад» А. П. Чехова, «Женитьбу» Н. В. Гоголя, «Без вины виноватые» А. Н. Островского, «На дне» М. Горького и другие пьесы.

Деньги, поступавшие от платных спектаклей, дали возможность оборудовать школьные кабинеты, приобрести инструменты для духового оркестра, оказывать помощь бедным семьям.

В распоряжении школы, родительского комитета был значительный для того времени денежный фонд, который пополнялся также и за счет отчислений от платных выступлений других коллективов художественной самодеятельности в школьном помещении.

Насколько серьезно относился Макаренко к вопросу о денежном фонде, говорит, в частности, следующая записка к бывшей учительнице А. П. Сугак:

«Уезжая в Харьков для занятий в бюро комитета, прошу вас принять заведывание высшим начальным училищем. При

этом в особенности прошу вас в случае поступления от кого-либо просьбы об отводе здания училища для спектакля или вечера, давать свое согласие на отвод помещения только при условии готовности двух преподавателей нести дежурство во время вечера, и при этом только в случае, если от постановки вечера или спектакля училищу будет гарантировано отчисление в пользу училища, курсов для взрослых и родительскому комитету»[1].

Уже в эти годы Антон Семенович ищет новые пути, методы и формы воспитания детей, сплочения учащихся в крепкий коллектив Он создает ученические бригады, обязанностью которых был контроль поведения учащихся вне школы. Бригады ежедневно отдавали рапорт Антону Семеновичу о результатах своей работы. Часто совместно с членами ученических бригад Антон Семенович посещал учащихся на дому, советовался с родителями, оказывал им конкретную помощь.

В эти годы Макаренко широко привлекает учащихся и к коллективному труду. По его инициативе школа использовала для этой цели большой фруктовый сад, огород, озеро, принадлежавшие ранее местному священнику. Для работы в саду, на огороде учащиеся были разбиты на отдельные группы: садоводы, огородники, охрана сада. В свою очередь группы делились на отряды «специалистов» по отдельным культурам Весь сад был разбит на участки, закрепленные за отдельными бригадами На работу шли строем с красным знаменем и барабанщиками.

Особенно интересно было здесь летом, во время каникул. Сад напоминал пионерский лагерь: разбивались палатки, организовывались игры, чтение интересных книг, дежурства.

Антон Семенович серьезное внимание уделял играм. В процессе игры, утверждал он, дети расширяют, углубляют свои знания, воспитывают волю, инициативу, игра обязательно должна быть глубоко содержательной.

С этой целью Антон Семенович нередко сам придумывал игры. Дети очень любили придуманную Макаренко игру в «победителя».

С. И Ильченко, который учился в то время у Макаренко, рассказывает о ней:

«Участники игры разбивались на две равные группы: «охрана знамени» и «группа нападения». Каждой группе отводили территорию, куда «противник» заходить не имел права. На расстоянии трех-пяти метров от группы «охраны знамени» устанавливали красное знамя. «Группа нападения» должна была захватить знамя и перенести на свою территорию Участник игры мог быть «убит» легким ударом руки «противника». Не мог быть «убитым» только командир

---

[1] А. Макаренко. 9 апреля 1918 г. Архив музея.

группы нападения, но он не имел права переносить на свою территорию знамя. Он мог только «прикрывать» своих от атак и «выстрелов» защитников. Игра начиналась по команде и велась в течение 15 минут. Затем группы менялись местами».

Антон Семенович был исключительно требовательным к себе и требовал четкого выполнения установленных правил, порядка в работе всех учителей школы.

Макаренко понимал, что найти новые формы и методы коммунистического воспитания учащихся невозможно без определенного педагогического риска и экспериментирования. К сожалению, нашлись люди, которые не разделяли убеждений Антона Семеновича. Его новаторство не нашло поддержки со стороны Кременчугского отдела народного образования, и он в сентябре 1919 года переезжает в Полтаву. Скоро противники Макаренко поняли, что в его лице они потеряли смелого, талантливого организатора, преданного своему делу учителя. Ему направляют в Полтаву письмо с просьбой возвратиться в Крюков. В ответ А. С. Макаренко выдвигает ряд требований: возвратить школе инструменты духового оркестра, в течение двух лет не вмешиваться в работу школы, всеми способами поддерживать его начинания.

Эти требования свидетельствуют о намерении Антона Семеновича привести к определенной норме свои планы, которые созрели у него во время многолетней педагогической работы.

Вопрос о возвращении Макаренко в Крюков был почти решен, но неожиданно перед ним открылись новые перспективы творческой деятельности в колонии для правонарушителей, где, как известно, в полной мере проявились его исключительные организаторские и педагогические способности...

С того времени, когда Антон Семенович жил и работал в Крюкове, прошло много лет, но все, кому пришлось учиться у него, работать или просто встречаться с ним, свято берегут память о Макаренко, как о человеке высокой культуры, отзывчивом товарище, прекрасном педагоге.

БЕСЕДА С УЧЕНИКОМ А. С. МАКАРЕНКО[1]

(Перевод с украинского)

С 1911 по 1914 год в Долинском 2-м железнодорожном училище работал выдающийся педагог Антон Семенович Макаренко. Наш корреспондент спросил воспитателя интерната Долинской железнодорожной школы № 7 Михаила Никифоровича Доненко, бывшего ученика Антона Семеновича:

— Студенты университета хотели бы знать, когда работал в вашей школе А. С. Макаренко.

— В 1911 году в Долинское железнодорожное училище прибыл новый заведующий. Вскоре сюда же перевели его товарища, тогда еще никому не известного учителя Крюковского железнодорожного училища — Антона Семеновича Макаренко.

— Что вы можете рассказать об А. С. Макаренко, как о своем учителе?

— Выше среднего роста, молодой человек, с глубокими голубыми глазами, всегда в пенсне, с аккуратно зачесанными русыми волосами, — таким всегда заходил на уроки Антон Семенович. Его сразу полюбили ученики.

— За что полюбили ученики Антона Семеновича?

— На протяжении трех с половиной лет, которые провел в нашей школе А. С. Макаренко, он не наказал ни одного ученика.

У Антона Семеновича была большая любовь к детям. Он их понимал, умел завязать разговор с самым молчаливым из нас. Приходим, бывало, в школу, а он: «Сегодня экскурсия в лес». В лесу Антон Семенович все время с нами, учениками: рассказывает о жизни растений и животных, показывает разные породы деревьев, как опытный биолог.

Часто Макаренко договаривался с администрацией железной дороги, и мы вместе с ним посещали Москву, Петербург, Николаев. Он всегда рассказывал нам интересные истории. Ни одного вопроса учеников не оставлял без ответа.

---

[1] Беседу с М. Доненко записал М. Осадчий, спецкорреспондент газеты «За радянську науку», которая издается при Львовском госуниверситете им. Ив. Франко (№ 25(291) от 30 сентября 1956 г.). Текст печатается с некоторыми сокращениями.

— Расскажите, пожалуйста, как вел уроки Антон Семенович?

— Помню, как сейчас, один урок: заходит в класс Антон Семенович, а один из учеников залез на печку... Класс ожидал, что Антон Семенович будет стягивать нарушителя дисциплины, бить. Но этого не случилось. Антон Семенович спокойно начал рассказывать о литературе эпохи Отечественной войны 1812 года, о Старостихе Василисе. Ученики заслушались, а «герой на печке», вовремя заметив свой промах, бесшумно слез и сел за последней партой. Вообще не было ни одного урока, чтобы Антон Семенович не рассказывал об исторических битвах, о Сусанине, Бородине или не прочел на память стихотворения. Любил он русский народ, его историю и творчество. Об этом свидетельствует и обстановка в комнате, где он жил.

— А где жил Антон Семенович Макаренко?

— Как холостяку, Антону Семеновичу выделили отдельную комнату при интернате. Вот эта комната. Тут стояла односпальная кровать. Около нее — столик, стул и этажерка с книгами русских, украинских и зарубежных писателей. На стене висел портрет Толстого, нарисованный Антоном Семеновичем.

— Антон Семенович рисовал?

— Антон Семенович преподавал в нашей школе русский язык, литературу, рисование. Уроки рисования проводились у нас за стенами класса. Или пойдем в лес и рисуем пейзажи, или в город — рисовать дома. Многих это увлекало. Нередко сами учащиеся ходили к Антону Семеновичу на дополнительные занятия по рисованию. Искренне мы полюбили Антона Семеновича, не хотелось расставаться.

— Почему Макаренко оставил железнодорожное училище?

— В мае 1914 года, когда заканчивался учебный год, Макаренко собрался в Полтаву продолжать образование. Помню выпускной вечер. Антон Семенович от имени педагогического совета вручил лучшей ученице Вере Опрышко сборник произведений А. С. Пушкина (Вера Дмитриевна сейчас живет в г. Долинске. Она свято бережет дорогой подарок, надпись на котором сделана рукой А. С. Макаренко). Потом один из выпускников прочел стихотворение, которое так взволновало каждого выпускника, что они всплакнули... Это был последний вечер, проведенный с Антоном Семеновичем...

Свершилась Октябрьская революция. Антон Семенович работал воспитателем трудовых колоний. Стал известным не только в нашей стране, но и во всем мире. Нам приятно сознавать, что первые шаги своей педагогической деятельности он сделал у нас, на станции Долинской.

А. Сватко

СЛОВО О МОЕМ ВОСПИТАТЕЛЕ

«Удивительный Вы человечище и как раз из таких, в каких Русь нуждается», — писал М. Горький в письме к А. С. Макаренко 12 июля 1926 года.

Педагогическая система, созданная Антоном Семеновичем, прочно входит в нашу жизнь.

С исключительной теплотой и любовью вспоминаем мы — бывшие воспитанники А. С. Макаренко — о своем учителе и друге. Он был для нас не только воспитателем и педагогом, но и близким, родным человеком.

К сожалению, события, о которых я хочу рассказать, не так свежи в памяти, как хотелось бы. Жизнь в коммуне нами воспринималась непосредственно, как радостное сегодня, без всякой мысли о том, что когда-нибудь придется делиться своими воспоминаниями о дорогом для нас Антоне Семеновиче.

И каждый из нас, воспитанников Антона Семеновича, всегда искренне сожалеет, что не может описать многие стороны жизни в коммуне так, как этого заслуживает наш Антон Семенович. Но интерес к нему, к его педагогической деятельности и, к слову сказать, в связи с этим к каждому из нас, его бывшим воспитанникам, у нашей общественности настолько велик, что я не могу отказаться воспроизвести в памяти даже то немногое об Антоне Семеновиче, что она сохранила.

Антон Семенович был исключительно простым и скромным человеком, на редкость трудолюбивым и обходительным. Нас, воспитанников, всегда интересовал вопрос: когда он отдыхает? С самого утра и до позднего вечера Антона Семеновича видели повсюду — в школе, на заводе, в спальнях. Он расспрашивал, давал указания, принимал рапорты командиров отрядов...

В 23 часа дежурный играл отбой. Наступала тишина. Коммуна им. Дзержинского отдыхала. Только в комнате Совета командиров не спали, до глубокой ночи слышался стук машинки: Антон Семенович работал.

Утром, чуть свет, А. С. Макаренко был снова среди нас. Вместе с дежурными по коммуне — командиром отряда, чле-

ном санитарной комиссии, врачом — Антон Семенович проверял чистоту и порядок в помещении, опрятность воспитанников. Осмотру подлежало все. Макаренко мог открыть чемоданчик малыша, посмотреть, как в нем сложено белье, перевернуть стул, чтобы убедиться, нет ли там паутины. Одним словом, его интересовал не парадный блеск, а настоящая, здоровая чистота и порядок.

Однажды Антон Семенович возвратился из города, как раз в тот момент, когда коммунары, пообедав, собрались во дворе. Дежурный командир отрапортовал:

— В коммуне все в порядке. Закончился обед, отдыхаем.

— Хорошо, — ответил Макаренко, а сам направился к парадной двери, вынимая из карманов разные бумажки от конфет и мороженого, какие-то веревочки, все это он бросал на дорогу...

Дежурный командир и ребята с удивлением наблюдали эту сцену. Потом решили спросить Антона Семеновича, зачем он это делает.

— Собственно, здесь нет ничего удивительного, — спокойно ответил он, — в городе такая чистота, что я не осмелился бросить там ни единой бумажки. Привез их в коммуну, здесь можно...

За Антоном Семеновичем закрылась дверь. Коммунары внимательно осматривали аллеи и клумбы, как будто видели их впервые. Среди цветов и по обочинам дороги валялось немало разных бумажек, кое-где даже тряпки.

Немедленно дежурный распорядился играть сбор. Дзержинцы уже знали, в чем дело. Из уст в уста передавалась неприятная история с бумажками, и все воспитанники разбрелись по двору коммуны в поисках злополучных бумажек. А на следующий день на перекрестках аллей появились урны для мусора.

Антон Семенович делал вид будто он не придает значения этому случаю. Однако в душе был рад, что ребята поняли его правильно.

Для Макаренко нужен был не внешне вежливый и культурный человек, а настоящий, глубоко сознательный член социалистического общества. Воспитывал он разнообразными педагогическими приемами, силой таланта, неодолимой верой в человека.

Всю огромную работу Антона Семеновича, его бесконечную «возню» с малышами можно назвать коротко — творчество.

...Один из учеников во время урока бросил кусочком мела в своего товарища. Он промахнулся, и мел ударился о классную доску, а оттуда, рикошетом попал в преподавателя, который в коммуне работал недавно и к подобным «шалостям» не привык. «Кто бросил?! — сразу обратился он к аудитории,

но никто не ответил. Тогда преподаватель стал упрашивать виновника признаться, обещая простить нетактичный поступок. Когда и это не помогло, он обратился к новому средству: во время перерыва расспрашивал ребят поодиночке, но и это не дало результатов.

О случившемся стало известно Антону Семеновичу. Он немедленно явился в класс.

— Вам известна причина моего прихода — сказал он. — Будете сидеть до тех пор, пока виновный не встанет и не признается.

Прозвенел один звонок, затем второй. Ребята все еще сидели в классе надутые, недовольные.

Большинство воспитанников умело отвечать за свои поступки мужественно. Но были и такие, у кого не хватало смелости признаться, когда его прижимали к стенке. С другой стороны, в коммуне существовала замечательная традиция— не «расписываться» за кого-то, пусть он сам отвечает за себя. Нужна была прямота и честность.

Класс продолжал молчать. Сидел Антон Семенович, сидел преподаватель. Но вот из-за скамейки поднялся Миша Д. Все его знали как примерного коммунара, общительного, инициативного. Посмотрев по сторонам, он твердо сказал:

— Простите, Антон Семенович, это я бросил, случайно...

Лицо преподавателя просветлело — вот и конец истории...

Но Макаренко резко оборвал Мишу:

— Врешь, не ты бросил. Садись.

Нетрудно понять, что пережил Антон Семенович в эту минуту. В одно мгновение в его голове промелькнули тысячи доводов за и против только что кинутой фразы, боролись инстинкт обыкновенного человека и талант, проницательность большого педагога. Конечно, сидящие этого не видели. Они слышали только неопровержимое слово.

Еще раз прозвенел звонок, закончился еще один урок. В классе по-прежнему стояла тишина, ребята нервничали. Что происходило в душе Антона Семеновича — неизвестно. Он перелистывал книгу и делал вид, что сосредоточенно и внимательно читает ее.

Наконец, поднялся тот, кто должен был подняться.

Чувствовалось, каким тяжелым и непривычным было признание для этого коммунара. Антон Семенович извинился перед преподавателем за свое вмешательство и ушел. Он был твердо убежден, что все остальное сделает сам коллектив, что виновный будет наказан по всем правилам морального воздействия самим коллективом. Здесь ему напомнят и о трусости, и о том, что по его вине потеряно много драгоценного времени Антона Семеновича, преподавателя и всего класса, и о том, что из-за него напрасно мог пострадать его товарищ.

...Во время поездки трудовой коммуны в Бердянск (сейчас Осипенко), где мы проводили очередной отпуск, произошел исключительно неприятный случай. Вечером в городском сквере один из старших коммунаров ударил милиционера. Сразу же созвали Совет командиров.

— Необходимо, чтобы Рысаков немедленно явился в управление милиции и попросил извинения, — предлагали некоторые командиры.

Нельзя сказать, что предложение было плохим. Однако Макаренко решил иначе. Он считал эту меру недостаточной для воспитательного воздействия на коллектив. Ну, извинится Рысаков, прочувствует свою вину. Ну, допустим, что он больше никогда не совершит подобного поступка. Но ведь он — одиночка. А коллектив, членом которого он является?! Почему весь коллектив должен оставаться в стороне?

Совет командиров принял предложение Антона Семеновича. Решили: завтра же, всей коммуной, в парадной форме, со знаменем и оркестром отправиться к горсовету и просить у руководителей и в их лице у всех граждан извинения.

Утром прозвучал сигнал. Строились колонны неохотно. Знаменосцы не спешили с выносом знамени. С заплаканными глазами к Макаренко подошел Рысаков.

— Антон Семенович, очень прошу отпустить меня одного, я сам пойду просить прощения...

Дежурный командир доложил о готовности колонны. На ярком солнце поблескивали фанфары, развивался бархат знамени. Несколько сот дзержинцев выстроились в длинную колонну. Все в белых парадных костюмах и тюбетейках, со значками «Ф. Д.» на рукавах. Колонна застыла в ожидании команды.

Антон Семенович скомандовал «направо», затем «правое плечо вперед, шагом марш!» Брызнули мощные звуки марша и рассыпались серебряной пылью над городом. Чеканным шагом коммуна направилась к зданию горсовета. Впереди шел Макаренко. Шли знаменосцы, фанфаристы, оркестр...

Многие сотни километров прошли дзержинцы в строю. Их знамя гордо развевалось в горах, над ущельями солнечной Грузии, над крутыми берегами Чебоксар и Сталинграда, над площадями Харькова и Москвы, Севастополя и Одессы... Но эти полкилометра были очень длинными и трудными. Это был позорный марш...

В 1935 году я самовольно ушел из коммуны им. Дзержинского. Осенью 1936 года мне случилось быть в Киеве и я отыскал здание НКВД УССР.

Где-то за этими окнами работает дорогой Антон Семенович... Три дня я ходил под ними и никак не решался зайти в середину здания.

Наконец, решился. Зашел в пропускное бюро, спросил о Макаренко.

— Да, работает, — ответили сухо.

Однако попасть к нему мне не удалось еще два дня. Макаренко не было в Киеве, он отлучился по делам трудовых колоний.

Потом сообщили, что он возвратился из командировки и сейчас находится в кабинете, но пропустить меня не могут — у меня нет ни паспорта, ни других каких-либо документов.

— Ну, передайте, пожалуйста, по телефону, что его хочет видеть Сватко...

— Сватко?!— послышалось в трубке,—пропустите ко мне.

Дежурный доложил, что у меня нет документов, и он не имеет права выдать пропуск. Макаренко сказал, что сейчас сам выйдет ко мне. Дверь открылась.

— Здравствуйте, Антон Семенович.

— Здравствуйте, Сватко. А я думал, что ты раньше придешь...

Мы сидели друг против друга и молчали. Нет, мы говорили взглядом, выражением лица. О многом говорили. Этот немой разговор продолжался минут пять. Молчание нарушил Антон Семенович.

— Все хорошо, что хорошо кончается. Для тебя было полезно увидеть настоящую беспризорную жизнь. Ты ее хватил такой, какой она есть на самом деле...

— Антон Семенович, — я хотел просить Вас направить меня в Прилуки, в трудовую колонию...

— Почему тебе хочется в Прилуки?

— Там колония для взрослых. Я уже перерос детский возраст.

— Ничего, я направлю тебя в Бровары. Это здесь под Киевом. Там недавно организовалась колония и ты поможешь мне вывести ее в люди.

— Есть в Бровары! — ответил я по старой привычке.

Антон Семенович написал записку управляющему колонией и передал ее мне. Затем вынул из кармана деньги и также протянул мне.

— Антон Семенович, не надо. Не могу я взять...

— Возьми! — уже приказным тоном произнес Макаренко. На прощанье крепко пожал мне руку, и мы расстались как старые и добрые знакомые.

Конечно, ни само слово «знакомые», ни в соединении с эпитетом «добрые» не выражали ни в какой мере моих чувств к Антону Семеновичу. Он для меня был не просто знакомым, а близким и родным человеком, у которого я находил моральную поддержку, умные советы и что-то такое, что заставляло меня терпеть, преодолевать трудности, жить.

В декабре 1937 г. я был призван в ряды Советской Армии

и направлен на край Советской земли — во Владивосток. Когда красноармейцы узнали, что я бывший воспитанник Макаренко, меня очень часто расспрашивали о нем, о коммуне им. Дзержинского.

— Скажи, дружок, это правда, значит?

— Что именно? — переспрашивал я.

— Да вот о коммуне... Мне кажется это просто выдумка, фантазия писателя.

Я понимал, что еще очень мало знают об Антоне Семеновиче и его педагогической системе. И с большим удовольствием рассказывал ребятам о Макаренко, о том, что никогда он не был офицером, что коммуна им. Дзержинского существовала в действительности и т. д. После этих бесед у солдат появилось желание прочесть «Педагогическую поэму» и только что опубликованные «Флаги на башнях».

Я от души радовался тому, что имя Макаренко все шире и прочнее входит в массы, что его педагогическое творчество срастается с массами. Иначе и не могло быть — источником творчества Макаренко были трудящиеся и творил он для них.

Коллектив трудовой коммуны им. Дзержинского (книга «Флаги на башне») был вершиной педагогического творчества А. С. Макаренко. Сотни подростков прошли чудесную школу коммунистического воспитания, вошли в жизнь подготовленными, закаленными, опытными работниками. Леонид Канисевич на далекой Камчатке стал директором детского дома, которому правительство присвоило имя А. С. Макаренко. Василий Ключник—инженер-полковник, преподаватель военного училища, Клавдия Борискина — артистка Харьковского драматического театра им. Пушкина, Александр Швед — директор Винницкой трудовой колонии, Федор Шатаев, Алексей Землянский, Анна Бондаренко — мастера харьковских заводов, Наташа Чудная, Василий Шапошников — народные судьи и т. д.

На самых разнообразных участках народного хозяйства нашей страны можно встретить людей, жизнь которых неразрывно связана с именем Макаренко. Среди них есть Герои Советского Союза, орденоносцы.

Отмечая 70-ю годовщину со дня рождения А. С. Макаренко, я четко вижу светлый образ незабвенного Макаренко. Вот он стоит скромный, добродушный, твердый и решительный. Поблескивают стекла очков, а под ними умные, голубые глаза. Они очень удачно гармонировали с широкими чуть-чуть приоткрытыми губами. Антон Семенович улыбался проницательной, глубокой, обнадеживающей улыбкой. У Макаренко даже она была сугубо своеобразной, неповторимой, озаряющей самоотверженный труд большого человека.

В. Я. Гаврильченко

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ УЧИТЕЛЕ

В 1911 г. Антон Семенович вместе со своим приятелем учителем Г. В. Орловым переезжает на работу в Долинское двухклассное железнодорожное училище Южной железной дороги.

Я был тогда уже учеником 4-го класса, наставником которого был назначен Антон Семенович. Он преподавал у нас русский язык, литературу, рисование и черчение.

Трудно восстановить в памяти давно прошедшее, даже связанное с детскими переживаниями и впечатлениями. Однако Антон Семенович настолько был необычным среди наших учителей, что некоторые эпизоды, связанные с его деятельностью, все же встают в моей памяти до мельчайших деталей.

Я до сих пор, например, помню, как мы, школьники, по его инициативе, систематически совершали экскурсии. В течение двух лет он с нами побывал в Николаеве, где мы впервые увидели електричество, кино; в Севастополе, в Херсоне и др. городах. Конечно, только теперь и могу оценить вполне, какое большое значение имели эти экскурсии для нашего общего развития. Тогда же все это воспринималось больше эмоционально.

Мы, дети, в то время и не могли задумываться над тем, что Антон Семенович живет более широкими интересами, чем остальные учителя школы. Он и нам стремился привить эту широту взглядов, стремился вывести нас из узких рамок правил правописания буквы «ять».

Отрывочные воспоминания сохранились у меня и от уроков Антона Семеновича. Я не собираюсь эти эпизоды комментировать в свете событий сегодняшнего дня, а лишь опишу то, что сохранилось у меня в памяти. Крупицы воспоминаний помогут восстановить образ Антона Семеновича таким, каким он был в действительности на заре своей педагогической деятельности.

Антон Семенович всегда приходил в класс одетым по форме, аккуратным, с тщательно подстриженным ежиком, с золо-

тым пенсне на носу. Об этом я вспомнил потому, что и от нас он требовал чистоты и аккуратности во всем.

Мы не умели красиво писать, тетради наши в этом отношении выглядели непривлекательно. Он ввел в 4 классе дополнительные занятия с нами по чистописанию. И даже мой старший брат, вечный второгодник и «камчаточник» увлекся чистописанием, стараясь научиться писать так же красиво, как писал Антон Семенович. Нас особенно поразило то обстоятельство, что мы с Антоном Семеновичем начали свои занятия по чистописанию физкультурой чистописания, занимались гимнастикой пальцев, кисти руки, предплечья. Он учил нас правильно сидеть за партой. Все это было вдиковинку.

Как-то уже перед зимними каникулами Антон Семенович раздал нам наши тетради по чистописанию и велел открыть первую страницу. Первая страница по указанию Антона Семеновича в свое время была оставлена неисписанной. Он предложил на чистой странице каждому из нас изложить свое мнение по поводу того, может ли каждый человек научиться грамотно и красиво писать.

Результаты сравнения оказались поразительными. Мой брат не удержался и довольно бурно выразил свой восторг, получив за это строгое внушение.

Нас увлекали и уроки рисования, которые ввел Антон Семенович. Он сам много и хорошо рисовал. Об этом я узнал уже впоследствии. Акварельные рисунки Антона Семеновича мне приходилось видеть у М. Г. Компанцева, у нашего станционного врача В. В. Коновалова. В коммуне им. Дзержинского я видел у Антона Семеновича альбом эскизов одежды коммунаров, акварельный портрет Ф. Э. Дзержинского.

* *
*

Главный предмет преподавания для Антона Семеновича — это русский язык и литература.

Отдельных уроков по русскому языку припомнить сейчас мне не удается. Но некоторые методы и педагогические приемы А. С. отчетливо сохранились в памяти. Я всегда вспоминаю Антона Семеновича, когда кто-нибудь заводит речь о грамотности наших школьников. Люди старшего поколения часто упрекают нашу современную школу в том, что она якобы недостаточно вооружает школьников навыками правильного письма. Обычно в таких случаях говорят:

— Ведь могли же мы, обучаясь в старой школе, писать без ошибок. Почему же теперь учащиеся 9—10 классов зачастую пишут безграмотно?

Мы, т. е. ученики Долинского двухклассного училища, в четвертом отделении уже писали диктовки и переложения

почти без ошибок. Как учитель, я часто потом также задумывался, какими путями и средствами это достигалось.

А достигалось это, по-моему, за счет ограничения лексических и синтаксических возможностей языка. Ведь диктовки, которые мы писали, почти никогда не выходили за пределы тех стандартных «примеров», которые мы зазубривали вместе с грамматическими правилами. Сотня-другая таких примеров — и мы имели уже достаточный запас грамматических и синтаксических форм для школьного обихода. Кроме того, мы знали десятки «примеров» типа «В селе Волки церковь съели». Если же было необходимо отступить от этих школьных стандартов, мы оказывались тоже почти беспомощными.

Текст первого же диктанта Антон Семенович читал не из «Сборника», а из какой-то книжки. Я впервые за все время пребывания в школе за этот диктант получил двойку.

Антон Семенович говорил о том, что многие не сделали бы столько ошибок, если бы не списывали друг у друга.

— Списывать тоже надо умеючи, — сказал он.

В конце урока он велел нам переписать дома из книги для чтения небольшой рассказ. На другой день он приказал нам обменяться тетрадками с тем, чтобы каждый из нас дома тщательно сверил написанное товарищем с текстом в книге и исправил обнаруженные ошибки.

Только на третий день мы вернулись к этому списыванию. Прежде всего оказалось, что все мы, списывая из книги, наделали ошибок, что и было нами обнаружено при взаимной проверке. А главное, Антон Семенович требовал, чтобы мы не только умели обнаружить ошибки, но и объяснить, почему следует писать так, а не иначе.

Такую работу мы выполняли систематически, а уроки-разборы стали для нас действительно интересным занятием. Споры о том или ином написании слова, о знаках препинания выходили за пределы класса. Они будили мысль, заставляли все время припоминать и осмысливать зазубренные ранее примеры и правила. Грамматика ожила. Сначала этот интерес к грамматике носил несколько «спортивный» характер, но потом незаметно перерос в интерес к языку, к живой речи. В этом проявилось педагогическое мастерство Антона Семеновича, который принимал самое горячее участие в наших спорах, но как-то не сверху, а вместе с нами.

* *
*

В 1914 г. весной мы окончили школу и разъехались по разным городам. Антон Семенович в этом же году оставил нашу Долинскую школу и уехал, как позже мне стало извест-

но, учиться. Встретились мы снова летом 1917 г. на станции Долинская у поезда, отходящего на Знаменку — Крюков — Харьков. Антон Семенович делал безуспешную попытку протиснуться в переполненный фронтовиками вагон. Одет он был в полувоенную форму, но такой же аккуратный, подтянутый, ловкий. Фронтовики принимали его за переодетого офицера и оттирали от вагона.

Над нашими головами неожиданно раздался чей-то бас:

— Антон Семенович? Голубчик! Это я, Никанор, из Крюковских мастерских.

Фронтовик Никанор схватил Антона Семеновича за руку, кто-то за другую, и он оказался в вагоне.

Уже будучи аспирантом, я встречался с Антоном Семеновичем в 1927 г., осенью, в Харькове. В это время он был занят организацией Управления детскими колониями. Наши беседы носили педагогический характер. Так как мысли, которыми мы обменивались, достаточно освещены, а нового, что бы могло заинтересовать читателя, я не могу припомнить, повторять считаю излишним.

К. Т. Борискина

(Бывшая воспитанница А. С. Макаренко, ныне артистка Харьковского театра русской драмы им. Пушкина)

В ДРАМКРУЖКЕ КОММУНЫ ИМЕНИ ДЗЕРЖИНСКОГО

Я стала воспитанницей коммуны им. Дзержинского осенью 1931 года. Мне было тогда 11 лет. И если бы меня сейчас спросили, что мне хочется вернуть из прошлого, я бы ответила: «Годы, прожитые в коммуне». Это были самые светлые годы моей жизни, и каждое воспоминание о них неразрывно связано с бесконечно дорогим образом Антона Семеновича.

Одной из наиболее ярких страниц в жизни коммуны был для меня драмкружок — здесь начался мой путь актрисы.

В 1933 г. в Харькове открылся театр русской драмы, который взял шефство над нашей коммуной. Артисты театра во главе с художественным руководителем Петровым по просьбе Антона Семеновича приняли деятельное участие в работе драмкружка коммуны. Я попала в этот кружок совершенно неожиданно для себя. Случилось это в первый же приезд группы актеров к нам в коммуну. Я сидела в «тихом клубе» и читала какую-то книгу. Внезапно в комнату вошел Антон Семенович вместе с Петровым, подошел ко мне, приподнял мне голову и сказал, обращаясь к Петрову: «А вот вам и Марианна». Я сначала ничего не поняла и смутилась. Оказалось, что наш драмкружок решил ставить пьесу Мольера «Тартюф», и Антон Семенович вместе с Петровым подбирал исполнителей ролей.

Надо сказать, я никогда не предполагала, что смогу играть на сцене. Я очень любила книги, много читала, а о сцене даже не мечтала. И до сих пор не могу понять, почему Антон Семенович остановил свой выбор на мне, как он сумел увидеть во мне что-то такое, что было совершенно неясное для меня самой. Да, в этом именно и заключался, очевидно, его большой педагогический талант — в умении видеть в людях те качества, которые скрыты в них глубоко. И не только видеть, но и вызывать их к жизни. Помню, что коммунарка Шура Сыро-

мятникова, очень любившая танцевать, даже не думала вступать в драмкружок. Ее втянул туда Антон Семенович. А теперь она актриса. Ваня Ткачук увлекался чтением, и так же, как и Шура, не собирался работать в драмкружке. Его привлек в кружок Антон Семенович. Ваня с успехом играл в «Тартюфе» и в «Дон-Кихоте». Теперь он актер, снимался в картине «Малахов курган», работал в Московском детском театре.

Начались репетиции. Репетировали по вечерам, после ужина. Антон Семенович часто бывал на репетициях, особенно, когда приходили Петров или Крамов. Репетировали с энтузиазмом, но я очень робела на сцене, не знала, куда девать руки и ноги, у меня не хватало дыхания. На одной из репетиций Петров сказал: «Не знаю, что с ней делать, слишком стесняется». «Конец, ничего не выйдет», — решила я, и мне стало очень грустно. «Подождите, — сказал Антон Семенович, — надо подумать». И через минуту добавил: «Попробуйте поставить ее за стол, она будет смелее. А на спектакле и вовсе не будет стесняться, вот увидите». Он говорил так уверенно, что и я успокоилась. Антон Семенович оказался прав: я волновалась только перед началом спектакля, а на сцене позабыла обо всем и чувствовала себя Марианной.

Наша работа не была напрасной: «Тартюф» имел огромный успех. После спектакля Петров собрал у себя в номере (он жил тогда в гостинице) за чашкой чая всех участников. Каждому было прочитано шутливое стихотворение, в составлении которых принимал участие Антон Семенович. Мне были посвящены такие строки:

«На спектакле, как это ни странно,
Не робела наша Марианна.
Ты играть научишься, ей-ей,
Не стесняйся, Клава, не красней».

Роль Марианны навсегда осталась моей любимой ролью.

Окрыленный первым успехом, драмкружок коммуны работал с увлечением. Росла и крепла наша дружба с Харьковским театром, куда мы приходили, как к себе домой. После премьеры нашего драмкружка мы стали устраивать встречи участников спектакля с артистами-профессионалами. Когда коммунары возвращались из отпуска и шли с вокзала торжественным строем через весь город, артисты Харьковского театра русской драмы выходили к ним навстречу.

Но больше, чем профессионалы-артисты, помогал нам и руководил нами Антон Семенович. Всеми силами старался он создать в кружке атмосферу любви и серьезного отношения к искусству, к работе актера. Все коммунары поочередно систематически посещали харьковские театры. Антон Семенович проводил с нами беседы о театре, об отдельных пьесах и образах, стараясь раскрыть их как можно глубже. Я помню,

как тонко анализировал он свою любимую оперу «Князь Игорь», и не было ни одного коммунара, который бы не прослушал этой оперы.

Драмкружок наш ставил не только классические пьесы («Тартюф», «Дон-Кихот» и т. д.). Антон Семенович сам написал для нас несколько пьес, главным образом из жизни коммуны. Одна из них, водевильного характера, очень смешная, была посвящена двум заводам коммуны — «Фотозаводу» и «Электрозаводу». Называлась она «Евгений Онегин», но вместо Татьяны и Ольги, действовали в ней такие персонажи, как «Сверлилка» и «Лейка». Я играла Сверлилку, а Шура Сыромятникова Лейку. Пьеса была в стихах, написанных размером «Евгения Онегина», и в нее были введены арии из разных опер.

Шел шестой год моего пребывания в коммуне. Мне было уже 16 лет. Близился день выпуска. Антон Семенович видел, что мое увлечение театром растет. Его беседы со мной о театре становились все более серьезными. Он уже говорил со мной о специфике сцены, о внутренней жизни театрального коллектива, предупреждал меня, что путь актера — путь славный, но очень нелегкий. И даже не раз предлагал мне подготовить меня на исторический факультет. Но я уже безнадежно «заболела» театром.

В 1935 г. Антон Семенович ушел из коммуны, но продолжал приезжать к нам, и в каждый свой приезд беседовал со мной, очень интересовался успехами драмкружка и моими личными.

В 1936 г. художественный руководитель Харьковского театра русской драмы Крамов предложил мне поступить к ним в студию. К этому времени я уже закончила девять классов. К экзаменам в студию готовил меня наш учитель русского языка и летературы Сергей Петрович Пушников, близкий друг Антона Семеновича.

Я держала экзамен и была принята. Своей радостью я прежде всего поделилась с Антоном Семеновичем. В ответ на мое письмо он написал, что очень рад за меня, рад тому, что я буду учиться дальше.

Учиться в студии было нелегко. Через год я не выдержала и написала Антону Семеновичу, что мне очень тяжело — не ладятся отношения со многими. В ответном письме Антона Семеновича были такие строчки: «Ты думаешь, Клава, у меня мало врагов? Но жизнь идет вперед...»

Вскоре мы встретились с Антоном Семеновичем в Святогорске, где коммунары проводили свой отпуск. Помню, как однажды я допоздна сидела с ним на берегу Донца, и мы вели бесконечные беседы о театре. Антон Семенович сказал мне: «Драмкружок — это одно, и профессиональный театр — это другое. Театр требует человека целиком, ему надо отдаться

полностью, может быть, даже пожертвовать и личными чувствами. Боюсь, Клава, что в тебе еще нет достаточной твердости, чтобы преодолеть все препятствия». Потом он задумался и мягко добавил: «Трудно тебе будет, девочка».

И, как это ни странно, слова, а главное, тон Антона Семеновича подействовали на меня ободряюще. Они не отпугнули меня от театра, а пробудили во мне желание быть твердой и смело идти намеченной дорогой.

А. Г. Явлинский

В КОММУНЕ ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

(Бывший воспитанник А. С. Макаренко, ныне старший воспитатель Львовской трудовой колонии МВД)

Мне посчастливилось на протяжении шести лет жить и воспитываться в коммуне им. Дзержинского, которой руководил Антон Семенович Макаренко. И теперь, когда я вспоминаю счастливые дни моей юности, проведенные в коммуне, встает передо мной образ Антона Семеновича, такой дорогой и любимый.

Трудную жизнь прожил Антон Семенович, но жизнь эта была замечательной, яркой, наполненной самоотверженным трудом. Через золотые педагогические руки Антона Семеновича прошли тысячи человек, и всем им он действительно дал путевку в жизнь. А ведь это были бывшие беспризорники, правонарушители, люди, которых капиталистическое общество выбросило бы за борт жизни, опустило бы на самое ее дно.

В. И. Ленин писал, что в советской стране не должно быть несчастных и обездоленных; пусть будут юные, молодые, счастливые граждане. Этот замечательный ленинский завет воплощал в жизнь А. С. Макаренко.

Антон Семенович сумел добиться того, что для каждого воспитанника коммуна стала больше, чем родным домом, и мне кажется, что вряд ли кто-либо из коммунаров вспоминает свою родную семью с более теплым чувством, чем коммуну им. Дзержинского.

Какую удивительно теплую, чудесную атмосферу сумел создать в ней Антон Семенович!

День в коммуне был до пределов заполнен трудом, учебой, весельем, смехом. И для всего находилось время. Как радостно мы все трудились и отдыхали!

В огромных светлых комнатах коммуны всегда стояли цветы. Полы блестели так, что могли заменить зеркала. Белоснежные покрывала в спальнях и скатерти на столах создавали чувство праздничности. Порядок в коммуне поддерживался самими воспитанниками.

Почти ежедневно коммуну посещали гости, различные делегации; мы встречали их с радостью, но никогда специально не готовились к их приезду.

Антон Семенович, очевидно, считал, что гости должны видеть все таким, каким оно было на самом деле, что ничего не надо прятать и ничего не демонстрировать.

Эту мысль я несколько раз слышал от Антона Семеновича в последние годы жизни в коммуне, когда мне уже было 17—18 лет.

Вспоминается такой случай.

В 1932 году коммуну посетила делегация, в составе которой были приехавшие из Франции Эдуард Эррио и Пьер Кот. Прибыли они в 12 часов, в разгар рабочего дня Часть коммунаров находилась в классах, часть—у станков. Вероятно, Антон Семенович знал заранее, что коммуну посетят видные политические деятели Франции, но специально не предупредил ребят.

Гостей (их было больше 20 человек) встретили ответственные дежурные (среди которых был в этот день и я), Антон Семенович дал указание одному из дежурных немедленно собрать оркестр. Через минуту наш знаменитый трубач Петька Романов уже играл сигнал сбора музыкантов. И в то же мгновение на глазах изумленных гостей со всех концов нашей территории начали сбегаться музыканты — оживленные, несколько недоумевающие, но во всяком случае готовые к выполнению любого приказа.

Каждый из них, взяв инструмент и ноты в музыкальной комнате, занимал свое место на сцене в большом зале. Надо сказать, что зрелище было весьма живописное. Многие ребята пришли прямо от станков, в спецодежде. Антон Семенович дал указание — никому не переодеваться. Наш капельмейстер Левшаков в это утро отсутствовал, так как его рабочий день начинался после обеда. Но у Левшакова был постоянный заместитель — коммунар Ваня Вовченко — всеобщий любимец[1].

С улыбкой рассаживались гости в зале, глядя на необычайное зрелище. Но вот Ваня поднял свою дирижерскую палочку. Звуки оркестра торжественно поплыли по залу. Да, недаром славился в Харькове оркестр коммуны — ребята играли замечательно. Такая музыка никого не могла оставить равнодушным. Гости уже давно перестали улыбаться. На их лицах были написаны восторг и изумление. Оркестр исполнил три вещи: марш из оперы «Кармен» и отрывки из опер «Чио-Чио-сан» и «Риголетто». И хотя слушателей было не больше тридцати, аплодисменты были такие бурные, словно зал был заполнен до отказа.

[1] В «Педагогической поэме» Ваня Вовченко выведен в образе Вани Зайченко.

Мне очень запомнилось, как Эдуард Эррио и Пьер Кот горячо благодарили Антона Семеновича за доставленное им удовольствие, как пожимали ему руки. Эдуард Эррио сказал: «Я потрясен... Я видел сегодня настоящее чудо... чудо, в которое я бы никогда не поверил, если бы не увидел его собственными глазами».

* *
*

Созданию теплой, дружной, поистине семейной, атмосферы в коммуне в значительной степени содействовала постоянная забота старших воспитанников о малышах.

Эту заботу, это своеобразное шефство старших над младшими всячески развивал и поощрял Антон Семенович.

Каждый младший воспитанник обычно имел своего шефа, который братски заботился о нем, следил не только за его внешним видом и внешней дисциплинированностью, но и за его успехами в учебе и труде.

Антон Семенович служил для нас самым блестящим примером, трогательной, неустанной заботы о людях, о товарищах. Он приходил на работу первым и уходил последним. Для каждого находилось у него и нужное слово, и дружеский взгляд, и сочувствие. Вежливость, неизменная приветливость, внимание к мелочам отличали отношение Антона Семеновича к людям.

Поведению Антона Семеновича сознательно или бессознательно стремились подражать, как правило, все коммунары. Поэтому шефство старшего над младшим часто переходило в хорошую крепкую дружбу, длившуюся годами. Даже после выхода из коммуны ее воспитанники продолжали интересоваться судьбой своих подшефных, оставшихся в коммуне. Интересно отметить, что Антон Семенович со всей серьезностью, исключительно требовательно, даже взыскательно относился к шефам, добивался, чтобы они чувствовали всю ответственность порученного им дела.

В коммуне царил неписанный закон: за поведение младших отвечали старшие. Это было очень справедливо и оказывало огромное воспитательное воздействие и на старших воспитанников и на их подшефных.

Антон Семенович не останавливался перед тем, чтобы наложить взыскание на старшего за такой проступок младшего, как порча имущества, одежды и т. д.

В 1934 г. мы отдыхали в Святогорске, в лагере, разбитом на берегу Донца. Однажды пришло письмо от шахтеров Донбасса, которые обещали приехать к нам в гости. Совет командиров дал указание всем коммунарам привести в «боевую готовность» свои парадные белые костюмы, т. е. попросту говоря — постирать и выгладить их.

Я помню, как старшие коммунары заботились о том, чтобы у младших костюмы были в порядке. Как правило, каждый старший стирал и свой костюм и костюм своего младшего товарища. Поля Джуринская и Вася Слизкий тоже предложили мне свою помощь, но я гордо отказался, заверяя, что сам прекрасно справлюсь с этим делом. Они поверили мне, а я, привязав камень с веревкой к своему костюму, закинул его в Донец. Второй конец веревки был привязан к колышку, вбитому в берег.

Такой способ стирки казался мне идеальным. Но когда я через два дня вытянул веревку, то увидел свой костюм в довольно плачевном состоянии. Я очень огорчился, так как боялся, что не смогу участвовать в параде. Но самое сильное впечатление произвело на меня то, что Антон Семенович лично мне не бросил ни слова упрека, хотя я и ожидал наказания, а сделал очень строгий выговор и наложил взыскание на старшего. Вася Слизкий ограничился тем, что сказал мне пренебрежительно: «Эх ты, а еще хвастался: я сам...» Долгое время не оставляло меня чувство вины перед старшим товарищем, который поплатился за меня. И я старался всеми способами загладить эту вину. В параде я все же участвовал, так как Антон Семенович распорядился выдать мне новый костюм. Он учел, что в моем поступке не было злого умысла, и видел, как я хотел быть со всем коллективом в праздничный день. Такая исключительная чуткость, внимание, забота о каждом воспитаннике, подростке, юноше была характерна для Антона Семеновича. И мы отвечали ему тем же, в меру своих детских сил старались оберегать его и заботиться о нем.

Мне хочется рассказать еще один случай. В 1933 году коммуна в полном составе отправилась в очередное летнее путешествие — в Сочи. Перед поездкой все коммунары по заведенному у нас порядку для удобства сдали свои личные деньги на хранение Антону Семеновичу с тем, чтобы получить их после приезда на место. У каждого из нас было от 50 до 350—400 рублей, в зависимости от возраста, заработной платы и т. д.

Таким образом, в портфеле Антона Семеновича находилась крупная сумма денег; тут же лежал список, в котором было указано сколько денег принадлежит каждому из нас. Не успели мы проехать несколько станций от Харькова, как Антон Семенович полушутя, полусерьезно заявил, что он не может постоянно носить с собой такой тяжелый портфель с деньгами, и передал его на хранение коммунару Васе Клюшнику. Но ведомость со списком коммунаров Антон Семенович вынул и спрятал в другой портфель.

На одной из станций Донбасса произошла большая неприятность. Сейчас не могу припомнить, при каких точно

обстоятельствах, но портфель с ведомостью у Антона Семеновича был украден. Очевидно, воры решили, что в нем находятся деньги.

Новость быстро облетела все вагоны, в которых ехали коммунары. Но очень многие не знали: украдены деньги, или только бумаги. Приехав на место, Антон Семенович в первый же день попросил всех коммунаров написать на листке ту сумму денег, которая была сдана ему перед поездкой, так как он помнил только общую сумму. Все коммунары указали суммы и расписались на листке. Но когда Антон Семенович, согласно новой ведомости, раздал деньги, хранившиеся у Васи Клюшника, он увидел, что остается еще большая сумма денег. Оказывается, каждый коммунар, полагая, что были похищены и ведомость и деньги, опасаясь, что Антон Семенович вынужден будет возмещать убытки из собственных средств, указал значительно меньшую сумму, чем он сдал на хранение.

Ни один коммунар (а нас было пятьсот) не назвал большей суммы, чем та, которая ему принадлежала, хотя и знал, что никто его не сможет проверить.

Антон Семенович крепко отругал воспитанников за то, что они сознательно уменьшили суммы своих карманных денег. Но все мы, даже самые младшие, чувствовали, что он глубоко тронут таким ярким проявлением любви к нему и заботы о нем.

Большое благородное сердце Антона Семеновича билось горячей любовью к детям и молодежи. Эту любовь постоянно чувствовал каждый из нас. Недаром воспитанники Антона Семеновича несут через всю свою жизнь чувство искренней благодарности и большой любви к этому замечательному человеку, бывшему для нас и воспитателем, и другом, и отцом.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

А. С. Макаренко

ЗАМЕТКИ НА СОВЕЩАНИИ

По свидетельству проф. В. Н. Колбановского, публикуемые заметки сделаны в связи с обсуждением доклада «Постановление ЦК ВКП (б) «О ликвидации педологических извращений в системе наркомпросов» и задачи психологии». Документ датируется по содержанию концом 1936—началом 1937 гг. Установить дату совещания более точно не удалось.

В «Заметках» А. С. Макаренко кратко записал для себя высказывания участников совещания, а также отдельные возражения, выводы. Как легко видеть, свои мысли автор почти всегда выделяет очерчиванием.

«Заметки» публикуются впервые по оригиналу, хранящемуся в Архиве А. С. Макаренко (дело № 100). В тексте сделаны незначительные сокращения.

Хотя записи фрагментарны и не всегда поддаются детальной расшифровке, они представляют большой научный интерес. Главная мысль А. С. Макаренко — положение об активном характере советской педагогики, созидающей положительные черты характера и поведения нового человека, выражена в записях очень отчетливо. Это принципиальное положение варьируется в различных формулировках, противопоставляется пассивности, пессимистическому фатализму педологии.

Текст подготовил к печати В. Е. Гмурман. Название «Заметки на совещании» дано редколлегией.

* *
*

Колбановский

Оптимистическая перспектива	Рефлекс на капризы.[1] Рефлекс на сигналы. Рефлекс ориентировки. Рефлекс коллектива. Вопрос долга и выполнения.	
	Эволюция или взрыв.[2]	Стиль и тон.

[1] Примечание к тексту см. далее, стр. 173.

Дрямов — реакция среды не может изменить ничего в инструментовке организма.

Не среда, а коллектив.

Социальный аспект

Человек воспитывается не только физически, но и психически. И это не всегда можно разграничить. Лестница.

Педагогическая дифференциация не должна исходить из данных рефлексологии, но мы имеем факт сопротивления.[3]

Динамический стереотип

Эмоция или неэмоция.	Неинтересная работа.[4]

Дезорганизаторы в роли организаторов

Полезное значение неблагополучия, воровства.

Метод с аппетитом

Дать задание противоположное

Не отталкиваться от индивидуальности, а сохранить ее.

Индивидуальный такт.

Только в коллективе.

Гестунев — Сугубо реакционный, потому что физиология дает данные для педагогических выводов.

* * *

Люди с финками Предоставьте ее самой себе	Что нужно делать с учеником, который плохо успевает.

Коновалов — Педология съела науку о детской психологии. И не столько психологию, как ее преподавание.

Не знаем о проблематике исследования и психологии ребенка.

Кто такой Выгодский, психолог или педолог?

Подозрительные затруднения

У Выгодского 8 подстадий развития ребенка. Где же их границы? Требуется большая скрупулезность.

Вот именно интерес к подстадиям у человека, который не имеет никаких желаний, никакой цели, никакой страсти.[5] А что?

«Рабское следование иностранным авторам. Многие считают большой честью поместить свою статью в заграничном журнале».

Ясно почему. Своего нет.

Эпштейн

«Много таких даже сильных учителей, которые допускают у себя в школе большую неряшливость».

Воспитание в убеждении, что в советской школе все позволено.

«Доклады сделали попытку смягчить постановление ЦК о педологии».

Вот именно школьный будень нужно сделать для ученика днем страстной, настойчивой увлекательной борьбы за знание, за будущее, за победу над фашизмом. Но для того, чтобы организовать это, нужна честность и техника.

«Любое педологическое положение можно сейчас найти в практике нашей школы».

«Наша школа еще до сих пор не разрешила проблемы создания культурно-грамотного человека».

Нам нужен фатализм, но только оптимистический. Это уверенность в победе.

«Мы думаем над тем, какие методы выдвинуть, чтобы наши дети были более дисциплинированы».

Дьяков

приводит из Блонского «ребенок сосет — сексуальное переживание», «поцелуй не что иное, как взаимное сосание»...

По теории одаренности у нас разброд мнений.

Каждый человек в чем-либо обязательно одарен.

Что такое бессознательное, у нас не найдено ясного ответа О наследственности. Мы ее решительно отрицаем или до каких-то пределов?

Колбановский «Анализ профессорской вежливости».

Как разрешить проблему наследственности и среды?

«Социальный опыт новорожденного ребенка».

«Влияние социальной среды на ребенка в утробе».

«Наша психология еще не может принести пользы».

В психологии для нас важны явления сопротивления по разным причинам.

Ленин требовал изучения нервных процессов.

Мандат на 15 лет получила педология — НКП его выдал, мы педагоги признали.

Дело не только в отдельных методах, дело в общем направлении.

Чем объяснить поразительное бесплодие педагогической науки за истекший период?

«Есть прекрасные практики, поставившие замечательно дело воспитания и обучения, но они не имеют теоретической подготовки, надо им дать». (Ха-ха!).[6]

Возможна ли частная методика без вопросов воспитания? Но, конечно, центр тяжести педагогики близок к методике.

Весь порок педологии — в знахарском подходе к проблемам.

В приведенных примерах «Монографического исследования» есть много интересных проблем Но ни одну из них нельзя решать, не решив общей и важнейшей проблемы: как в конце года количественно и качественно пройдена программа.

Не соприкосновение с обстоятельствами, а революционная практика.

Психология, биология, рефлексология должна говорить нам не о том, что мы должны сделать, а только о том, как удобнее сделать то, что мы решили[7].

Медынский Экспериментальная педагогика это будущая педология. Разрыв изучения с воспитанием.

Знание человека, его психики, его даже наследственности, даже его отсталости для нас важно не как знание количества, а как поиски того рычага, того хвостика, за который нужно ухватиться, чтобы сделать то, что мы хотим.

Розенберг В вузах нужно учить этому искусству энергичного вторжения в душу личности и коллектива.

Литература и особенности заочного обучения полна педологических указаний (Методика физики Соколова). В пермском институте (дошкольном) организовали ларек в очередь для того, чтобы приучить детей к порядку. «Как же не позволять детям свободу, если сам К. Маркс позволял детям на себе ездить».

Стремление к высшему образованию в Дзержинке как борьба с педологией.
А если бы основания педологии были научны?

Олевский. Десятки тысяч учителей сейчас заморочены педологией.[8]

Алексинский.
Профессора педагогики не знают и не хотят знать современной советской школы.
«Они приготовишки педагогики».
«У них научная тема»
«Мы оказались без теории, мы оказались даже беспомощными даже перед лицом контрреволюционной теории».
«Нет никакой научной педагогики».

Любимов. Его смущает: как быть с наследственностью и изменением, а нужно: как из всякого материала создать человека.

Какое место психологии?
Такое: психология только для того, как удобнее ухватиться за человека с определенной целью.

Психология — трамплин для прямой работы.[9]

Познанский. «Ученица не может осилить «не» и «ни» потому, что она в том возрасте

а что делать? хитро обойти или настойчиво добиваться.

Мы слышим грохот разрушения, но музыки новой педагогики не слышно...

Примечания

1. Здесь перечисляются формы поведения, имеющие явно выраженный характер рефлекторных актов рефлекс на сигналы, рефлекс ориентировки, рефлекс коллектива. Запись «Рефлекс на капризы» неясна. В подготовительных материалах к «Книге для родителей» А. С. Макаренко называет детский каприз «рефлексом на воспитателя».

2. Вопрос об эволюции и скачках в воспитании глубоко интересовал А. С. Макаренко. Специально этому вопросу посвящен фрагмент «О взрыве».

3. Здесь и далее термин «сопротивление» обозначает сопротивление детей воспитанию.

4. Антон Семенович считал, что эмоциональное отношение к работе не может обеспечить длительные трудовые усилия (см. об этом «Доклад в Украинском научно-исследовательском институте педагогики», Соч., т. 5, 2-е изд.).

5. Пренебрежение педологии к педагогической цели А. С. Макаренко подробно критикует в статье «Цель воспитания» и докладе «Художественная литература о воспитании детей».

6. В 1936 г. первоочередная задача состояла в том, чтобы теоретически обобщить передовой педагогический опыт восстановить в правах педагогику как науку. Только при этом условии деятели педагогической науки могли дать практикам надлежащую «теоретическую подготовку».

7. По мысли А. С. Макаренко метод воспитательной работы обусловлен целью воспитания. Выработав общий метод, педагоги конкретизируют и корректируют его применительно к индивидуальным особенностям воспитанников. (См. об этом лекцию «Методы воспитания» и доклад «Художественная литература о воспитании детей»).

8. В статье «Цель воспитания» А. С. Макаренко писал: «Напрасно думают, что наше учительство заморочено педологией. Если кто и заморочен, то не учительство».

9. Под «прямой работой» следует понимать, по-видимому, так называемую педагогику прямого действия, непосредственное воздействие педагога на воспитанника.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

По Ленинскому пути 7

Паперная Г. А., Науменко Ф. И. За творческое использование педагогического опыта А. С. Макаренко в работе школ-интернатов 12

Алексеевич Г. А. А. С. Макаренко и педагогическая наука 32

Горбик Р., Тур Б. Из опыта совместного воспитания у А. С. Макаренко 39

Годына М. К. О методе «взрыва» 45

Ушеренко Т. Е. Рассказы А. С Макаренко о детях. . . . 54

Стоницкая Л. И. О некоторых вопросах эстетического воспитания в педагогическом опыте А. С. Макаренко 56

Львова Ю. Л. Школьный театр как средство эстетического воспитания и сплочения детского коллектива 74

Тимошук И. Л. Из опыта работы туристско-краеведческого кружка 87

Мирный И. И., Фин Б. И. Об общественном авторитете школы рабочей молодежи 104

Котко П. А. В школе имени А. С. Макаренко 117

Материалы к биографии. Воспоминания.

Алексеевич Г. А. К биографии А. С. Макаренко . . . 125

Убийвовк И. А. С. Макаренко в Крюкове 134

Беседа с учеником А. С. Макаренко 146

Сватко А. Слово о моем воспитателе 148

Гаврильченко В. Я. Из воспоминаний об учителе . . 154

Борискина К. Т. В драмкружке коммуны имени Дзержинского 158

Явлинский А. Г. В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского . 162

Архивные материалы

Макаренко А. С. Заметки на совещании 169

Редактор Ю. Л. Котляров
Техредактор Т. В. Саранюк
Корректор С. Я. Михайленко

«А. С. Макаренко». Книга четвертая.

БГ 09301. Сдано в набор 21. XI. 1958 г. Подписано к печати 9. V 1959 г. Формат бум 60 × 92 1/16 = 5 бум. л. — 11 печ. л. + 4 вклейки. Уч.-изд. л. 10,4 + 0,25 вкл. Тираж 2 000. Цена 4 руб 60 коп. + переплет 1 руб. Зак. № 205.

Типо-хромолитография «Атлас» Главиздата. Министерства культуры УССР
г. Львов, Зеленая, 20.

Цена 5 руб. 60

Duke University Libraries
D01369490W

Duke Library Service Center
D01369490W